

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 11 (221)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2010**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Мальшева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2010. – № 11 (221). – 192 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Серапина.</i> Влияние коррупции на политические процессы современной России	5
<i>Олег Яницкий.</i> Социальные ограничения модернизации в России	17
<i>Равиль Гайнутдин.</i> Ислам и проблемы безопасности на постсоветском пространстве	27
<i>А. Иванов, Н. Кирюшина, А. Рудаков, С. Устинкин.</i> Зарубежные неправительственные религиозно-политические организации, действующие на территории России	37
<i>А. Салагаев, С. Сергеев, Л. Лучшева.</i> Культурная и религиозная ситуация в современном Татарстане	47
<i>Ю. Дорохов.</i> Проблема исламского экстремизма на Северном Кавказе (На примере Республики Дагестан)	58
<i>С. Аккиева.</i> Ислам в Кабардино-Балкарской Республике	66
<i>А. Алиев.</i> Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе	77
<i>Баатр Китинов.</i> Религия в геополитике государств Каспийского региона	85
<i>Л. Мирзаде.</i> Цели внешней политики Азербайджана	90
<i>Салтанат Ермаханова.</i> Казахстан: Поиск собственной модели социокультурного развития	96
<i>Кадыр Маликов.</i> Вопросы модернизации исламских образовательных учреждений в Киргизстане	103
<i>Саодат Олимова, Музаффар Олимов.</i> Мигранты из Таджикистана на фоне кризиса	109
<i>Саидакбар Агзамходжаев.</i> Современное состояние исламского образования в Узбекистане	124
<i>В. Аватков.</i> Роль Турции на постсоветском пространстве	134
<i>А. Кудрявцев.</i> Влияние внешнего фактора на внутривнутриполитические процессы современного Ирана	147

<i>Дмитрий Тренин, Алексей Малашенко.</i> Ситуация в Афганистане и Пакистане	161
<i>Е. Иноземцева.</i> Положение женщин в исламе.....	165
<i>Алексей Малашенко.</i> В исламе надо разбираться	169

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

А. Серапина,

публицист

(г. Астрахань)

**ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

История коррупции является самой неприятной и самой скандальной страницей политической истории любого государства. Ее расцвет свидетельствует об упадке системы государственного управления и моральном разложении тех лиц, которые были призваны быть парадным лицом этого государства. Но история свидетельствует, что коррупция не всегда понималась обществом однозначно в негативном значении. История коррупции в России относится к X в., когда по примеру Византии возникает институт «кормления» – древнерусский институт направления главой государства (князем) своих представителей (воевод, наместников) в провинцию без денежного вознаграждения. Предполагалось, что население региона будет «кормить» своего наместника. Последний обладал огромными полномочиями, и ясно, что население не скупилось на подношения. «Откормленные» воеводы, возвращаясь в столицу – Москву, везли с собой накопленное добро, «подарки», «излишки» которых изымались еще при въезде в Златоглавую в пользу казны. Так возникала круговая порука взяточников провинциальных и столичных.

В средневековой России «кормление» воевод и присвоение ими платы за разрешение конфликтов считались обычным доходом служивых людей наряду с жалованием из казны или получением поместий. Чем более централизованным являлось государство, тем более строго оно ограничивало самостоятельность граждан, провоцируя чиновников низшего и высшего звена к тайному нарушению закона в пользу подданных, желающих избавиться от строгого надзора и контроля общественности. Кормление было официально отменено в 1556 г., но традиция жить и

богатеть за счет подданных фактически сохранилась надолго, быть может, до настоящего времени. Не было недостатка в моральном и государевом осуждении взяточничества – в XIII в. митрополит Кирилл, затем цари Иван III, Иван IV Грозный, при котором состоялась первая известная казнь за взятку. В 1550 г. появился «Судебник», свод законов Ивана Грозного, в котором он начал официальную борьбу со взяточничеством. Уже при Борисе Годунове дьяков, которые брали взятки, не только публично секли, но и возили по городу, причем на шею им вешали тот самый «незаконный принос». Но даже такие жестокие наказания не смогли искоренить преступный обычай в среде российского чиновничества. Коррупция («воровство») в Московии сопровождалась не только расхищением государевой казны, но и возведением бесчестия на других казнокрадов («позорят, лают и лгут»), с целью отвода от себя подозрений в этом грехе. Таким образом, коррупция усиливает не только моральное разложение власти, но и увеличивает поток лжи и брани среди конкурирующих элитных групп и отдельных лиц. «Воровская мысль» уже тогда была предметом серьезных судебных разбирательств и чиновникам приходилось прибегать к изощренным актам фальсификации для того, чтобы доказать свою «правоту» и отстоять свое «честное имя» («знатную породу»). Следует сказать, что психология этой «породы» претерпела за это время незначительные изменения.

Ненормативное поведение чиновничьего аппарата вряд ли будет содействовать укреплению и процветанию политической мощи и авторитету государства. Коррупция вообще и политическая коррупция в частности является одновременно и причиной и следствием слабости государства как носителя государственной власти и гаранта социального благополучия общества. Общеизвестно, что коррупция в государственных структурах препятствует не только успешному развитию государственного управления, но и влечет за собой огромные дополнительные затраты со стороны бизнеса и населения, что в целом тормозит экономическое развитие страны. Меры по противодействию и борьбе с коррупцией являются приоритетными для России на современном этапе. Международные рейтинги показывают, что уровень коррупции в России недопустимо высок.

Отечественные исследования отмечают устойчивую воспроизводимость коррупции в российской государственности (как царской, так и советской) на протяжении всей ее истории. Эта особенность коррупции была отмечена еще в начале XX в.

представителями «отечественной социологии чиновничества». Изучая такую форму коррупции, как взяточничество, отечественные исследователи сделали следующие выводы о природе этого явления в России:

1) подкуп административного лица является прочной традицией российского государственного быта;

2) формы взяточничества менялись, но суть ее формы злоупотребления властью, как служебного преступления, сохранилась;

3) воспроизводимость явления нашла отражение в языке (и бытовом, и литературном) – появились как прямые его обозначения, так и многочисленные афоризмы, вроде «оказать почести», «проявить уважение», «мзда», «корм» и т.д.

Исследователи отмечают, что к 1970-м годам советская номенклатура вплоть до руководителей государства и Коммунистической партии была тотально коррумпирована. Достаточно здесь будет вспомнить «хлопковые», «фруктовые», «рыбные», они же «узбекские», «казахские», «молдавские», «московские» и прочие дела и процессы, отразившие лишь видимую, поверхностную часть этого явления.

Анализ имеющихся на сегодняшний день в распоряжении общественных наук данных указывает на существование своего рода «заговора», существующего в чиновничьей иерархии. Суть этого «заговора» заключается в том, что чиновники знают, кто, сколько берет, и при этом сохраняют молчание, проявляя тем самым свою корпоративную солидарность. Они также знают, что коррупция плоха с моральной точки зрения, но крайне выгодна для достижения личных и чаще всего эгоистических целей. Так, бывший премьер-министр России (1998) Е.М. Примаков спустя годы признавался: «Будучи премьером, попросил всех в правительстве, кто связан с валютой и торговлей, дать мне в письменном виде информацию о том, куда уходят деньги, в том числе из-за дыр в законах. В ужас пришел не только от того, какие масштабы, но и от того, что все все знают. Встала дилемма – если все это опубликую, придется прибегать к репрессиям. Делать этого было нельзя, особенно с учетом того, что стояла задача стабилизировать ситуацию расшатанную дефолтом. Тогда решил хотя бы выступить с угрозой в адрес коррупционеров, которая их ничуть не напугала». Из этого следует, что представители высших эшелонов власти ситуацией владели, более того, практически ее и создали, приняв в ней самое непосредственное участие. Они управляют не

только делами государственными, но и самими коррупционными процессами. Естественно, что вторая часть их деятельности не является публичной, а находится в тени их основной официальной практики.

Коррупция является одной из важнейших, чуть ли не центральной составляющей такого явления, как теневая политика и теневая экономика. Поскольку экономика и политика постоянно обмениваются своими ресурсами, то их взаимоотношения могут оказывать существенное влияние как на политическую, так и на экономическую сферу деятельности. Теневая политика понимается как некая «совокупность идеологических, технологических и инструментальных приемов и действий, ориентированных на формирование параллельных (скорректированных под заданные цели) или альтернативных (оппозиционно-революционных) институциональных отношений». Сам факт нахождения в «тени» уже предусматривает разворачивание разнообразной коррупционной деятельности (взятки, «откаты», монополизация, трудоустройство родственников и т.д.).

Теневая политика представляет собой область различных неформальных коалиций по потреблению государственных ресурсов. Сам факт наличия такой «зоны» резко ускоряет процесс утраты государственными учреждениями правовых и нравственных ограничений. В результате получается существование рядом с формальным миром политических и экономических отношений не менее равноправного параллельного «неформального мира» (который имеет такие свойства, как самоорганизация, усложнение и развитие в пределах данного времени и существующих общественно-политических форм). Особую роль играет в России неофициальная сфера национального хозяйства – теневая экономика, предпринимательская деятельность осуществляется вне учета и контроля со стороны государства и не отражается в официальных статистических данных. В этой области специалисты выделяют три сегмента: белый, серый, черный. Существуют различные прямые и косвенные методы оценки размеров теневой экономики. В целом в мире в рамках данного сектора ежегодно создается добавленная стоимость не менее чем на 8 трлн. долл., не зафиксированная в официальной отчетности. В России, по имеющимся оценкам, теневая экономика достигает 40% ВВП. Только на взятки в России затрачивается примерно 37 млрд. долл.

Профессор А.А. Вартумян приходит к выводу о том, что любое увеличение доходов в теневой экономике приводит к увеличе-

нию объема денежных средств, направляемых на взятки, в результате чего и происходит дальнейшее расширение масштабов коррупции. Большинство действий в рамках теневой экономики осуществлялось прежде всего в системе отношений «государство–бизнес», т.е. «политика–экономика». Объективные противоречия между государственными структурами и бизнесом выражаются в том, что интерес первых состоит в пополнении финансовых ресурсов за счет налогоплательщиков, а вектор интереса бизнеса развернут прямо противоположно. Стороной, которая несет основной ущерб от противоправных действий, является общество. Таким образом, теневые отношения государства и бизнеса непосредственно направлены против общества.

Исследователи отмечают, что «причина живучести российской коррупции – в масштабах теневой экономики, в слишком широком зоре возможностей чиновников при выдаче разрешений. И в фактически полной безнаказанности. В Европе тормозом служит страх потерять весьма значительные пенсии за выслугу лет и жесткая система декларации доходов и имущества чиновников и их семей. Но в России суммы откатов и взяток таковы, что страх потерять пенсию растворяется перед соблазном за две–три коррупционные сделки обеспечить безбедное существование для себя и детей. В России никто не спрашивает, каким образом госчиновник, милицейские или судебные чины владеют миллионными особняками». При принятии ответственных решений элита власти иногда руководствуется не государственными, а узкокорыстными интересами.

На современном этапе коррупция в России приобрела чрезвычайно широкие масштабы. Однако определять создавшуюся ситуацию как совершенно исключительную вряд ли правомерно. С одной стороны, коррупция с начальных этапов формирования профессиональной бюрократии была типичным институтом российского общества. С другой стороны, индекс восприятия коррупции в современной России на фоне других стран мира, в том числе и среди бывших советских республик, значительно ниже. Рост коррупции и превращение ее в социальное явление российской политики является наиболее опасной деструктивностью, способной перечеркнуть многие позитивные достижения предыдущего периода социально-экономического развития страны. Уже в 2005 г. общий рынок российской деловой коррупции превысил доходы федерального бюджета почти в 3 раза. Средний размер взятки бизнесменов чиновникам составлял 130 тыс. долл., в то

время как в 2001 г. – всего лишь 10 тыс. долл. (цифры не включают коррупцию в высших эшелонах власти). В итоге стоимость товаров и услуг в стране из-за одной только коррупции стала дороже на 50%, чем за рубежом. Три четверти коррупционных денег бизнеса достается представителям органов местного самоуправления, 20% – региональным властям, 5% – федеральной власти.

Среди форм коррупции сегодня на первом месте стоит взяточничество (65%), но не менее распространены такие формы, как семейственность и родственные связи (52%), подкуп государственных служащих (35%), махинации с государственным имуществом (33%), вымогательство со стороны госслужащих (30%), оказание услуг с использованием служебного положения (28%), действия в обход существующего порядка ведения дел в собственных корыстных интересах (14%), предоставление неоправданных льгот и привилегий (10%) и т.д. По данным на 2005 г., российские чиновники получали только на взятках в год 33,5 млрд. долл. «За “проведение схемки” чиновник берет 10% от суммы сделки. Исследования показали, что по размаху обдираловки лидируют контроль и надзор, фискальная и налоговая сферы, лицензирование и таможня. Именно в эти госструктуры на любую должность рвутся те, кто решил прийти во власть, чтобы заработать в собственный карман».

Беспокойство вызывает не столько высокий уровень коррупции, сколько тенденция к ее росту. Особенно опасно то, что коррупция, как считают многие исследователи и рядовые граждане, сильнее всего поразила органы внутренних дел, призванные вести борьбу с коррупцией. Громкие коррупционные скандалы в последнее время имеют одну особенность: в них замешаны люди, которым по службе велено стоять на страже законности. Отмечаемая высочайшая коррумпированность данной структуры является сильным тормозом к развертыванию антикоррупционной борьбы. При этом всегда особо подчеркивается, что развитию коррупции в немалой степени способствует не только «злая воля» чиновников-политиков (коррупционеров), но и несовершенство самой законодательной базы государства. Законы «пишутся» не под объективные условия существования общества, а под конкретные «проекты» отдельных политических или хозяйствующих групп, что уже само по себе создает условия для коррупционной деятельности указанных лиц.

Расцвет коррупционной деятельности ведет к экономической неэффективности и неоправданным расходам, а прибыль, полученная через коррупционные связи, в основном используется в секторе потребления. Несправедливое распределение поднимает цену товаров или услуг, снижая их качество, негативно сказываясь на конкурентоспособности и эффективности экономики России.

Особое место в политической коррупции занимает электоральное поведение. Рассматривая коррупцию в электоральном поведении, В.Л. Римский в итоге сводит ее к клиентелизму в поведении избирателей. И хотя понятие «коррупцированное электоральное поведение» в политической науке мало используется, существует распространенное понятие «электоральная коррупция», смысловое содержание которого оказывается значительно шире предыдущего понятия. Например, современная юридическая наука определяет следующие формы электоральной коррупции:

- 1) незаконное финансирование избирательных кампаний;
- 2) использование «административного ресурса»;
- 3) подкуп (продажность) членов избирательных комиссий с правом решающего голоса;
- 4) противоправное осуществление информационного обеспечения выборов, референдума организациями, осуществляющими выпуск СМИ и их представителями из корыстной или иной заинтересованности;
- 5) подкуп (продажность) лиц, призванных обеспечивать открытость и гласность избирательного процесса;
- 6) подкуп (продажность) лиц, призванных представлять интересы кандидатов, избирательных объединений (доверенные лица, уполномоченные представители по финансовым вопросам);
- 7) подкуп (продажность) кандидатов, не связанный с финансированием избирательной кампании;
- 8) подкуп (продажность) избирателей.

Основные формы и техники подкупа избирателей были апробированы в России еще в 1990-е годы и в отдельных регионах весьма успешно работали еще и в начале 2000-х годов. Эволюция избирательной системы России рубежа XX и XXI вв. представляет собою переход от группового (элитного) к единоначальному (VIP) принципу. Если в 1990-е годы сами элиты решали, кого и куда избирать, то в 2005 г. это право у них было отобрано, и в России остался один, но главный избиратель страны – Президент РФ. Однако и в этом некоторые политические комментаторы усматривают проявление российского демократизма: впервые внутрикремлев-

ские процедуры, которые до сих пор были процедурами теневыми, получили официальный статус.

Одна из причин, по которым многие общества серьезно поражены коррупцией госаппарата, заключается в том, что почти все частные предприниматели имеют побудительные мотивы к нарушению закона, при этом почти ни у кого не возникает стимула сообщать о таких нарушениях властям. «Не только совокупный побудительный мотив частного сектора толкает его обойти закон, но и все побудительные мотивы, характерные для частного сектора, оказываются на стороне тех, кто нарушает правила и постановления. Когда таких постановлений и ограничений становится слишком много, рано или поздно частный сектор (поскольку все или почти все его представители имеют побудительные мотивы к нарушению антирыночных установок или к подкупу чиновников) делает правительство коррумпированным и неэффективным». Особенностью современной коррупции является последовательное расширение зоны своего влияния за счет новых, ранее достаточно защищенных от нее сфер, в частности правоохранительной деятельности и высших эшелонов власти, что делает ее особенно опасной. Сегодня практически нет ни одного органа государственной власти, коррупционные услуги которого не были бы востребованы бизнесом. В распределении российских рынков коррупционных услуг практически монопольно главенствует исполнительная власть. На ее долю приходится 98,97% общего объема рынка коррупционных услуг (для сравнения: судебная власть – 0,86% и законодательная власть – 0,17%). Причем наибольший коррупционный доход приносят эксклюзивные властные функции исполнительной власти, в частности такие, как нефинансовая контрольная и надзорная деятельность – 34,6%, лицензирование – 34,2, фискальное взимание налогов и налоговый контроль – 22,0%.

Определенный ресурс для развития коррупции содержат лоббистские практики, особенно в своей нелегальной части. Законный лоббизм предоставляет широкий комплекс услуг от предоставления экспертной информации и продвижения законопроектов до поддержки неформальных связей с чиновниками и воздействия через СМИ. Именно на основе этих практик складываются так называемые «железные треугольники» – устойчивые связи между депутатами, чиновниками отраслевых министерств и корпорациями.

Многими политическими обозревателями отмечается, что безответственная и безнравственная власть всегда бывает особен-

но коррупционна. Из этого наблюдения мы можем сделать вывод о том, что уровень коррупции власти напрямую зависит (пропорционален) от ее безнравственности. Причем, чем безнравственнее власть себя ведет, тем больше шансов если не у правоохранительных органов, то у историков найти в ее практике злоупотребление.

К коррупции можно отнести и процесс приватизации начала 1990-х годов, поскольку он создал новую социальную конструкцию, два полюса: на одном из которых сосредоточилось бедное большинство («новые социальные низы»), а на другом – сверхбогатое меньшинство (олигархи). Среднего класса, который является основой гражданского общества, при таком формате и в таких условиях не бывает. При этом власть сама (в силу своей неопытности или скрытого злого умысла?!) создала благоприятные политико-правовые условия для несправедливой приватизации. Именно несправедливость и является тем признаком, по которому мы можем определять уровень коррумпированности власти. При этом политическая и социальная несправедливость имеет экономические корни.

Глава Национального антикоррупционного комитета К. Кабанов указывает, что в структуре коррупции 40–60% составляет система откатов. Коррупция проявляется также в системе госзакупок, выделения различных квот, например, в сфере природопользования и других сферах. В условиях экономического кризиса масштабы коррупции будут только расти, поскольку объем бюджетных средств, выделяемых на антикризисные программы, увеличился, а система контроля за их расходованием еще пока не сформирована. По оценкам компетентных органов, предоставление эксклюзивных прав (льгот, в том числе по экспорту и импорту, налогам, лицензированию и т.п.) – благодатнейшая почва для коррупции. При подготовке проекта концепции административной реформы производилось анкетирование правительственных ведомств, и среди прочего анкета содержала вопрос о полномочиях, которых не хватает ведомству. Право выдачи лицензий было в числе наиболее распространенных пожеланий.

Дешевая рабочая сила (по большей части нелегалы), строящая элитное жилье, выгодна самим строительным компаниям и банкам, дающим ипотеку. В России «цены на жилье заоблачные, а услуги строителей-мигрантов – копеечные. Вот и получается, что кучка особо предприимчивых получает за счет этой разницы сверхприбыль. И именно они будут делать все возможное для того, чтобы миграция оставалась в нынешнем состоянии. Иначе им

придется увеличивать зарплаты, создавать человеческие условия для жизни рабочих, т.е. увеличивать расходы. Но у большинства мигрантов единственное преимущество – это их готовность жить где угодно. Поэтому их нанимать выгоднее, чем коренное население, которое претендует на нормальные условия труда». Пока государство живет за счет дешевой рабочей силы своих граждан, никакого гражданского общества в этой стране в принципе быть не может. Перед нами фактически замаскированная эксплуатация труда человека, лишённого экономической и политической самостоятельности. В 2004 г. экономисты в один голос говорили об этом дисбалансе. Рост цен в России, согласно мнению доктора экономических наук Е. Паниной, является следствием сговора монополистов, которые четко отслеживают, когда на финансовом рынке появляются новые средства (в частности, денежная компенсация льгот), чтобы спешно и успешно их «освоить». Монополисты взвинчивают цены, что приводит к полному обесцениванию всех компенсаций. Государство попусту бросает все эти средства в топку, поскольку до самих граждан они не успевают дойти. Поэтому власть монополистов должна быть ограничена. «Когда цены будут под контролем государства, нужно резко повысить доходы всего населения. Во всем мире существует понятие “социальный стандарт жизни”. Позор то, что наша страна – единственная, где мерилom благополучия считается минимальный размер оплаты труда».

Коррупционная деятельность чиновников наносит колоссальный вред национальным интересам и национальной безопасности России. Это фактически «пятая колонна», внутренний враг, засевший и поразивший сами органы власти. «Коррупция – угроза развитию государственного управления. Коррупция ставит под удар национальную безопасность страны. В 2006 г. заместитель генерального прокурора РФ А. Буксман привел цифры, согласно которым объем рынка коррупции в нашей стране сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается в более чем 240 млрд. долл. По данным фонда ИНДЕМ, этот показатель еще выше: только в деловой сфере России объем коррупции вырос между 2001 и 2005 гг. примерно с 33 до 316 млрд. долл. в год». Коррупция затрагивает и криминальное сообщество. Так, по экспертным оценкам, от 30 до 50% доходов организованной преступности идет на подкуп государственных должностных лиц, на проведение своих людей в исполнительные и законодательные органы. Плодотворную почву для коррупции создают проникающие во властные

структуры криминальные элементы. То, что власть оказывается беззащитной перед таким явлением, виновата тоже коррупция. Более того, исследованиями было отмечено, что власть перенимает некоторые черты криминальной культуры, и напротив – криминал впитывает в себя отдельные элементы политической культуры. В результате бывает трудно отличить «вора в законе» от действующего политика.

О сращивании власти и криминала российские СМИ писали еще в самом начале 2000-х годов. Отмечалось, что «воры в законе» весьма уютно разместились в самых высших эшелонах власти. Факты, полученные СМИ из разных источников, как официальных, так и неофициальных, способны повергнуть, как минимум, в легкий шок:

1) среди народных избранников Государственной думы России имеются три (!) «вора в законе» и семеро «воров в авторитете» (т.е. те, кого могут короновать в ближайшем будущем). Конечно, все они вполне могут оказаться и «прошляками», т.е. бросившими воровское дело, но факт остается фактом: три «вора в законе» на одну Государственную думу – это многовато;

2) в руководящем составе российских министерств татуировки высшей воровской лиги – «воров в законе» – имели на март 2001 г. 18 человек;

3) в другой, не менее серьезной структуре – Администрации Президента России – доблестно трудились еще два криминальных авторитета, чьи татуировки свидетельствуют о почетном звании «вора в законе»;

4) в выборах в Московскую городскую думу, которые состоялись 16 декабря 2001 г., планировали принять участие еще четверо достаточно известных «воров в законе», предвыборная кампания которых располагала такими финансами, которые обеспечивали им весьма высокие шансы стать московскими депутатами.

Судя по тем средствам, которые чиновники тратят на себя и свои «политические проекты», никакого финансового кризиса в России нет. Все недочеты власти старательно прикрывают громкими заявлениями о достигнутых ими успехах. Ситуация напоминает состояние городских властей накануне приезда в их город высокого начальства – те места города, где имеются неприглядные пустыри, мусорные кучи и долгострой, стали прикрывать от посторонних глаз гигантскими брандмауэрами, на которых с любовью нарисованы зеленые кусты и окна.

Призывы к экономии бюджетных средств, прозвучавшие с самых высоких трибун, так и не были слышны на нижних этажах власти. Практически ежедневно в СМИ проходит информация о том, как органы власти разного уровня тратят казенные средства на закупку различных товаров элитного потребления. На проведение всевозможных саммитов и юбилеев власти всегда находят нужные средства, при этом говорят о том, что сами саммиты и юбилеи – не самоцель, главное – после них останутся дома, мосты, дороги и прочая инфраструктура. Но в жизни так получается не всегда. На практике оказывается, что власти не в состоянии бывают полностью выполнять программы социальной поддержки населения, но при этом находят средства на покупку предметов роскоши. В этой связи СМИ отмечают, что «даже в условиях кризиса, когда население вынуждено экономить на морковке, наше чиновничество декларирует какие-то немислимые доходы... И это при том, что Д. Медведев уже намекал служащим на необходимость соблюдать хоть какую-то скромность. Но наш чиновник, привыкший к круговой поруке и безнаказанности, даже кремлевские намеки понимает, лишь оказавшись в кутузке». Антикоррупционные законопроекты оказываются пустословием потому, что «из них всякий раз каким-то таинственным образом исчезает положение о конфискации имущества, нажитого преступным путем. А без конфискации крупному взяточнику ничего не страшно... Стоит ли удивляться, что при «беспощадной борьбе», которую власть ведет с коррупцией, ее уровень, по недавнему признанию генпрокурора Ю. Чайки, возрастает ежегодно на 5%».

Сегодня самими властями признается, что России необходим реальный выход из коррупционного кризиса, а не политизированная истерия. С целью борьбы с коррупцией специалистами предлагается минимизировать контакты чиновника с заказчиком государственной услуги, создание и широкое применение так называемого «электронного правительства». Пока что в этом плане Россия имеет серьезное отставание от западных аналогов, и если объявленная президентом модернизация не увенчается успехом, то коррупция задушит у нас не только демократию, но и развивающееся гражданское общество.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2009 г. № 4, с. 103–110.*

Олег Яницкий,
доктор философских наук
**СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ
МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ**

Инерция российского социума, сращенность бизнеса и власти, неразделенность ее ветвей, фактически однопартийная система, ограниченность гражданских прав и свобод сохранятся в обозримом будущем. Это значит, что глобальные и даже региональные войны маловероятны, поскольку российские активы находятся в западных банках. Но давление извне (в форме конфликтов локальных, требования участия в миротворческих акциях далеко за пределами страны и т.д.) будет нарастать. В данном случае важно прежде всего то, что это давление извне будет отвлекать внимание и ресурсы от нужд модернизации и снижать мотивацию населения по участию в этом процессе. Вопрос массы самостоятельного населения: «Что даст лично мне эта неизвестная модернизация?» – далеко не праздный. Начиная с периода позднего брежневизма, негласно направлявшего жизнь этой массы по принципу «живи и давай жить другим», потребление, а не труд, тем более – труд творческий, инновационный, стало ее главным ориентиром. До начала кризиса 2008 г. идеология потребительского общества прекрасно работала, даже в малообеспеченных слоях населения. На базе этой идеологии выросло и сформировалось поколение. За годы реформ мы не слышали никаких призывов к ее изменению. Напротив, вся пропагандистская машина работала на эту модель быстрого обогащения и успеха любой ценой. Иными словами, главная предпосылка социально-ориентированной модернизации заключена в том, что ее идеология попросту отсутствует.

Действительно, российская правящая элита не определилась: какая модернизация, модернизация чего именно стране необходима? Технологическая, экономическая, политическая, или они все вместе? Однако, судя по ряду выступлений первых лиц, это будет модернизация существующей ресурсно-ориентированной экономики и связанной с нею политической и социальной структуры. И это, с точки зрения правящей бюрократии, логично, поскольку существующая модель ресурсно-ориентированной экономики обеспечивала как ее, элиты, экономические и политические интересы, так и социально-политическую стабильность в обществе. Поэтому

попытаемся рассмотреть коридор техно-бюрократической модели модернизации. Сначала – об общих последствиях ее реализации:

Во-первых, следование ей означает разрыв с западной моделью модернизации, которая, по Н. Кондратьеву, приближается к переходу от четвертой к пятой технологической революции, тогда как мы остаемся на рубеже завершения второй, индустриальной, революции и перехода к третьей, информационной. Этот разрыв означает, что диалог и взаимопонимание между нами и Западом будет затруднен. Мы просто будем говорить на разных языках.

Во-вторых, модернизация ресурсной модели будет означать ускорение нашего отставания от Запада, потому что ресурсная модель нашего общества зиждется на достижениях третьей технологической революции (середина XX в.), а динамизм западного общества, основанный на информационных технологиях, все время возрастает.

В-третьих, ресурсная модель модернизации и основанная на ней модель потребительского общества не предполагают серьезных изменений в социальной структуре общества, в ее ценностных ориентирах. То, что является мотором модернизации – «впередсмотрящая элита» и связанный с нею слой инноваторов, – отсутствует в данной связке. Всегда проще и эффективнее купить на Западе модернизированные технологии по добыче и переработке ресурсов и привлечь западных специалистов для их наладки, используя отечественную рабочую силу как временную и подсобную, чем создавать дорогостоящую школу подготовки своих ученых и технического персонала. Вывод: российские специалисты в массе будут деградировать или останутся на вторых ролях. Не зря лидеры правящей партии заговорили о модели «консервативной модернизации».

Тип ресурсной модернизации ущербен не только потому, что она все более будет превращаться из «догоняющей» в «отстающую», а также не потому, что Запад с каждым годом ослабляет свою зависимость от наших углеводородных ресурсов (замечу, что на решение этой глобальной задачи нацелены не только политики и ученые, но и социологи, как, например, Э. Гидденс), но прежде всего потому, что потребность в том или ином природном ресурсе, а также направление его движения и места его конечного использования быстро меняются. За прошедшие несколько лет центр «притяжения» российских углеводородов переместился из Западной Европы в Китай и Юго-Восточную Азию. «Тяжелая модернити» наших трубопроводных систем, зарытых в землю, и при-

вязанной к ней инфраструктуры ее развития и обслуживания (строителей, дорожников, ремонтников и охранников) в принципе не способна успеть за «текучей модернити», основанной на постоянно меняющихся силе и направлении потоков финансовых капиталов, перемещающих за собою «точки» производства с легкостью фишек на игровом столе. Эта их устрашающая геополитическая мобильность, действующая по принципу – нанести удар и мгновенно ретироваться, не отвечая за последствия, ведет к «инверсии» ситуации: из диктующих свою волю мы можем превратиться в исполнителей воли чужой. И это не злой умысел или заговор, а динамика современной мировой экономики. Мы, как в советские времена, вкладываем ресурсы за пределами страны, хронически недодавая требуемого ей самой.

Но все же главное ограничение – внутреннее, созданное идеологией успеха любой ценой. Это не изобретение финансовой олигархии. Достаточно вспомнить последствия покорения целины в СССР в 1950–1960-х годах. Отечественные адепты самых разных версий технобюрократической модернизации решительно не хотят видеть ее обратную сторону, т.е. ее последствия, а именно – обратное воздействие на человека и общество той самой техногенной среды, которая была создана столь тяжкими усилиями советского народа. Как верно заметил наш финский коллега, в терминах фрейм-анализа, т.е. доминирующего взгляда на мир и страну, Россия рассматривается ее элитой как источник ресурсов, нежели как пространство для жизни населения. Я писал о двух неустранимых последствиях форсированной модернизации СССР: выделении огромных масс энергии распада (беженцев из районов локальных войн и этнополитических конфликтов, вынужденных переселенцев, бомжей, беспризорных детей, криминальных элементов всех разновидностей) и превышении несущей способности среды обитания, когда она из поглотителя рисков (радиоактивных и прочих отходов, гниющих искусственных морей и т.п.) превращается в их источник, поражающий все живое, только медленно и незаметно, а потом «неожиданно» взрываясь. Причем локальные катастрофы и конфликты создают глобальные риски и проблемы, а те, в свою очередь, – международную напряженность и конфликты, препятствующие модернизации страны. Российские социологи не хотят видеть социальных последствий прошлой инженерно-технической деятельности. Они вообще не хотят соваться в эту сложную сферу деятельности государственных институтов. Вместо того чтобы создавать новые высокотехнологичные производства и необходи-

мую им инфраструктуру, в том числе производства по переработке токсичных и бытовых отходов, мы ремонтируем и «модернизируем» старую индустриальную систему, закачивая в нее гигантские деньги.

Другой тормоз – это приоритеты модернизации. Вместо того чтобы сконцентрировать силы и ресурсы на создании ключевых для перехода общества в следующую фазу модернизации производства и системах подготовки кадров, мы озабочены ремонтом спортивной бюрократии, темпами строительства в Сочи или на острове Русский. Возможно, Сочи поднимет престиж нашего спорта, но никогда не будет импульсом модернизации, потому что это – еще одна очень дорогая стройка.

Техно-бюрократическая цивилизация тем и отличается от остальных, что ее нельзя бросить без присмотра. Риски и опасности, создаваемые ею, превратились в неустранимый компонент любой человеческой деятельности – созидательной и разрушительной. Россия стала обществом всеобщего риска. Риски, явные и скрытые, отложенные или трансформировавшиеся, – очень серьезное ограничение модернизационных усилий, так как:

1) все больше ресурсов требуется на устранение последствий форсированной модернизации;

2) люди болеют, рано умирают, молодежь стремится бежать из рискованных зон куда глаза глядят, что снижает социальный капитал страны;

3) торговля живым товаром и рабство, эти худшие проявления криминального бизнеса, продолжаются более 20 лет; нет никаких признаков их сокращения, потому что это бизнес, бесчеловечный, но бизнес;

4) но, может быть, главное, о чем пишут все наши зарубежные коллеги, это – создание атмосферы страха и неопределенности, непредсказуемости.

Люди по мере сил перемещаются не туда, где предполагается создание «силиконовых долин» (им никто не объясняет, как они будут создаваться и кто там будет востребован), а туда, где, как им кажется, теплее и безопаснее, т.е. на Юг страны, который и так перенаселен. Миграция туда – иллюзорная безопасность и никакая не модернизация, потому что там, как и везде, дамбы старые и неухоженные, каналы старые и не чищенные, а сотни тысяч людей по-прежнему ходят по нужде «до витру». В советские времена инженеры учитывали «усталость металла», гигиенисты – «усталость людей», сегодня власть не хочет публично признать кричащую

проблему крайней «усталости» всей технической инфраструктуры страны, работающей на износ более 20 лет. Это еще одно подтверждение технократической зашоренности нашей бюрократии. Когда я выдвинул гипотезу, что Россия стала «обществом всеобщего риска», коллеги отнеслись к этому снисходительно, посчитав, что это перенос концепции «общества риска» У. Бека на российскую почву. Напротив, в научно-технической сфере сформировалась школа изучения рисков и опасностей, что еще раз подтверждает господство у нас технократической идеологии. Новое исследование западного гуманитария свидетельствует, что там в изучении этой проблемы продвинулись очень далеко.

В эпоху модернити кадры действительно решают все, но не в прежнем (сталинском) смысле. Рассматриваемый нами тип требует специфические кадры: технократически ориентированные и сохраняющие приверженность потребительской идеологии. Для этого типа модернизации нужны специфические социальные лифты – вся система образования и профессионального обучения давно подстраивается под это. Термин «рекрутирование» я употребил потому, что для «политики труб» требуется незначительное число высококлассных специалистов, которых можно рекрутировать за рубежом (или обучить там своих). Но что этой модернизации действительно необходимо, так это рекрутирование сотен тысяч «кочевников», начиная от геологической и иной разведки и до армии охранников и ремонтников. Им стажировки за рубежом не требуются – они прошли их в «горячих точках» или в силовых ведомствах, оттачивающих навыки в борьбе с протестными акциями. Если сокращение силовых структур действительно, как планируется, произойдет, то пополнение армии охранников обеспечено. Что действительно потребуется, так это образ жизни советских времен, когда миллионы людей перемещались с места на место принудительно или в поисках хорошего заработка. Подчеркну: это – не образ жизни тех западных индивидов, которые с легкостью перемещаются с места на место, потому что это условия прогресса «текучей модернити» («налегке, в теннисных туфлях и с мобильником»), таков образ ее носителей, нарисованный З. Бауманом). Нет, у нас это люди, прямо или косвенно привязанные к тысячам километров «политики труб». Я не идеализирую Запад: как только формирование Европейского союза завершилось, тысячи молодых людей, особенно из бывших республик СССР, ныне членов ЕС, устремились в Брюссель, столицу европейской бюрократии, потому что жаждали успеха и больших денег здесь и сейчас. Но если у

них там не получалось, они рассыпались по множеству малых фирм всей Европы или стали создавать их сами.

Наконец, главное. Техно-бюрократическая модель модернизации усилит отток на Запад «продвинутой» российской молодежи, ориентированной на науку и технику, поскольку эта модель не сулит им здесь творческого будущего. Эта «продвинутая» молодежь со свойственным ей радикализмом рассуждает примерно так: «Или прорваться любыми силами туда, на Запад, или же прозябать вечно здесь на какой-нибудь стройке века или в виде офисного планктона». Этот отток идет из Сибири и Дальнего Востока, из малых городов и моногородов, что, в свою очередь, означает: интеллектуальный и гражданский потенциал страны понижается.

Теперь – о мобилизации. Тема не новая для прошедших 25 лет. М.С. Горбачёв призвал к «мобилизации человеческого фактора», но для чего и какими средствами он предполагал ее осуществить, не объяснил. Да и почему советский человек, который к тому времени, наконец, почувствовал себя человеком, должен был опять превратиться в какой-то «фактор»? Сегодня масса трудящегося люда, прежде всего быстро растущий сервис-класс, не хочет перемен (тем более не объясненных на привычном им языке телевизора), а хочет возврата к докризисным временам, когда можно было наращивать личное благосостояние и ни о чем не думать. Здесь большинство бедных отличается от богатых масштабом кредитных appetitов: все хотят жить в кредит, не думая о будущем страны или пока непонятной модернизации. Значит, для ее осуществления потребуется мобилизация. И она естественна для общества, выстроенного в последнее десятилетие по «вертикальному принципу». Но опасаться здесь нечего, потому что масштабы этой мобилизации будут весьма незначительными, а продолжающийся кризис и безработица еще более облегчат эту задачу. Более того, масштабы мобилизации-для-модернизации будут сокращаться, потому что рабочая сила гастарбайтеров будет вытеснять коренное население. Те, кто уехать за рубеж не смог, должны расходувать социальный капитал не на модернизацию, а на борьбу с ее социальными и экологическими последствиями. История России XX в. подтверждает: «Последствия материального ущерба (причиненного нации) могут быть преодолены, последствия ущерба интеллектуального – никогда».

Но, допустим, источник нашего благополучия пошатнется: углеводородные ресурсы начнут быстро истощаться или их мировой рынок рухнет, а вместе с ним – и наше финансовое благополу-

чие. Тогда мобилизация для развития высоких технологий все же потребуется. Но возможна ли она? Скорее нет, потому что за прошедшие десятилетия этика свободного, но упорного труда испарилась. А с ним «ушли» и потенциальные лидеры российской модернизации. Простой перенос «оттуда-сюда» новых технологий невозможен, для этого нужны другие кадры и иная научная и социальная среда. СМИ и Интернет воспитали совсем других людей, с другим мировоззрением. Их ученые называют «кнопочными детьми». Как пишет М. Шугуров, основная «призывная» лексема современной масскультуры: «оторваться» («оторвись»). Возникает новая структура «социокультурной памяти... как системы фильтрации того, что в первую очередь необходимо для поддержания воспроизводства жизнедеятельности на усредненно-функциональном уровне – уровне индивида, но не личности». СМИ порождают «условно-игровую мегасреду, в которой множество поступков, артефактов, мыслей “переизбыточно” и образует рыхлое, спорадическое, неустойчивое единство». В современной коммуникативной среде знак (симуляция) преобладает над реальностью, преобладает энтропийность, коллажная идентичность. Суть изменений в «самой невозможности устойчивого, ответственного, самоотождествленного субъекта в пространстве культуры, ...данная культура-прибежище комбинации и перекомбинации потоков существования десубъективированного человека в весьма свободном и необязательном ключе (можно так, можно иначе)»... «Расхолаживание» преобладает над мобилизацией. Игра, подражание, усреднение – враги творческого процесса, личности и ее социального капитала.

Запад смог (не без потерь) развести труд и игру, высокую и массовую культуру, творческий поиск и подражание, создателей и потребителей. Неимоверными усилиями научной и творческой элиты к середине 1960-х годов СССР догнал, а кое в чем опередил Запад. Но это был прорыв в главной, с позиции баланса сил на планете, но узкой, с социальной точки зрения, социальной сфере. Советские руководители, ослепленные идеей мирового коммунизма, постепенно теряли самое ценное, что двигало этот процесс: фундаментальную науку и среду ее обитания. Они, охотно публично общаясь с «творческой интеллигенцией», заперли выдающихся ученых в секретных городах, тем самым закрыв канал их общения с миром и трансформации их выдающихся открытий в гражданскую продукцию и изделия ширпотреба. Именно эта узость «фронта прорыва» и жизнь государства и населения страны за счет продажи ресурсов сыграли критическую роль в нарастании

разрыва между СССР и Западом. Власть предержавшие, все более мобилизуя фундаментальную науку на поддержание ядерного паритета и погружаясь в международные авантюры (война в Афганистане, «работа» военных советников в Африке и на Ближнем Востоке), постепенно утеряли всякий интерес к развитию науки и высшей школы. А в нашем «вертикальном» государстве это означало посадить их на голодный паек. Открытие в середине 1970-х годов границы для бегства самых талантливых и «неудобных» довершило дело. Ирония нашей истории: если строительство гражданского общества в 1980-х годах с трудом, но происходило, и к рубежу 1990–1991 гг. мы по развитию общественного участия на местном уровне почти сравнялись с Европой, то технико-технологическая модернизация почти не двигалась. Как сказал один известный российский ученый, «мы проспали информационную революцию».

Противостояние государства и академического сообщества проходит красной нитью сквозь всю историю России. Из двух ресурсов власти – знание (умение) и насилие, обеспечивающих мощь государства, российская правящая элита всегда выбирала последнее. Насилие совершалось над природой, людьми, над наукой и самим эволюционным ходом истории. Прав был В.И. Вернадский, когда еще 100 лет назад писал: «Русская умственная культура в XIX и начале XX века может считаться созданием общественной самодеятельности. Государственная организация большею частью являлась враждебным ей элементом». Временами «столкновения между требованиями достойного человеческого существования и навыками русской бюрократии принимали трагический характер». Это было закономерно, так как, с одной стороны, научная мысль, порождая рефлексию и свободомыслие, всегда ослабляла авторитарную власть, а с другой – ей в погоне за сиюминутными амбициями всегда казалось проще и понятней в очередной раз мобилизовать нескончаемые, как представлялось ее идеологам, человеческие и природные ресурсы, нежели вкладывать средства в дорогостоящую и потенциально «подрывную» науку. Не случайно поэтому антиинновационным духом неприязни к отечественной науке был пропитан весь верхний слой российской бюрократии. Но если нет института науки, то в конечном счете неминуемо сгинет и суверенное государство, так как суверенитет разрушается параллельно с деградацией науки. Поэтому верно высказывание, что «отношение государства к науке есть наиболее точное выражение подлинных взглядов власти на будущее страны...».

А какова возможная модель? Совместимы ли модель «общества знаний» и «потребительского общества»? – На мой взгляд, совместимы, если технологическая новинка, уникальный продукт, основанный на фундаментальном научном знании, потом тиражируется, превращается в инструмент приобщения к знаниям и культуре. Если же мы только заимствуем технологии тиражирования или просто покупаем восточный ширпотреб в невероятных количествах и продаем свои невозобновимые ресурсы для удовлетворения растущих appetитов российского бизнеса, то это – социальный и экономический тупик. Есть элементарный индикатор этой совместимости: достаточно посмотреть, какая институция ближе всего к государственной власти. Очевидно, что это – не Академия наук, не «Общество знаний», уже давно ликвидированное, и не Союз ректоров России, а СМИ, навязывающие обществу все новые потребительские стандарты. По пять раз на дню радио «Эхо Москвы» информирует нас о достижениях высоких технологий за рубежом. А есть ли что-либо подобное в российских СМИ? Действительные знания у нас все более вытесняются визуальной информацией, игрой имиджей, что далеко не одно и то же. Стремление к тотальной визуализации окружающего мира наркотизирует человеческий разум, резко снижает его способность к интеллектуальному напряжению. И результаты налицо: сегодня в России только 1% жителей считают престижной профессию ученого, большинство хочет «руководить или торговать».

Нам необходима социально-гуманитарная модель модернизации. Посмотрите на резкий рост в последние месяцы массового недовольства самых разных групп самыми разными проблемами. Их «общий знаменатель» легко вычисляется: насилие, помноженное на рейдерство, обман, несправедливый суд, жестокость правоохранительной системы и обращения с заключенными, безответственность чиновников, коррупция и т.д. Идеология свободной конкуренции и жизни в кредит здесь не подходят. Европейский союз едва не развалился, когда финансовый пузырь, который, казалось, можно надувать вечно, вдруг лопнул. Если мы хотим, чтобы Россия не превратилась в третьестепенную страну, растаскиваемую по кускам международными монополиями, то структурирование общества должно идти по человеческим интересам и связям, а не по степени его привязанности к «трубе». Государство до предела сузило коридор социальных возможностей рядового гражданина, теперь необходимо его расширять. Но есть и другая сторона нашей жизни: жестокость, причем все чаще немо-

тивированная, в семье, школе, армии, местах заключения. Значит, гуманитарная составляющая этой модели должна быть направлена на «терапию» этой тяжелой болезни. Здесь недостаточно семейных или МЧСных психологов, но это не значит, что нет простых способов ее смягчения. Если бы рядовой участковый врач разговаривал с пациентом, а не только заполнял куда потом не идущие бумажки, уже стало бы немного легче. Если бы безработный верил, что на новом месте его действительно ждет жилье и обещанная чиновником зарплата, стало бы еще много легче. Наконец, наши «безбашенные» автомобилисты: 27 тыс. погибших и четверть миллиона покалеченных в автокатастрофах – при такой статистике никакая модернизация, кроме «отверточной», невозможна.

...Российское общество до сих пор двигалось в обратном (от модернизации) направлении. Этот процесс сопровождается выходом на поверхность социальной жизни структур феодально-бюрократического и криминального толка. Усилия правящей элиты, как это видно особенно сейчас в условиях кризиса, оказываются усилиями по стабилизации, сдерживанию, торможению процессов дезинтеграции общества за счет его де-модернизации, традиционализации, восстановления архаических социальных структур. Мною еще в конце 1990-х годов была предложена гипотеза, названная парадоксом «риск-симметрии» модернизации. «Коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, не только ее продвижение вперед, к последующей (высокой) фазе, но и отход назад, т.е. демодернизация, и даже просто задержка, “стояние” на этом пути, чреваты интенсификацией производства рисков. Демодернизация столь же рискованна, сколь и недостаточно отрефлексированный ее переход к следующей фазе. Это – фундаментальная закономерность развития техногенной цивилизации: чем более мир нашей жизни становится искусственным, рукотворным, тем более он нуждается в уходе, “профилактике”, поддержании ее в рабочем состоянии. Это утверждение в равной мере справедливо по отношению к земледелию, индустрии, городскому хозяйству инфраструктурам жизнеобеспечения, военно-техническим системам и всему остальному». К сожалению, за прошедшие 12 лет эта гипотеза подтверждалась неоднократно.

Вполне естественно, что в потребительски ориентированном обществе, значительную часть которого составляет (в широком смысле) сервис-класс, модернизация «ушла» в сферу потребления. Наука была поставлена в ситуацию выживания, а сфера образова-

ния подчинилась далеко не лучшим стандартам тестирования и кодификации, а не развития изобретательности и самостоятельного мышления. Ситуация «Билл Гейтс в гараже делает первый компьютер» у нас сегодня невозможна.

Время не ждет. Если техно-бюрократическая модель модернизации России укоренится, если будут приняты государственные программы и под них будут выделены ресурсы, то реализация ее социально-гуманитарной модели будет отодвинута на неопределенное время.

*«СоцИс (Социологические исследования)»,
М., 2010, № 7, с. 17–27.*

Равиль Гайнутдин,

председатель Совета муфтиев России,
кандидат философских наук

ИСЛАМ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вопросы безопасности, защищенности и спокойствия граждан являются приоритетными для современного цивилизованного государства. В нашей стране в последние годы властными структурами вместо советской идеологии выбрана вполне прагматичная идея первоочередной защиты национальных интересов. Способность государства и общества обеспечить собственную безопасность является важной составляющей их силы и зрелости. Очевидно, что российские мусульмане также имеют свои интересы, выразителями которых наряду с государством являются российские исламские организации. Так, согласно исламскому вероучению, защита интересов государства и забота о его безопасности являются благородным и богоугодным делом.

В последние годы в России появились доктринальные документы по проблемам безопасности, которых российское общество ранее не знало и которые носят открытый характер, обсуждаются гражданами, научным сообществом и общественными организациями. Имеются в виду Концепция национальной безопасности РФ, Военная доктрина РФ, Концепция внешней политики РФ, Доктрина информационной безопасности. Не могут остаться в стороне от этого процесса и исламские организации. Поэтому Совет муфтиев России в 2001 г. выработал и предложил обществу

документ «Основные положения социальной программы российских мусульман».

Относительно позиции многочисленных общественных институтов по проблемам безопасности стоит заметить, что процесс формирования в России гражданского общества носит противоречивый и затяжной характер. Сложность заключается, в частности, в том, что пока в стране не сложились самостоятельные негосударственные структуры, способные взять на себя реализацию интересов различных социальных групп и отдельных граждан. Этим с разной степенью успешности продолжает заниматься государство. Принимая это как факт, исламские организации РФ стремятся к тому, чтобы помочь верующим гражданам найти свое место в быстро меняющемся мире и консолидироваться в условиях возникновения новых вызовов и опасностей. Думается, что особенно полезными в этом качестве могут быть контакты государства и отечественных исламских организаций в решении как социальных проблем, так и вопросов формирования духовности россиян.

Национальная безопасность понимается, прежде всего, как безопасность граждан, общества и государства. Этот подход активно утверждается и в науке, и в политической практике. В теоретическом ключе данное положение создает принципиальные возможности участия исламских организаций в обеспечении безопасности общества и личности, а при условии заинтересованности государства – и в работе по обеспечению безопасности самого государства. Полагаю, что можно согласиться с научным определением «национальной безопасности» как состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз и опасностей, обеспечивающего их надежное существование, конкурентоспособность и прогрессивное развитие. В таком подходе к национальной безопасности можно выделить два главных направления ее обеспечения: защиту от угроз и опасностей и создание условий надежного существования и прогрессивного развития. Если первое направление является скорее прерогативой государства, то при реализации второго общественные и религиозные организации могут проявить свой потенциал в полной мере. В частности, в Концепции национальной безопасности РФ зафиксировано следующее: «Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в РФ».

Религия в РФ официально отделена от государства, т.е. от политики. Однако, как отмечает Н.В. Жданов, «...религиозный фактор в политической жизни стран зоны распространения ислама приобрел глобальный характер в силу своей широкой социальной базы, транснациональности, полицентризма, крупных финансовых возможностей... а также относительной устойчивости во внутренней и внешней политике значительного числа стран Азии и Африки». Но если ислам является глобальным фактором, то означает ли это, что он действует не только в мусульманских странах? Является ли исламский фактор для России социальным фактором или он еще остается и фактором политическим? Количество таких и подобных им вопросов множество.

В силу этого в мае-июне 2004 г. аналитическим отделом Совета муфтиев России был проведен экспертный опрос на тему «Исламский фактор – фактор политический?». Представляю лишь некоторые итоги экспертного опроса.

Таблица 1

Как бы вы определили сущность исламского фактора? (%)

Социально значимая деятельность различных мусульманских субъектов	48
Все, что имеет отношение к исламу	52
Религиозный фактор	0
Затруднились ответить	0

Как видно из таблицы, большинство опрошенных экспертов полагают, что исламский фактор – категория современной науки и практики, которая отражает отнюдь не религиозную деятельность исламских организаций и мусульман, а скорее все то, что имеет отношение к исламу, к социально значимой деятельности мусульманских организаций, иными словами, ислам не только религия, но, скорее, образ жизни. По всей видимости, можно утверждать, что исламский фактор является фактором социально-политическим. Но является ли исламский фактор политическим? В таблице ниже изложены мнения экспертов по этому поводу.

**Является ли исламский фактор
только политическим фактором? (%)**

Да, является	11
Нет, это социальный фактор	40,5
В ислама религиозная жизнь неотделима от политики	40,5
Затруднились ответить	8

Результаты экспертного опроса еще раз подтверждают, что исламский фактор является социально-политическим, касающимся всего российского общества и Российского государства в равной степени.

Для мусульман безопасность в первую очередь связана с формированием личности мусульманина. Образцовый мусульманин – это тот, кто является праведным и полезным членом своего общества, от него исходят благо и безопасность. Ему доверяются сердца, каждым своим поступком он стремится приносить благо своему обществу, благодаря чему у людей появляется надежда и среди них воцаряются спокойствие и стабильность. Ислам всегда был направлен на обеспечение безопасности верующих. В священном Коране содержатся многочисленные положения, ныне ставшие известными не только религиозным деятелям, но и широкому кругу ученых и специалистов. Например: 1) войны не должны носить агрессивного характера; 2) нужно проявлять милосердие и в условиях войны; 3) справедливость – это основа мира, и др. Изначально отношение мусульман к представителям других религий определялось не субъективными чувствами человека, а волей Всевышнего Аллаха, защищающего всех своих рабов от принуждения в вопросах веры. Поэтому Пророк Мухаммад сказал: «Поистине, тому, кто обидит живущего на мусульманской территории (немусульманина), или ущемит его права, или возложит на него то, что ему не по силам, или заберет у него что-нибудь против его воли, тому я стану противником в День воскресения!»

Приведенные слова можно рассматривать как фундаментальное положение, обеспечивающее один из важнейших компонентов национальной безопасности, а именно – в сфере свободы совести и вероисповедания. Священный Коран требует от всех му-

сультман отвергать зло, «пресекать его добром» в тех случаях, когда добро может пресечь зло: «И те, которые упорны в желании угодить Господу, и простаивали молитву, и давали из того, чем наделили Мы их, и тайно и явно, и отгоняли зло добром. Для этих – воздаяние (счастливое) жилище».

Побуждение людей к поступкам, одобряемым шариатом, и удержание их от порицаемого им поведения угодны Аллаху. Вот почему мусульмане обращаются к помощи разума и мудрости, чтобы должным образом ответить на призыв Всевышнего. Поступая так, они действуют в соответствии с указаниями посланника Аллаха, который сказал: «Пусть тот из вас, кто увидит нечто порицаемое, изменит это собственноручно, если не сможет, пусть сделает это своим языком, а если не сможет и этого, то сердцем своим, что станет самым слабым проявлением веры» (Муслим). Указания Пророка побуждали мусульман смело противостоять всему ложному, внушая смельчакам, что проявление ими героизма в противостоянии несправедливому никак не уменьшит их удела и не сократит отпущенного им срока. Мусульманин обязан защищать себя и своих родственников (малую семью), а также свое Отечество (большую семью) в случае покушения извне, в том числе и на имущество своих близких. Верующий во всемогущего Бога не боится смерти в бою за Родину, за жизнь и здоровье своих близких: если он погибнет, защищая себя, родственников и Отечество, он станет шахидом – праведником, погибшим за веру, удостоенным вечного рая. Этим ислам утверждает гармоничность национального и интернационального, просвещенного патриотизма и прагматизма.

Однако, несмотря на огромный гуманистический потенциал ислама, его возможности используются в России пока недостаточно. Мы часто становимся свидетелями обсуждения в самых широких кругах проблемы, есть ли «исламская угроза». Считаю, что ни для Российской Федерации, ни для ее многонационального и многоконфессионального народа такой угрозы не было, нет и быть не может. Проблемы порождаются совсем другими обстоятельствами: сложностями переходного периода, который сейчас переживает наша страна; кризисными явлениями в российской экономике; отсутствием истинных знаний об исламе; деятельностью ряда СМИ, продолжающих «штамповать» несправедливое представление об этой мировой религии и пытающихся связать с ней вооруженные конфликты в России и на постсоветском пространстве;

организационной, кадровой, материально-технической слабостью российских духовных управлений мусульман.

Могут ли российские исламские организации, российские мусульмане угрожать РФ, будучи частью российского общества, издавна проживая на ее территории?! Как можно серьезно об этом говорить, когда в дни тяжелых для Родины испытаний большинство российских мусульман вставали на ее защиту?! Так было и в Отечественную войну 1812 г., и в Первую мировую войну, и во время Великой Отечественной войны. Как можно так ставить вопрос, когда российские мусульмане выступали и последовательно выступают против агрессии, когда ислам возводит в ранг религиозной обязанности для всех мусульман ведение оборонительной войны в целях защиты Родины?!

Россия – страна многонациональная, представители мусульманских народов, наряду с приверженцами других конфессий, на протяжении веков традиционно несли службу в Русской армии. По желанию мусульман создавались отдельные боевые подразделения. Так, в XVIII в. на польской границе несли службу татары, в 1784 г. из коренных жителей Крымского полуострова были сформированы таврические дивизионы конного войска. В мае 1807 г. на их основе созданы четыре конных татарских полка, а два из них приняли участие в Отечественной войне против Наполеона. По окончании войны полки были распущены, но сформированный на их базе в 1828–1829 гг. Крымско-татарский эскадрон вновь участвовал в боевых действиях на стороне России при осаде болгарской крепости Варна. Воины эскадрона принимали участие в сражениях во время Крымской кампании 1854–1855 гг. Во время Русско-турецкой войны 1877–1888 гг. эскадрон нес службу по охране крымского побережья. Одновременно до шести дивизионов крымских татар участвовали в сражениях против турок при Плевне, Ловче, Горном Дубняке. В дальнейшем из них был создан полк, получивший в 1907 г. название Крымского конного, верно служившего царю и Отечеству, как того требовала военная присяга.

Кроме татар на службе в царской армии были мусульмане Северного Кавказа. В 1842 г. при командующем Северным и Нагорным Дагестаном были сформированы иррегулярные части дагестанских всадников (около 200 человек).

Во время Первой мировой войны царское правительство отправило на фронт из разных уголков Российской империи тысячи солдат всех национальностей и вероисповеданий. Мусульмане считали священным долгом свое присутствие на полях сражений,

добровольцами на фронт из мусульманских регионов страны уходили даже дети. Такие случаи не были единичными. История показывает, что мусульмане, приняв российское подданство, верой и правдой служили «царю и Отечеству». История Великой Отечественной войны являет нам множество примеров героизма и мужества мусульман, защищавших нашу страну от фашистских захватчиков.

Сегодня же для нас важнее понять, осознают ли российские мусульмане свои интересы и как реализацию этих интересов направить на благо нашей страны. Как и большинство российских граждан, мусульмане стремятся к физическому, духовному и интеллектуальному развитию, установлению в стране прочной стабильности. При этом российские мусульмане хотят участвовать в делах мусульман всего мира, чувствуя себя сопричастными процессам, имеющим место в мировой умме, стремясь к консолидации российских организаций, обеспечению адекватного представительства мусульман во властных структурах государства в местах их компактного проживания. Уверен, что абсолютное большинство российских мусульман хотят спокойно и достойно жить в родном государстве, иметь гарантированную возможность ходить в тот храм, в который они желают ходить, иметь право говорить и читать на родном языке, соблюдать обычаи своих предков. Они не хотят чувствовать себя чужими в государстве, гражданами которого являются. В Концепции национальной безопасности РФ отмечается, что «национальные интересы в духовной сфере состоят в сохранении и укреплении нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны». Это весьма актуально для мусульман и российских исламских организаций. В указанных интересах нет абсолютно ничего нового или неизвестного. Нет в них и ничего вызывающего или опасного для государственных органов. Об этом говорят цифры, которые получены из Министерства юстиции России: в 2004 г. более 4300 российских исламских объединений зарегистрированы установленным порядком.

Согласно Концепции национальной безопасности РФ, «национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции РФ и законодательства РФ общественными организациями». Наличие интересов у российских мусульман тем не менее заставляет поставить и еще один вопрос: есть ли у российских исламских орга-

низаций собственная стратегия участия в укреплении безопасности в России и на постсоветском пространстве? Пока мы находимся на путях ее выработки, но в том, что она нужна, у нас нет сомнений. Сегодня уже можно выделить несколько принципиально важных положений и направлений деятельности в целях укрепления безопасности стран и спокойствия граждан.

Во-первых, есть виды безопасности, которые политические институты государства не в состоянии, как показывает наш отечественный опыт, обеспечить без участия общества. Я имею в виду социальную, экологическую, национально-культурную (или духовную) безопасность. По любым самым сложным и злободневным общественно-политическим проблемам, в том числе и в правовой сфере, мы плодотворно сотрудничаем с различными общественными объединениями и религиозными организациями, с государственными институтами. С другими религиями мы активно и успешно ведем диалог в рамках Межрелигиозного совета, при этом всегда руководствуемся положениями священного Корана. Одно из них гласит: «Воистину Аллах не изменит положения людей, пока они не изменятся внутри себя». По исламу, человек ответствен перед Творцом за свою земную жизнь, поэтому не имеет права не трудиться, зависеть материально от других. Все тексты Корана и Сунны проникнуты заботой о сиротах, стариках и бедняках. В этих источниках много положений, руководство которыми может стать основой здорового образа жизни, послужит созданию физически и морально здоровой семьи, препятствием для разво-

Во-вторых, российские исламские организации могут очень многое сделать в вопросах духовного, нравственного и патриотического воспитания российских граждан, особенно молодого поколения. Вне всякого сомнения, религия продолжает оставаться основой нравственности. Поэтому мы ведем активную работу по воспитанию наших детей в духе исламского вероучения. Закон разрешает факультативно обучать детей религии в школах, медресе, и в этом вопросе нужно больше проявлять инициативу и чаще опираться на государственную поддержку. Мы обязаны принимать и принимаем активное участие (конечно, в рамках действующего законодательства) в социальных, образовательных, благотворительных и гуманитарных программах ведущих традиционных конфессий страны, и считаем, что государство нуждается в разработке концепции духовно-нравственного и патриотического воспитания молодого поколения. Ныне и Администрация Президента

РФ, и Правительство России заинтересованно обращаются к религиозным организациям и ждут от нас помощи в выработке такой концепции, поскольку религиозные организации имеют право формулировать ее религиозное обоснование. Также Совет муфтиев России принимал активное участие в подготовке великого праздника в жизни нашего народа – праздника Победы.

В-третьих, существует большое количество проблем, так или иначе связанных с обеспечением государственной и военной безопасности в целом (прежде всего, в борьбе с терроризмом и экстремизмом), которые Российскому государству выгодно решать совместно с отечественными религиозными организациями. Российские исламские лидеры всегда поддерживали усилия государства по наведению порядка в стране, проведению реформ, то есть действия, направленные на реализацию интересов российских граждан. Нельзя не упомянуть о позиции, занятой СМР по вопросам «ваххабизма», о заявлении, сделанном после варварских террористических актов, совершенных в Москве и Буйнакске. Представляется, что роль такой авторитетной организации, как Совет муфтиев России, будет расти, и мы готовы плодотворно сотрудничать с Советом безопасности России, военно-силовыми структурами в целях активизации совместных усилий в борьбе с экстремизмом и терроризмом, возрождения и наполнения новым содержанием патриотического воспитания граждан страны, воинского воспитания российских военнослужащих.

Ислам рассматривает участие в защите Родины как патриотическую обязанность мусульманина, который не может отказаться от службы в армии по религиозным мотивам, поэтому российские исламские организации совместно с государственными и военными органами могут готовить молодежь к службе в рядах Вооруженных сил России. Теоретическим основанием такой совместной подготовки являются для российских исламских организаций слова Пророка Мухаммада: «Любовь к Родине – часть твоей веры». Реальность нашей жизни состоит в том, что при сохранении принципа всеобщей воинской обязанности в армейском строю находятся многие молодые мусульмане, нуждающиеся как в духовном окормлении, так и в воспитании их как защитников Родины, не слепо отбывающих тяжелую воинскую повинность, а достойно, с пониманием выполняющих свой воинский, гражданский и патриотический долг. Мы не считаем необходимым поднимать вопрос о военных священниках, однако понимаем, что воспитательная работа в армии нуждается в существенном изменении и новом ду-

ховном наполнении. Российским имамам и муфтиям всегда найдется что сказать солдату и офицеру, а также солдатским матерям и вдовам.

В работе силовых структур с религиозными организациями, как представляется, важно не нарушать принципа равноудаленности государства от всех конфессий. Отечественные исламские организации стремятся заключить договоры о сотрудничестве между Советом муфтиев России и военно-силовыми структурами (с Сухопутными войсками РФ у нас действует соглашение о сотрудничестве). Органы государственной власти должны более чутко относиться к религиозному фактору и никоим образом не подчеркивать свою приверженность той или иной религии. Отечественные исламские организации сегодня имеют и необходимое количество священнослужителей, и опыт работы с военными, и научные разработки, чтобы самим окормлять мусульман в воинских коллективах.

Правовое равенство верующих военнослужащих независимо от их конфессиональной принадлежности заключается не столько в механическом достижении принципа равнопривлеченности священнослужителей к различным мероприятиям, сколько в практическом обеспечении реальных возможностей удовлетворения религиозных потребностей верующих военнослужащих. Хотя того командиры и армейские воспитатели или нет, но они должны знать и учитывать, что правоверный мусульманин обязан совершать намаз в течение дня пять раз в определенное время; что мусульманину запрещено употреблять в пищу свинину, а во время поста (уразы) принимать всякую пищу в светлое время суток. Хотя очевидно, что нынешний армейский распорядок не может предоставлять в полной мере мусульманам такой возможности, и это ограничивает их права. Многие конфессии, в том числе и ислам, применительно к подобным экстремальным ситуациям имеют систему смягчения требований к своим последователям. Поэтому вопрос состоит в том, чтобы сами верующие военнослужащие сочли для себя возможным воспользоваться таким положением. Помочь им в этом могли бы наряду с информированными командирами и воспитателями их духовные наставники.

В-четвертых, мы поддерживаем отношения с международными исламскими организациями, деятельность которых признана во всем мире и не противоречит международным нормам и отечественному законодательству. Цели этих организаций, как правило, прозрачны и направлены на предоставление информации о жизни

мусульман всего мира, на оказание помощи в гуманитарных областях. Пусть не все у этих организаций получается так, как хотелось бы, но для нас они делают много важного и полезного, переводя на русский язык книги, являющиеся сокровищницей мировой мусульманской мысли, помогая в становлении исламских учебных заведений, подготовке высокообразованных имамов. Разумеется, если будут получены проверенные сведения о том, что какие-либо зарубежные организации занимаются противозаконной деятельностью, мы не будем контактировать с такими организациями.

В заключение еще раз подчеркну, что российская умма категорически осуждает террор и экстремизм, поддерживала и будет поддерживать усилия российских властей по пресечению варварских террористических актов против гражданского населения и укреплению стабильности не только в России, но и на всем евразийском пространстве.

*«Края дуги нестабильности: Балканы–Центральная Азия»,
М., 2009, с. 165–174.*

А. Иванов, Н. Кирюшина, А. Рудаков, С. Устинкин,
политологи
**ЗАРУБЕЖНЫЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ
РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ,
ДЕЙСТВУЮЩИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ**

На территории Российской Федерации в настоящее время активно действует целый ряд НРПО, ставящих перед собой различные цели и задачи. Представленный спектр их варьируется от так называемых «ваххабитских» джамаатов до религиозно-политических партий типа «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и экстремистских сект типа «Нурджулар» и «Сулейманджи».

Большую активность в России стала проявлять турецкая религиозно-политическая секта «Нурджулар», деятельность которой ориентируется на литературное творчество турецкого автора Бадиуззамана Сайда Нурси (1876–1960), которое пришлось на время реформ Кемаля-паши Ататюрка. Этот период характеризовался поражением Турции, союзницы Германии, в Первой мировой войне, следствием чего стал неконтролируемый распад Османской империи. В этих условиях Ататюрк взял курс на модернизацию Турции, при этом в основе его реформ оказались процессы деисламизации традиционного турецкого общества. Светский характер

модернизационных реформ предполагал безусловное отделение религии от государства, что стало причиной жестких гонений на ислам. Следует подчеркнуть, что подавляющая часть населения Турции исповедовала и исповедует суннитский ислам ханифитского толка в форме целого ряда суфийских орденов-тарикатов. В результате реформ Кемалю-паши были разгромлены суфийские братства, многие их адепты вынуждены были покинуть территорию Турции, количество исламских учебных заведений, мечетей и т.д. было резко сокращено, нормы шариата были исключены из судопроизводства.

На фоне упадка и деградации традиционного турецкого ислама и наблюдается деятельность Б. Сайда Нурси, который написал целый ряд произведений религиозного характера, призванных восстановить уважительное отношение к традиционному исламу в турецком обществе. Некоторые исследователи литературного творчества Нурси объявляют его фундаменталистом, что, по-видимому, не соответствует действительности, поскольку в своих произведениях Нурси позитивно отзывается об основателях целого ряда суфийских тарикатов, последователи которых имеются в Турции. Фундаменталисты же выводят суфизм за рамки истинного ислама, считая суфизм «греховным нововведением» (бид'а), далеким от «чистого» ислама. Иными словами, Нурси отстаивает в своих произведениях ценности не фундаментального, а традиционного турецкого ислама.

Как отмечают многие другие эксперты, в книгах Б. Сайда Нурси отсутствует информация, способная возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам отношения к религии, национальным и другим признакам. Как представляется, можно согласиться с авторами вышеуказанной экспертизы в том, что публикация произведений Б. Сайда Нурси «в современной России во избежание возможного неадекватного понимания желательна при наличии классических комментариев, возможно, в виде предисловия, которые могли бы вводить читателя в реалии определенного исторического периода».

В настоящее время лидером секты является Фетуллах Гюлен Хаджи-Эфенди, обладающий серьезным политическим влиянием в Турции и контактирующий с первыми лицами государства. Он также имеет контроль над рядом СМИ Турции, при помощи которых проводит политику пропаганды идей исламского фундаментализма и турецкого пантюркизма. Деятельность секты носит кон-

спиративный характер, прием новых членов из числа иностранцев осуществляется после тщательной проверки их на лояльность. Каждого вновь принятого инструктируют о необходимости сохранения в тайне факта своей принадлежности к «Нурджулар», в структуре которой имеется служба безопасности с банком данных на членов движения, занимающаяся, в частности, выявлением агентуры национальных спецслужб и правоохранительных органов. Организация имеет свои газеты, телевидение, холдинги, ее основные сферы деятельности – печать и образование. Денежные средства поступают за счет пожертвований и функционирования принадлежащих секте фирм, банков и холдингов. Кроме того, у лидера секты Ф. Полена имеется возможность осуществлять ее легальное финансирование через турецкие промышленно-финансовые корпорации (холдинги Ihias, Asya finans kurumu, Isik sigorta), а также фонд Ihias, располагающие обширной сетью своих представительств по всей Европе и в Турции.

События в Чечне и Дагестане, а особенно террористические акты исламских экстремистов, совершенные 11 сентября 2001 г. в США, подтолкнули турецкие власти к действиям, направленным на ограничение деятельности «Нурджулар» внутри государства. Дело в том, что братство, исповедуя не только пантюркистскую, но и исламистскую идеологию, тесно связано с террористической организацией «Бозкурт» («Серые волки»), разделяет ее программные установки, финансово поддерживает ее деятельность. Вместе с тем спецслужбы Турции предприняли ряд шагов для расширения сферы деятельности секты вне страны, рассматривая это как один из способов усиления политических и экономических позиций Турции в странах Закавказья, российском Северо-Кавказском регионе и некоторых центрально-азиатских государствах СНГ. При этом особое значение придается пропаганде исламских идей путем открытия учебных заведений. Всего развернуто более 200 учебных центров, где эмиссарами секты осуществляется пропаганда исламского экстремизма и пантюркизма. Одновременно «Нурджулар» реализуется программа подготовки кадров российского мусульманского духовенства в теологических учебных заведениях Турции, где осуществляются их идеологическая обработка, изучение личных и деловых качеств, приобщение к идеям исламского экстремизма, национал-сепаратизма, подготовка к осуществлению подрывной деятельности после возвращения в РФ.

Предпочтение отдается перспективной молодежи с расчетом на ее кадровый потенциал, возможное выдвижение на ключевые

посты в экономике, науке, управленческих структурах России. При обучении за пределами Российской Федерации члены «Нурджулар» предлагают студентам крупную материальную и финансовую помощь в обмен на членство в секте, участие в ее деятельности.

С начала 90-х годов миссионерами «Нурджулар» проводится программа открытия учебных заведений (в том числе общеобразовательных) и на территории Российской Федерации. Так, в период с 1993 по 1999 г. сектой были открыты лицеи в Астрахани, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Татарстане, Башкирии, Якутии и Республике Тува. Кроме этого, в средствах массовой информации появлялись сведения о деятельности миссионеров «Нурджулар» в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Волгоградской, Ростовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях.

Другой организацией, проводящей активную работу в мусульманской умме России по вовлечению новых членов, занимающейся также прозелитической деятельностью, является международная террористическая организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (араб. – Исламская партия освобождения, далее «ХТ») – суннитская религиозно-политическая организация, созданная в 1952 г. в г. Куддусе судьей шариатского апелляционного суда Такиуддином ан-Набхани (1909–1977/79). После его смерти лидером партии стал палестинец Абдул Кадим Заллум (1925 г. р.), руководивший партией до 2003 г., а нынешним руководителем партии является Ата Абу Рашт.

После 1967 г. «ХТ» фактически прекратила свое существование, посчитав невозможным проведение исламской революции в условиях израильской оккупации. Спустя 10 лет после смерти единоличного лидера «ХТ» и более 20 лет после прекращения деятельности партии, в период первой палестинской интифады, был зафиксирован случай появления на оккупированных территориях листовок от имени «ХТ», которые, как было установлено, печатались за пределами Палестины.

В середине 90-х годов организация под тем же названием заявила о себе в Центральной Азии, причем сразу в виде мощного международного объединения исламистов. По своей организационной структуре «ХТ» не характерна для Центрально-Азиатского региона и создана без учета местных традиций по образцу структуры организации «Братья-мусульмане» 50-х годов XX в. в Египте. При этом из программных и организационных документов египет-

ских «Братьев-мусульман» был удален ряд важных, с точки зрения египетских исламистов, направлений деятельности (работа в профсоюзах, спортивных организациях).

В отличие от других центральноазиатских исламских экстремистских организаций (Исламское движение Узбекистана (ИДУ), Таджикская исламская оппозиция), возникновение которых было обусловлено комплексом местных этнополитических и социально-экономических причин, появление «ХТ» лишь отчасти соответствовало политическим запросам и экономическим устремлениям отдельных слоев населения Центральной Азии. Эксперты отмечают, что естественных предпосылок для возникновения «ХТ» в этом регионе не существовало. На тот период в государствах Центральной Азии радикальная исламская «ниша» была уже занята, но «ХТ» сумела без особых трудностей «договориться» с другими исламистами о разделе сфер влияния в регионе.

Кроме того, в отличие от ИДУ, социальной базой которого являются в основном маргинальные и беднейшие слои сельского населения, наиболее пострадавшие от экономических реформ, проведенных по рекомендациям Мирового банка и Международного валютного фонда (МБ и МВФ), пропаганда «ХТ» ориентирована, в том числе, на образованных жителей города, не удовлетворенных ходом и темпами социально-экономической трансформации.

В то время как в основе деятельности ИДУ лежат главным образом методы локальной вооруженной борьбы в традициях Центральной Азии (по типу басмаческого бандитско-повстанческого движения 20–30-х годов XX в.), «ХТ» использует преимущественно «интеллектуальные» и «высокотехнологичные» формы организационной и пропагандистской работы, направленные прежде всего на создание эффективно управляемой трансграничной сети своих структур («ячеек») в различных регионах.

Эксперты отмечают, что для «ХТ» характерна жесткая установка на завоевание политической власти путем распространения своего влияния по всему миру. В отличие от обычных исламских экстремистских организаций, «ХТ» последовательно создает свои структуры даже в традиционно немусульманских районах, вербуя представителей этнических немусульман. Формы и методы вовлечения новых членов активистами «ХТ» не типичны для исламских экстремистов и напоминают приобретение неофитов современными западными тоталитарными сектами типа «Свидетелей Иеговы» и сайентологов. В ходе вербовки «тахрировцы» делают акцент не

только на борьбу за торжество ислама во всем мире, но и на будущую принадлежность человека к влиятельной международной структуре, способной обеспечить его будущее. В отличие от форм агитации и пропаганды, принятых в деятельности всех исламских экстремистских организаций (фетвы религиозных авторитетов, проповеди в мечетях, аудио- и видеоматериалы, книги С. Кутба, Аль-Маудуди, Бен База – признанных основоположников исламского экстремизма, а также современных авторитетных религиозных радикалов), «ХТ» на первом этапе своей деятельности в Центральной Азии приступила к распространению серии книг «Исламский порядок», написанных в середине 50-х годов XX в. для жителей Палестины малоавторитетным в исламской среде и давно забытым шейхом Такиуддином ан-Набхани. В отличие от обычных исламских экстремистских группировок, у истоков создания которых всегда стоит признанный духовный и организационный лидер, который имеет, в том числе, и криминальный авторитет, «ХТ» не имеет авторитетного руководителя и управляется, вероятно, группой лиц.

Следует отметить беспрецедентно высокий уровень квалификации менеджмента «ХТ», достигаемый, в том числе, благодаря тому, что партия с самого начала своей деятельности активно использовала Интернет в целях мобилизации своих сторонников по всему миру. Анализ содержания информационно-пропагандистских материалов, распространяемых «ХТ» в странах Центральной Азии, показывает, что они не в полной мере соответствуют менталитету местных жителей, их национально-психологическим особенностям и системе ценностных ориентаций. В подготовке этих материалов могли принимать участие европейские или американские специалисты. Отмечено, что пропагандистская деятельность «ХТ» осуществляется по принципам и законам современных политических технологий.

В отличие от источников финансирования местных группировок исламистов в Центральной Азии, основу которого составляют преимущественно наркобизнес, рэкет, торговля людьми, контрабанда оружия, кражи скота, незаконная приватизация, «ХТ» с момента своего появления в этом регионе располагала практически неограниченными финансовыми ресурсами из неустановленных источников. Дислокация основных штаб-квартир «ХТ» точно не определена, предположительно – Палестина, Иордания, Великобритания, откуда идут основные потоки финансирования. Членство в «ХТ» строго засекречено. Численность организации не ус-

тановлена, в Центрально-Азиатском регионе, по некоторым оценкам, сосредоточено до 20 тыс. членов «ХТ». Региональные центры организации находятся в Великобритании (Лондон), Германии (Франкфурт-на-Майне), Турции (Стамбул), Индии (Лакнау), Саудовской Аравии (Джидда), Палестине (Новый Иерусалим), Малайзии (Куала-Лумпур). Наиболее активные ячейки партии действуют на территории Афганистана, Алжира, Египта, Иордании, Ирана, Ирака, Йемена, Кувейта, Пакистана, Судана, Туниса, КНР, в странах СНГ Центрально-Азиатского региона. Партия издает журнал – «Аль-Вай» (араб. – «Сознание»), который печатается в Иордании. О размахе деятельности этой организации свидетельствует факт, что на ежегодном конгрессе, состоявшемся в Лондоне 24 августа 1996 г., присутствовало около 1 тыс. делегатов из разных стран мира. В ряде государств Европы, Ближнего Востока и СНГ «ХТ» запрещена законом.

Решением Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. «ХТ» признана террористической организацией и запрещена в нашей стране. В России организация официально не регистрировалась, а была представлена эмиссарами и многочисленными законспирированными ячейками и сторонниками.

Для достижения поставленных целей лидерами «ХТ» реализуется поэтапный план, предусматривающий постепенное создание ячеек организации в различных слоях общества предварительно выбранной страны, их последующее усиление и переход к открытому отстаиванию своих интересов, а на завершающей стадии – силовой захват власти, имеющий конечной целью провозглашение халифата и экспансию в соседние государства. Вся власть в таком государстве должна принадлежать религиозным деятелям ислама и подчиняться законам шариата. Одним из основных направлений деятельности данной организации является создание разветвленной инфраструктуры (конспиративные квартиры, подпольные типографии, склады средств материально-технического и иного обеспечения), приобретение сторонников из числа работников СМИ, студенческой молодежи, влиятельных и авторитетных мусульманских духовных лидеров, опытных юристов (особенно из правозащитных организаций), с тем чтобы подготовить в перспективе легализацию «ХТ».

На сегодняшний день наблюдается устойчивая тенденция количественного и качественного укрепления состава членов «ХТ». Если в начале своей деятельности члены «ХТ» набирали в свои ряды любых желающих, в основном не занятую и безграмот-

ную молодежь, то в настоящее время основной упор делается на привлечение в ряды организации образованных и подготовленных молодых людей. Ими активно проводится вербовочная работа среди подследственных, находящихся в местах лишения свободы, с постепенным оказанием на них идеологического (религиозного) воздействия. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что члены «ХТ» активизировали работу среди студентов вузов, учащихся среднеспециальных и средних учебных заведений.

В тактическом плане «ХТ» действует весьма гибко и осторожно. В публичных выступлениях представители организации осуждают насилие как средство достижения политических целей. В материалах, распространяемых британским филиалом «ХТ» в расчете на общественное мнение Запада, утверждается, что партия стремится к созданию халифата лишь в исламских странах, а ее активность в других регионах, например в Европе и России, ограничивается разъяснениями особенностей исламского образа жизни. Серьезную роль в вербовочной деятельности партии играет привлечение в ее ряды представителей интеллигенции, пользующихся авторитетом, имеющих влияние на общественное мнение и способных усовершенствовать пропагандистскую и агитационную работу «ХТ». Существенную роль играет и стремление данной партии к вербовке представителей политической элиты, способных повлиять на ситуацию в русле, выгодном для ее деятельности. Необходимо также отметить, что неотъемлемой частью деятельности «ХТ» является вербовка сторонников силовых структур: планируется использовать их для свержения правящих режимов в современных мусульманских странах и в дальнейшем для уничтожения Государства Израиль и расширения территории халифата силовым путем.

Такой механизм приобретения сторонников и взаимодействия с ними отличается дешевизной и эффективностью, так как позволяет при умелой пропаганде охватывать широкие слои общественности даже в условиях недостатка активных членов партии. Целый ряд документов свидетельствует о стремлении партии «ХТ» внести раскол в общество. Это имеет отношение главным образом к обществам мусульманских стран или же тех стран, где существует значительная по численности и общественному влиянию мусульманская община (например, в России). Идеологи «ХТ» заявляют, что мусульмане должны стремиться к свержению существующих в их странах «неверных» режимов и восстановлению «исламского правления». Подобными призывами, которые распро-

страняются в различных государствах, и вносится раскол в общество. Мусульмане оказываются дезориентированными в своей политической и социальной позиции: поддерживать ли им правящий в их стране режим или же воевать против режима во имя создания халифата?

Значительная часть пропагандистских материалов направлена на возбуждение ненависти и вражды, на унижение человека, народа, страны, группы стран по признакам национальности и религии. Евреи объявляются «ХТ» порочным и лживым народом, более всех ненавидящим мусульман. Государство Израиль должно быть уничтожено, поскольку расположено на территории Палестины, объявленной партией исламской землей. США и Великобритания, а также народы этих стран обвиняются в куфре, т.е. неверии и враждебном отношении к исламу и мусульманам. Русский народ оскорбляется как народ, уничтожающий мусульман в Чечне. В.В. Путин также попал в список лиц, которых «ХТ» считает врагами ислама. Мусульмане всех стран призываются к джихаду – священной войне против христиан и иудеев. Основанием джихада называются чрезмерное влияние стран Запада на исламский мир и антимусульманская политика, проводимая США и их союзниками.

Также большая часть программных и пропагандистских документов «ХТ» содержит положения, побуждающие мусульман к насилию и физическому уничтожению людей в открытой или завуалированной форме. Применение насилия как средства политической борьбы вытекает из самой партийной доктрины, т.е. является одним из основных инструментов построения халифата, так как создание данного государственного образования подразумевает пересмотр международно признанных и относительно стабильных границ современных государств, что может быть осуществлено только насильственным (военным) путем. Кроме того, в состав халифата, в соответствии со взглядами партии, должны войти некоторые территории, отвоеванные христианами у мусульман еще в XIV–XV вв., в частности значительная часть современной Испании (Андалусия), что также невозможно без широкомасштабного применения насилия.

Насильственный характер взглядов партии на распространение ислама находит свое выражение в концепции джихада, содержащейся в целом ряде документов «ХТ». В большинстве документов джихад рассматривается как система насильственных действий, в том числе военных, направленных против сторонников других религиозных учений, государств, считающихся «врагами

ислама» (Израиль, США, Великобритания, Россия), и их граждан, а также против современных лидеров мусульманских стран, не признающих «правоту» взглядов данной партии и настроенных на диалог со странами Запада и Россией. Многие документы «ХТ» содержат неоднократные призывы к армиям и другим силовым структурам мусульманских государств, имеющие своей целью побудить их к насильственному свержению режима в той или иной стране, уничтожению ее лидеров, что также подтверждает вывод о существенной роли насильственных действий в политических планах партии. Необходимо отметить, что некоторые категории людей, в соответствии со взглядами идеологов данной партии, должны подвергаться не просто насилию, а физическому уничтожению (в частности, евреи – граждане Государства Израиль).

«Хизб ут-Тахрир» обладает собственным стандартным и легко узнаваемым стилем изложения своих взглядов и призывов, отличающимся простотой, доходчивостью, эмоциональностью и неоднократным повторением основной мысли документа, что также позволяет делать вывод о принадлежности тех или иных документов к комплексу этой партии. Необходимо также отметить, что для целого ряда документов «ХТ» (статьи из журнала «Сознание», прокламации, инструкции и т.д.) характерна стандартная манера внешнего оформления, по которой они могут быть определены как документы данной организации.

В материалах встречается упоминание других исламских партий. Однако «ХТ» выделяет себя среди этих партий тем, что стремится к объединению всех мусульман и к созданию халифата. Деятельность же других партий критикуется за ограниченность, как считает «ХТ», своих политических требований и социальных устремлений. В ряде документов содержатся призывы к неподчинению законам существующих государств, в том числе и законам Российской Федерации, в силу того, что мусульмане не должны подчиняться никаким другим нормам, кроме «приказов Аллаха». Кроме того, в некоторых документах присутствуют призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, направленные на «ликвидацию кремлевской власти» над Татарстаном и Кавказом и оспаривание легитимности власти России над «оккупированной» Чечней.

Угроза конституционному строю и суверенитету Российской Федерации заключается в попытках «ХТ» обострить ситуацию на Северном Кавказе и возбудить сепаратистские настроения внутри северокавказских этнонациональных групп. Одной из линий рабо-

ты «ХТ» является деятельность, направленная на подрыв авторитета и доверия к российской власти и включение части территорий России в исламский халифат. Террористическая деятельность «ХТ» имеет второстепенное значение и рассматривается лидерами и активистами партии как «вспомогательная» мера в случае невозможности достижения поставленных целей политическими методами.

Другие зарубежные экстремистские организации на территории Российской Федерации проявляют себя слабо. Их роль сводится скорее к поддержке тех экстремистских групп на территории РФ, которые уже смогли приобрести сколь-нибудь значимые позиции в местном социуме, в том числе и в молодежной среде.

Таким образом, исламский экстремизм представляет собой реальную угрозу для Российской Федерации. Молодежная среда России вызывает глубокую заинтересованность у экстремистских структур, что вынуждает искать пути противодействия экстремизму не только правоохранительные органы, но и все российское общество. Только совместными усилиями можно значительно снизить степень угрозы и блокировать ее негативные результаты.

*«Исламская молодежь в современном мире»,
Н. Новгород, 2009 г., с. 46–55.*

А. Салагаев, С. Сергеев, Л. Лучшева,
публицисты
**КУЛЬТУРНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСТАНЕ**

Социокультурное пространство Республики Татарстан исторически складывалось из православно-русской и тюркомусульманских культур, что отразилось на формировании менталитета, традиций правовой и политической культуры, языков, литературы, искусства проживающих здесь народов. Руководство Республики Татарстан официально проводит политику мультикультурализма, всячески подчеркивая полиэтничный состав населения республики и уважение этнокультурных нужд и запросов населения. Эта политика на российском и мировом уровне подается в качестве образца успешного развития этнических культур и их мирного взаимообогащения. Однако декларирование мультикультурализма нередко сочетается с проведением этноцентристской политики. Это проявляется даже на уровне принятых правовых

норм. Например, в Законе «О культуре» говорится, что одной из главных задач культурной политики региона является «содействие развитию татарской национальной культуры, культуры многонационального народа Республики Татарстан». Большинство указанных в этой программе мероприятий касается развития культуры всех народов, проживающих в республике, однако предполагаемые в ней действия по возрождению и сохранению татарской национальной культуры являются приоритетными. Сохранение и развитие культур народов Республики Татарстан направлено главным образом на удовлетворение культурных запросов и потребностей татарского народа, проживающего за пределами РТ. Раздел VII второй программы (2004–2007) полностью посвящен поддержке и развитию культуры и языка татар, проживающих на территории Российской Федерации, стран СНГ и Балтии. Это позволило татарстанским руководителям направлять средства республиканских налогоплательщиков на оказание помощи татарскому народу, проживающему за пределами Республики Татарстан. В пункте 29 раздела II второй программы, где речь идет о сохранении и использовании недвижимого историко-культурного наследия, говорится о подготовке и издании Свода памятников истории и культуры только татарского народа.

Языковая и образовательная политика. Согласно пункту 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации, «государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык». Пункт 2 этой же статьи закрепляет право республик самим «устанавливать свои государственные языки». Вместе с тем Конституция не дает ответа, в каком соотношении между собой должны находиться государственный и республиканский языки. Законом «О языках народов Республики Татарстан» закрепляется равноправие татарского и русского языков. Но в связи с необходимостью введения особых мер по возрождению и развитию татарского языка «Республика Татарстан содействует сохранению, развитию и изучению татарского языка татарами и лицами других национальностей, проживающими за ее пределами». Программные документы, выпущенные в РТ, оказывают поддержку в первую очередь развитию татарского языка, что наглядно продемонстрировали руководители ряда учреждений, прибавив 15% к окладам работников за знание русского и татарского языков. Нетатарское население республики в этой ситуации было сориентировано на необходимость знания татарского языка, и при этом руководство республики принимало меры по усилению его важности.

Специфика развития русского языка в современной языковой политике и системе образования Татарстана определяется рядом особенностей.

1. Будучи общегосударственным, русский язык на протяжении всей истории многонационального государства являлся для многих этносов проводником в мировую культуру и науку, он выступал и выступает частью интеллектуального потенциала всех народов, живущих в России. Российская Федерация от советского общества по наследству получила сформировавшуюся русскоязычную общность, которая значительно превышает собственно русский этнос.

2. Суверенизация Республики Татарстан стимулировала обсуждение, а в последствии и принятие законодательных мер в поддержку развития языков народов Татарстана, на деле же условия для развития татарского языка получили приоритетное значение.

С 1989/90 учебного года изучение татарского языка вводится во всех ПТУ и техникумах, а с 1991/92 учебного года для всех учащихся русскоязычных школ независимо от национальности и желаний учащихся, в это же время открываются новые типы татарских учебных заведений – лицеи и гимназии. Количество часов на изучение русского языка, по сравнению с другими регионами РФ, было сокращено в два раза. С введением единого государственного экзамена (ЕГЭ) тенденции дисбаланса в языковой политике обозначили проблему слабых знаний русского языка среди выпускников общеобразовательных учреждений.

Тем не менее русский язык остается лидирующим во многих сферах жизнедеятельности татарстанцев: бизнесе, делопроизводстве, науке (естественной и обществоведческой), среднем и высшем образовании (за исключением специального гуманитарного).

Несмотря на введение татарского языка в обязательную школьную и вузовскую программы, татарский язык не стал актуальным для большинства татарстанцев. Способных его использовать на работе среди русских РТ в конце 1990-х годов было всего 0,4%. Наше исследование показало, что татарский язык, как наиболее важный, выделяют 4,7% из числа опрошенных русских студентов и 0,8% школьников (среди татар этот показатель составляет соответственно 4,2% и 2,7%). Учащаяся молодежь из двух государственных языков РТ в большей степени отдает предпочтение изучению русского языка. Однако по сравнению с официальными языками РТ наиболее необходимым для дальнейшей жизни, по

мнению учащейся и студенческой молодежи, является английский язык, как язык международного общения.

Таким образом, несмотря на усилия республиканских властей, значимость языка в регионе определяется в первую очередь его социальной потребностью. Государственный статус русского языка, его роль в приобщении к западной культуре, успешная языковая адаптация в системе образования и науки для народов Татарстана являются более востребованными факторами, чем региональная языковая политика, актуализирующая значимость татарского языка.

Обязательное изучение татарского языка периодически вызывает раздражение многих родителей и учащихся из нетатарских семей. К настоящему времени, похоже, даже некоторые сторонники этнонационального движения стали понимать бессмысленность обучения языку тех нетатар, кто не хочет его изучать. «Даже в Татарстане, я считаю, русским школьникам татарский язык преподавать не нужно» (из интервью с Д. Исхаковым). Вместо этого предлагается сосредоточить силы и средства на обучении татарскому языку детей-татар, а также тех татар, кто хотел бы лучше знать родной язык.

Политика в области этнической культуры. Курс на максимальное сохранение татарского языка и татарской народной архаики как уникальных явлений титульного народа получил особое звучание с принятием суверенитета РТ. Эта тенденция продолжает сохраняться до сегодняшнего дня. При этом культура других народов, проживающих в республике, развивается, главным образом, в условиях саморегуляции из-за недостаточного внимания к ее проблемам со стороны республиканских властей. В начале 1990-х годов в РТ по инициативе снизу начали формироваться этнокультурные сообщества – общественные организации, созданные по этническому, этнокультурному и религиозному принципам. Национально-культурные центры (НКЦ) и национально-культурные автономии (НКА) стали катализатором процессов этнического возрождения и сыграли положительную роль в сохранении традиций своего народа на территории республики.

С 1992 г. наблюдается активный количественный рост НКЦ. Если в 1992 г. их было создано 12, то на 1 января 2008 г. зарегистрировано 123 НКЦ. Современное состояние культурных центров представляет пеструю этническую палитру: татарских НКЦ – 18, чувашских – 17, татар-кряшен – 13, русских – 13, марийских – 10, удмуртских – 9, мордовских – 3, башкирских – 2. Национально-

культурные автономии и этнические общественные организации созданы представителями еще 15 народов. В центре внимания НКЦ весь комплекс вопросов, связанных с развитием этнических групп, – возрождение, сохранение и развитие родного языка, национальных культурных традиций, воспитание бережного отношения к культуре, традиционным народным праздникам, обрядам, промыслам. Представители центров поднимают перед руководством республики вопросы о создании национальных школ, детских садов, поддерживают талантливую молодежь.

Традиционные праздники, когда-то связанные с сельскохозяйственным циклом, сегодня выполняют преимущественно этнопсихологическую и коммуникативную функции и отмечаются, главным образом на селе. Из религиозных праздников, сохранившихся на уровне семьи, у татар сегодня широко отмечаются Сабантуй, Нардуган, Науруз, Курбан-байрам. Они сопровождаются массовыми представлениями, спортивными играми, ярмарками. С 2002 г. праздник «Сабантуй» внесен в Реестр шедевров мировой нематериальной культуры ЮНЕСКО и отмечается не только в городах Татарстана, но и за его пределами.

С начала 1990-х годов при поддержке общественных организаций и РПЦ начинают возрождаться и русские обрядовые праздники. Возродившись в одном селе, они постепенно расширяют масштабы и географию участников, собирая коллективы по всей республике. Одним из самых популярных и массовых праздников русской культуры стал фольклорный праздник «Каравон», проводимый в селе Русское Никольское Лаишевского района (с 2004 г. имеет республиканский статус). Во многих русских селениях на личном бытовом уровне вернулись в традицию празднования Пасхи, Троицы, Святки и др.

Фольклорные праздники других народов Татарстана сохраняются благодаря инициативе этнической общественности и деятельности национальных культурных общин. В среду компактного проживания этих народов постепенно возвращаются традиции празднования весенних праздников сельскохозяйственного цикла: у мордвы – «Балтай», у марийцев – «Семык», у удмуртов – «Гырон быдтон», у чувашей – «Учук» и «Уяв», у кряшен – «Питрау».

Несмотря на существенный вклад Татарстана в развитие российской и мировой культуры, в республике наблюдается существенное сокращение доли художественно-творческой элиты нетатарской национальности. В современных тенденциях книжного издательства обращает на себя внимание политика по пропаганде

татарской литературы. Издательство «Магариф» специализируется главным образом на выпуске учебной литературы, обслуживающей региональный компонент. Татарское книжное издательство ежегодно выпускает не более 3–5% произведений русских писателей республики. Кроме того, на татарского читателя в большей степени сориентированы и республиканские библиотеки: 1250 библиотек обслуживают татарское, 779 – русское, 142 – чувашское, 32 – удмуртское, 14 – мордовское и 24 библиотеки – марийское население.

Различные этнические группы, проживающие в Татарстане, в разной мере интересуются своей собственной этнической (как правило, традиционной) культурой. Исследование, проведенное в конце 1990-х годов Е.А. Бондаренко, показало, что 43% опрошенных татар отмечали, что культура их народа стала ближе и интереснее для них, тогда как у русских только 20% респондентов проявляли интерес к родной культуре. При этом $\frac{2}{3}$ татар считали, что в их культуре произошли благоприятные изменения, тогда как русские в три раза реже давали позитивную оценку динамики своей культуры. Кроме того, исследователь отмечал, что при таком более благоприятном, по субъективным оценкам, состоянии татарской культуры татары в пять раз чаще хотели, чтобы приоритеты государственной политики были на стороне именно татарской культуры (16,4% татар высказывались за первоочередную поддержку татарской культуры и 3,4% русских – русской культуры).

С целью сохранения историко-культурного наследия как условия существования народов республики была принята целевая программа «Развитие культуры в Республике Татарстан на 2004–2007 гг.». На учете в Министерстве культуры РТ состоят от 5265 до 5532 историко-культурных объектов, 2558 объектов включены в Государственные охранные реестры недвижимых памятников истории и культуры. Однако в результате недалековидной политики республиканского руководства ряд памятников истории и культуры оказался под угрозой разрушения, а при подготовке празднования 1000-летия г. Казани многие требующие реставрации здания были снесены. С лица города исчезли целые улицы – Профессорский переулок, Касаткина, Федосеевская и др. Оказалась утраченной большая часть историко-культурного наследия бывшей русской части г. Казани – улицы Пушкина, Островского, Свердлова и др. За последние пять лет были снесены здания, связанные с именами наших выдающихся земляков – Ф.И. Шаляпина, В.В. Хлебникова. Нет охранных досок на домах, связанных с име-

нами А.С. Пушкина, С.Т. Аксакова, В.И. Качалова и других русских писателей, чья жизнь, так или иначе, пересеклась с нашим городом. Столица Татарстана, постепенно утрачивая свою архаичную самобытность, превращается в безликий, с типовыми застройками из стекла и бетона город, лишаясь главным образом историко-архитектурного наследия русской части города Казани.

Русской общественности на федеральном и республиканском уровнях приходится долго доказывать значимость русской культуры, убеждать в необходимости ее сохранения. Например, больше 10 лет решался вопрос о принятии концепции возрождения историко-культурного памятника, национального достояния страны – острова-града Свияжск. На территории острова сохранилось и зарегистрировано 62 памятника, из них – 18 федерального значения. Остров-град Свияжск в 1996 г. был заявлен в список всемирного наследия ЮНЕСКО. В рамках федеральной программы «Малые исторические города России» специалистами был разработан проект «Основные направления социально-экономического, архитектурно-художественного и экологического возрождения малого исторического города «Остров-град Свияжск. Концепция», которая была принята только в 2006 г., после составления документов на программу ЮНЕСКО по возрождению г. Булгары – святыни для мусульман республики.

Татарстан – особый регион России, где существует реальная основа для диалога религий. Региональные власти сегодня главную задачу видят в необходимости перехода от соблюдения баланса интересов двух крупных конфессий – ислама и православия, к равенству всех религий перед законом, равноудаленности их от светского государства. Однако декларируемый баланс на практике реализуется не всегда. По данным Управления Федеральной регистрационной службы по РТ, на 1 января 2008 г. в республике зарегистрировано 1404 религиозных организации, из них: 1056 – мусульманских, 255 – православных, 76 – протестантских и 13 относящихся к иным церквям. Действует 1400 культовых сооружений: 1150 мусульманских, 200 православных и 50 принадлежащих другим конфессиям. В течение ноября 2009 г., к празднику Курбан-байрам, отмечавшемуся в 2009 г. 27 ноября, в Татарстане были открыты девять новых мечетей.

Таблица 1

**Религиозные организации Республики Татарстан
(динамика роста)**

Год	Мусульманские	Православные	Протестантские	Другие
1986	18	15	1	3
2008	1056	244	76	13

Строительство культовых зданий и реставрация переданных культовых сооружений верующим – наглядное выражение процесса религиозного возрождения в республике.

Таблица 2

**Действующие культовые сооружения
в Республике Татарстан**

Год	Мусульманские	Православные	Другие
До 1917	1598	794	3
1989	3	4	1
2008	1150	200	50

Ислам является самой распространенной религией в Татарстане: 54% населения считают себя мусульманами. В частности, 44,6% татарского сельского населения и 33,5% городского считали, что «религия роднит со своим народом», а 41% татар-горожан рассматривали общеисламские праздники как национальные. По числу приходов двух основных религий в РТ ислам занимает первое место – 1056 зарегистрированных приходов и 50 – в стадии регистрации. В православной епархии 270 приходов, из них живущих полнокровной церковной жизнью – 197, остальные находятся в стадии строительства и реставрации либо являются вакантными и приписными.

Бывший председатель Совета по делам религий при Кабинете министров РТ причину неравного количества культовых сооружений в республике при примерном равенстве верующих из числа мусульман и христиан объясняет следующими факторами:

- во-первых, численным перевесом татар в сельской местности;
- во-вторых, каноническим отличием использования культовых сооружений (традиционные требования к строительству ме-

четей гораздо проще, в то время как строительство и оформление внутреннего убранства православных храмов требует значительных вложений);

– в-третьих, присутствием в исламе принципа махали (или квартальной мечети).

Духовное управление мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) имеет разветвленную структуру, обеспечивающую работу мусульманских приходов на местах, под его руководством во всех муниципальных районах работают мухтасибаты (45), осуществляется религиозная судебная деятельность региональными казиями. ДУМ РТ также занимается международными связями с исламским миром, исламским образованием, проповеднической деятельностью, статистикой, наукой, работой с молодежью. В соответствии с Конституцией Республики Татарстан «...расширены права верующих на предприятиях и в учреждениях, которым предоставлена возможность совершения религиозных обрядов на рабочих местах...» За религиозными организациями закреплено право на создание специальной сети предприятий и учреждений по обслуживанию верующих согласно каноническим установкам. Это позволило мусульманам осуществить на практике появление сети халяльных магазинов, исламских ателье, «бутиков» с религиозной атрибутикой и литературой, работникам медицинских учреждений проводить обряд обрезания. Казанская кондитерская фабрика налаживает выпуск конфет и сладостей без алкоголя и животных жиров.

В последние годы ДУМ РТ уделяет большое внимание проведению различных мероприятий, ориентированных в первую очередь на мусульманскую молодежь. В 2006 г. республика стала инициатором первого всероссийского конкурса красоты среди мусульманок. В 2007 г. в Казани был проведен первый фестиваль мусульманских СМИ и издательств Татарстана. Традицией в республике стали дни татарской молодежи, совмещенные с фестивалем молодежи в Приволжском федеральном округе. По инициативе молодых имамов с 2005 г. проводится футбольный турнир на Кубок мухтасиба. Не в последнюю очередь это связано с активизацией экстремистских течений в исламе, имевшей место в республике.

Так, еще в 1990-е годы в ряде городов республики – Набережных Челнах, Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе появились ваххабиты (точнее, неосалафиты). Но популярность этого экстремистского направления в Поволжье оказалась гораздо ниже, чем в республиках Северного Кавказа, а попытка его закрепления среди

татар РТ и вовсе потерпела поражение. Клерикальный радикализм получил определенное распространение среди молодых мулл и молодежи в тех городах республики, где не сохранился или очень узок «культурный слой» – в Набережных Челнах, Альметьевске и пр. Ситуация обостряется и тем, что в этих городах велик общий фон социальной напряженности, значительна доля «полугородских» маргиналов. Такие люди весьма восприимчивы к радикальным идеям различного толка – этнонационалистическим или религиозным.

В течение второй половины 2000-х годов в Татарстане прошел ряд процессов над участниками ряда клерикальных экстремистских и террористических организаций. Так, только по делу набережночелнинской организации «Исламский джамаат» (неосалафиты) в 2004 г. было задержано более 50 человек, из них 23 привлечены к уголовной ответственности. В частности, к пожизненному заключению был приговорен член этой организации, убивавший в лесу под Набережными Челнами людей, чье поведение, по его мнению, не соответствовало канонам ислама. В 2005–2009 гг. состоялось несколько процессов над членами другой экстремистской организации, «Хизб ут-Тахрир». По отношению к ним суд был не столь суров, и некоторые из обвиняемых освобождались из-под стражи в зале суда (поскольку успели отбыть назначенное судом наказание еще в ходе предварительного следствия).

Второй по распространенности в Татарстане религией является православие, представленное несколькими религиозными организациями: Русской православной церковью (РПЦ) Московского Патриархата (255), истинно-православной (6) и старообрядческой церковью (5). Православие в республике исповедуется многими присутствующими здесь народами: наличие крещеных татар, православных чувашей, удмуртов и мордвы с 2004 г. сделало возможным для ряда городских и сельских приходов организовать службу на их родных языках. С 1989 г. Казанской епархией РПЦ управляет епископ Анастасий (в миру – Александр Михайлович Меткин), получивший свой титул Казанского и Татарстанского епископа после выделения в июне 1993 г. из состава Казанской епархии вновь учрежденной Марийской епархии. Присутствие православной церкви Татарстана в сети Интернет характеризуется наличием официального сайта Казанской епархии «Православие в Татарстане», который считается одним из лучших в Московском Патриархате, кроме него в республике существует еще около десяти интернет-сайтов РПЦ.

Религиозное образование в республике представлено исламскими и православными учреждениями. Многоступенчатая система мусульманского религиозного образования начинается с десяти медресе – профессиональных религиозных учебных заведений, параллельно с которыми действуют воскресные курсы, организованные при каждой мечети республики. Под эгидой ДУМ РТ в 2003 г. был создан единственный в России Центр подготовки хатифов Корана. В Набережных Челнах функционирует Институт повышения квалификации имамов и проповедников, где ежегодно проходят стажировку около 250 человек со всего Татарстана. Среди учебных заведений РТ особое место занимает Российский исламский университет (РИУ), созданный в 1998 г. (в настоящее время в нем обучается 320 студентов из 22 регионов России и шесть из стран СНГ, есть студенты из Турции и Китая).

Христианские религиозные образовательные учреждения республики представлены Набережно-Челнинским филиалом Московского Свято-Тихоновского богословского института и Казанской духовной семинарией, созданной в 1999 г. на базе Казанского духовного училища.

В последние годы сложилась тенденция, когда в круг интересов православных религиозных организаций стали включаться не только сами культовые здания, но и иное имущество, которое до революции входило в единый храмовый комплекс. Вместе с тем часто решение проблем православных верующих республиканские власти искусственно затягивают, не уделяя им адекватного внимания.

Помимо общин и приходов, принадлежащих к исламской и православной конфессиям, в республике зарегистрированы также католические, иудаистские, буддийская общины. Активизируются организации, называемые «новыми религиозными движениями». Кроме того, в республике наблюдается стабильное увеличение протестантских приходов, которые хотя и не носят этнический характер, но, как отмечает Совет по делам религий при Кабинете министров РТ, среди прихожан и руководителей протестантских церквей происходит стабильное увеличение татар.

Самобытная культура Татарстана, завязанная на диалоге русской и татарской культур, сформирована на фундаменте православия и ислама. В этнорелигиозном и культурном развитии Республики Татарстан наблюдаются сложные и неоднозначные тенденции: взаимовлияние русской и татарской культур, христианских и исламских ценностей создает весьма удачный фон

для развития толерантности, мультикультурности, открытости влияниям как Запада, так и Востока. Но в то же время дает о себе знать извечная дилемма: мультикультурализм означает предоставление возможностей и для развития консервативных, клерикальных и этнонационалистических тенденций, которые неприязненно и враждебно относятся ко всему непривычному для них и новому.

*«Социокультурный портрет Республики Татарстан»,
Казань, 2009 г., с. 94–118.*

Ю. Дорохов,

политолог (г. Махачкала)

**ПРОБЛЕМА ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)**

После распада СССР роль этнического и религиозного факторов на постсоветском пространстве быстро возросла и на протяжении последних полутора десятилетий неуклонно усиливалась, обнаруживая все большую связь с политикой. Наиболее сложная ситуация возникла на Северном Кавказе, где сложившийся комплекс внутриконфессиональных и межэтнических противоречий, усиленный рядом значительных внешних факторов, породил ряд острых и кровопролитных конфликтов.

Проблема исламского фундаментализма на Северном Кавказе нами рассматривается как проблема всей страны в целом, основываясь на примере Республики Дагестан. В статье будет исследовано то негативное влияние, которое оказывает нестабильная обстановка в Дагестане на другие регионы России, и как нестабильная общественно-политическая ситуация в Кавказско-Каспийском регионе, искусственно расшатанная в Дагестане, влияет на национальную безопасность России в целом. Мы хотели бы отметить, что сам по себе терроризм и экстремизм нельзя связывать конкретно с исламом и отождествлять с религией вообще. Если рассмотреть проблемы Северной Ирландии и некоторых испанских провинций, испокон веков исповедующих католицизм, мы увидим, что террористические организации, преследующие определенные политические цели, существуют и в христианском мире. В связи с этим в данной статье рассматривается такое политико-религиозное явление, как терроризм под прикрытием ислама.

Точная численность верующих, исповедующих ислам в Дагестане, неизвестна, но она, без сомнения, составляет не менее 90% от общей численности населения республики. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Дагестане зафиксированы представители 121-й национальности, говорящие на различных языках. Под исламскими экстремистами (террористами) в Дагестане фактически понимают последователей религиозно-политического радикального течения в исламе, известного нам как ваххабизм. Проведение приверженцами радикализма (ваххабизма) террористических актов, исходя из их требований и идеологии, обозначается как борьба за политическую власть и влияние в регионе на основе религиозных норм. Политико-религиозной основой последователей радикального исламского фундаментализма является идея отделения Дагестана от России и создание на территории республики независимого исламского государства с шариатским правлением.

Основные идеологи чеченского бандподполья, такие как Мовлади Удугов, Докку Умаров и, конечно, Ахмед Закаев, получивший дипломатическое убежище в Великобритании, до сих пор не могут прийти к общему мнению относительно политического устройства независимой Ичкерии. Основные разногласия состоят в том, должна ли быть «новая Чечня» исламской республикой с шариатской формой правления во главе с амиром и советом алимов, или исламской конституционной республикой с парламентом и президентом. Свои дебаты они ведут именно за рубежом, в странах Западной Европы. Показательно, что все указанные лица были руководителями незаконных вооруженных формирований (НВФ), совершавших откровенно уголовные преступления в ходе обеих «чеченских» кампаний. В их числе похищения людей, работоторговля, заказные убийства; надо учитывать и то, что терроризм это также уголовное преступление. Все эти лица официально находятся в международном розыске по инициативе Российской Федерации.

После распада СССР ситуация в Дагестане чрезвычайно осложнилась. Экономический спад, безработица и начавшаяся борьба между группировками элит, при наличии в их рядах вооруженной составляющей, за перераспределение государственной собственности и власти обусловили высокую степень угрозы возникновения очагов межэтнического, а затем и межрелигиозного конфликтов. Усугублялась ситуация и снятием многолетнего запрета на религию, существовавшего в советские годы. В этот пе-

риод начинается стремительный рост числа мечетей и исламских учебных заведений в Дагестане.

Поскольку активизация деятельности экстремистских организаций началась в России после распада СССР, существует непосредственная взаимосвязь между событиями, происходящими на Северном Кавказе в последние 15 лет, и стремлением враждебно настроенных иностранных государств развязать полномасштабные военные действия и втянуть Россию в новую гражданскую войну. Война, тем более в период мирового экономического кризиса, сильно подрывает и без того еще слабую и неуверенную экономику страны, ведущей боевые действия, а на государство с ослабленной экономикой гораздо проще оказывать внешнеполитическое давление.

С начала 1990-х годов идеология ваххабизма получила значительное распространение на территории Дагестана, где он за последние десять лет перешел от умеренности к крайним проявлениям, что представляло непосредственную угрозу национальной безопасности России и ее территориальной целостности. Приверженцы ваххабизма усиленно распространяли литературу радикального характера, начали издаваться газеты явно экстремистского и антиконституционного толка, которые выходили вплоть до 1999 г., пока дагестанские суды не запретили их издание. В них широко пропагандируется свержение конституционного строя, разжигается межнациональная и межрелигиозная вражда. Мы хотели бы уточнить, что поддержка экстремистской деятельности в Дагестане осуществлялась многочисленными организациями и фондами, зачастую действовавшими под жестким контролем американской администрации. Финансирование данной деятельности производилось при посредничестве различных международных организаций на вполне легальной основе. После запрещения на федеральном уровне в 1999 г. деятельности некоторых зарубежных организаций в России финансирование изданий экстремистской литературы и финансирование ведения подрывной деятельности и информационной войны по настоящее время продолжается нелегально, при посредничестве эмиссаров таких террористических организаций, как «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир» и др.

Во время проведения сотрудниками правоохранительных органов специальных мероприятий регулярно уничтожаются так называемые «финансисты» незаконных вооруженных формирований, действующих на территории всего Северного Кавказа, а в ча-

стности на территории Республики Дагестан. Ими, как правило, являются иностранные граждане, преимущественно арабских государств, члены международных террористических организаций и различных исламских фондов. Поэтому, говоря об исламском экстремизме в России, невозможно не затронуть тему международного терроризма.

В ходе спецопераций регулярно появляются данные об участии в НВФ граждан Турции, Сирии, Иордании, Кувейта, Катара, Саудовской Аравии, Пакистана и некоторых африканских государств. Граждане указанных стран, как правило, играют руководящую роль в организации деятельности бандподполья, осуществляют создание тренировочных лагерей, организуют обучение боевиков, финансируют деятельность группировок и являются связующим звеном между заинтересованными зарубежными организациями и действующими на территории Дагестана НВФ. Многочисленные фонды и исламские организации расположены как в странах арабского мира, так и на территории США и в странах Западной Европы, которые преследуют на Северном Кавказе и Каспии свои геополитические интересы. Мы считаем, что точка зрения ряда исследователей, что исламский радикализм, а за ним и исламский экстремизм возникли в Дагестане в результате как внутриреспубликанских причин, так и событий, происходивших в соседней Чечне, не соответствует истине. Мы полагаем, что причины появления и развития ваххабизма в Дагестане прежде всего внешнеполитические, а все остальное послужило благодатной почвой для активизации экстремистской деятельности.

Кавказско-Каспийский регион, являющийся ключевым в обеспечении безопасности южных границ России, одновременно является и одним из наименее стабильных регионов мира. Доказательством тому служит ряд проблем и противоречий, не решенных еще со времен распада СССР. Среди них – ведение борьбы с незаконными вооруженными формированиями в России на территории Северного Кавказа, грузино-абхазский и грузино-югоосетинский конфликты, в Закавказье сохраняются напряженные отношения между Арменией и Азербайджаном за контроль над Нагорным Карабахом, по другую сторону Каспия Таджикистан, чью границу охраняют российские пограничники, и проблемный Афганистан, а на юге Каспия Иран со своей ядерной программой. В каждом случае перекрещиваются интересы России и НАТО.

Если США, в соответствии с программой «Каспийский Страж», получат возможность военно-морского присутствия в

Азербайджане, как получили возможность размещения военных баз в Грузии, через которые потом переправлялись отряды боевиков в Чечню и Дагестан, возникнет реальная угроза начала новой «холодной войны» Россия – НАТО. Также существенно ухудшатся российско-европейские отношения из-за возможной угрозы потери контроля над транзитом туркменского газа в Европу по дну Каспия. Неслучайно именно Россия выступила с инициативой создания межнациональных военно-морских сил быстрого реагирования на Каспии (Casfor – КАСФОР). К предложению России положительно отнеслись Иран и Туркменистан, а Казахстан и Азербайджан весьма сдержанно восприняли данную инициативу.

Во время первой и второй чеченских кампаний своей главной целью руководители НВФ считали выход к берегу Каспийского моря. Неслучайно С. Радуев, Ш. Басаев и иорданец Хаттаб объектом вторжения выбирали именно Республику Дагестан, а не другие республики Северного Кавказа. Завуалированные попытки расширения границ Чеченской Республики сначала до Хасавюртовского района Дагестана, а затем и присоединение Кизлярского района, который имеет выход на побережье Каспия, ведутся до сих пор.

Мировое сообщество с середины XX в. ведет активную борьбу за иссякающие природные ресурсы и незаселенные территории, которыми Россия обладает в огромных объемах. Северный Кавказ, в частности Дагестан (стратегически важный регион на берегу Каспийского моря), рассматривается специальными службами некоторых стран как плацдарм для развития и усиления влияния и господства в регионе с последующим отделением уже Северного Кавказа от России. Вследствие потери Россией лидирующих позиций на Кавказе автоматически следует ослабление российского влияния на прикаспийские государства: Азербайджан, Казахстан, Туркменистан и Иран. Это в свою очередь значительно облегчает США и странам НАТО получение доступа к энергоресурсам Каспийского бассейна. Интерес к источникам энергоресурсов на Каспии у США вызван в первую очередь обеспечением собственной энергетической безопасности, что и было отмечено Конгрессом США: «Обеспечение энергетической безопасности входит в число основных приоритетов внешней политики». Как отмечал Дж. Бейкер, «в XXI в. каспийская нефть будет иметь такое же значение для индустриального мира, какое сегодня имеет нефть Персидского залива». Для разработки месторождений каспийской нефти в странах каспийского бассейна привлекаются крупнейшие

западные нефтяные компании, такие как «Бритиш Петролеум», «Эксон Мобил» и др., действующие под опекой и в интересах правительства США. Таким образом, интересы США ориентированы на долгосрочную диверсификацию источников нефти и газа на месторождениях Каспия для уменьшения энергозависимости от стран Персидского залива, тем более что расконсервировать свои запасы или добывать большее количество нефти в Мексиканском заливе США не хотят.

Однако в различных источниках данные по количеству запасов каспийских углеводородов значительно разнятся, варьируются от огромных объемов до незначительного количества. Поэтому желание США и западных государств контролировать Каспий сводится, скорее всего, к контролю над Россией. Политическая же нестабильность в регионе помогает американской администрации управлять самим регионом, соответственно расшатывание обстановки есть еще одна из ключевых долгосрочных задач США. А поскольку Россия играет ключевую роль в Кавказско-Каспийском регионе и может в значительной степени влиять на обстановку и принятие политических решений в прикаспийских государствах, дестабилизация политической и общественной обстановки в Дагестане является приоритетной задачей для администрации США.

Но, по наблюдениям сотрудников органов, участие зарубежных граждан в деятельности бандформирований на территории республики постепенно уменьшается, а соответственно постепенно сокращается их деятельность по финансированию бандгрупп. В результате контрразведывательной работы были уничтожены такие координаторы подрывной деятельности в Дагестане, как Абу Омар, Абу Хафс, Хаттаб и др. Каждая проведенная «спецоперация» есть наглядный результат тяжелой работы сотрудников правоохранительных органов по обеспечению национальной безопасности, потому что проведение такого мероприятия означает предотвращение очередного теракта, спасение чьих-то жизней. Таким образом сказывается кропотливая работа правоохранительных органов по противодействию террористической деятельности, бандитам приходится самим организовывать финансирование преступной деятельности.

Фактическое состояние обстановки в Республике Дагестан на данный момент таково, что общественно-политическая ситуация в республике накалена до предела. В статье приводятся объективные факторы, являющиеся результатом подрывной антиконституционной деятельности экстремистских группировок. В

Хасавюрте и Махачкале до недавнего времени работал снайпер, прицельно уничтожавший военнослужащих, работников прокуратуры, МВД, ФСБ и сотрудников других организаций, в которых по долгу службы предусмотрено ношение военной либо специальной формы одежды. Практически ежедневно в адрес работников МВД, ФСБ, прокуратуры и их семей поступают угрозы с требованиями уволиться со службы, в случае невыполнения требований бандиты угрожают физическим уничтожением и, как правило, держат свои обещания. Свои угрозы они подкрепляют такими акциями устрашения, как, например, обстрел квартиры, поджог или подрыв личного автотранспорта.

Сотрудникам правоохранительных органов членами незаконных бандформирований было вынесено предупреждение «форму не надевать», женщинам повсеместно дают рекомендации, типа «сестра, надень хиджаб». Свои угрозы и предписания экстремисты доводят до населения путем распространения листовок. В горных районах Дагестана и на равнине совершаются убийства и покушения на сотрудников милиции и военнослужащих, осуществляются подрывы служебного автотранспорта, в результате чего страдают не только сотрудники органов, но и ни в чем не повинные граждане. Регулярно обстреливаются из автоматического стрелкового оружия посты ГИБДД МВД по РД в различных районах и городах Дагестана. Поражает бесчеловечная жестокость и циничность проводимых террористических актов.

Некоторые категории гражданских лиц также разделились по радикальным религиозным признакам. В частности, спортивное сообщество республики уже давно разделено на «джамаат» и «тарикат». В переводе с арабского «джамаат» – община, братство (в данном случае сообщество приверженцев ваххабизма, распространенное обращение друг к другу – «брат», «сестра»); «тарикат» – дорога, путь, тарикат означает шариатский путь достижения сближения раба со Всевышним, путем очищения сердца от плохих, недостойных мыслей и отхода от плохих деяний (тут – лица, избравшие данный путь сближения с Богом). В различных населенных пунктах республики регулярно происходят стычки между приверженцами традиционного направления ислама с последователями радикального ваххабитского течения.

В результате проведения специальных мероприятий по уничтожению членов НВФ сотрудники органов находят у ликвидированных бандитов списки с подробной информацией о работах МВД, ФСБ, прокуратуры и военнослужащих войсковых

частей, дислоцированных на территории республики, с указанием точных анкетных данных, должностей, званий, номеров и марок автомобилей и адресов. Если бандиты обладают столь точными данными и выдвигают действующим работникам органов подобные ультимативные требования, то им однозначно необходимо будет получить подтверждение выполнения их требований. И они не ограничатся «слухом», пущенным по соседям и родственникам лиц, которым они угрожают, а наверняка получат подтверждения или опровержения непосредственно из тех же самых органов. Путем шантажа и подкупа бандиты заставляют сотрудников органов предоставлять им различную информацию. Известны случаи, когда сотрудники МВД по РД были завербованы экстремистами именно на идеологической основе.

С учетом описанной обстановки в республике смоделируем возможную ситуацию:

- 1) ввод режима КТО в Дагестане;
- 2) несколько лет ведения партизанской войны и непрекращающихся спецмероприятий со всеми вытекающими последствиями (аресты, прочесывание местности, армейские зачистки, обыски;
- 3) ввод жесткого режима управления (возможно даже прямого президентского правления на короткий отрезок времени);
- 4) тяжелейший и требующий больших финансовых затрат процесс восстановления мирной жизни, инфраструктуры.

В соседней Чечне была похожая ситуация. Боевики, воюющие против федералов, вербовали в свои ряды добровольцев из числа местного населения. Тех людей, которые отказались от вступления в НВФ и откровенно не поддерживали бандитов, боевики, как правило, убивали. Родственники этих людей стали кровниками убийц. Институт кровной мести на Кавказе, в частности, в Дагестане, сильно развит до сих пор. А с учетом того, что Дагестан многонациональная республика, обязательно обострятся еще и межнациональные противоречия. В результате возникновение новых политических, межэтнических и территориальных конфликтов в Дагестане и, как следствие, ухудшение обстановки на всем Северном Кавказе. Это обуславливает необходимость изыскания новых путей решения этих вопросов, в том числе с возможностью применения Вооруженных сил. В свою очередь ведение боевых действий, имея при этом ряд нерешенных внешнеполитических проблем, влечет за собой резкий экономический спад, снижение уровня и так слабого производства, рост ин-

фляции и потерю позиций в регионе. В республике в любой момент готов вспыхнуть такой пожар, который очень трудно будет потушить в течение многих десятков лет. У дагестанцев уже есть горький опыт размещения беженцев, а в случае начала войны беженцами могут оказаться жители республики.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2009 г., № 4, с. 86–91.*

С. Аккиева,
исламовед
**ИСЛАМ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ**

В мае 1989 г. состоялся первый съезд мусульман Северного Кавказа (СК), на котором был смещен муфтий, уроженец КБР, балкарец М. Геккиев. Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМ) раскололось по административно-территориальному признаку на семь республиканских управлений, организационное оформление каждого из которых имело свою специфику. 29 ноября имамы КБР объявили о создании Духовного управления мусульман республики. Почти через год, 30 августа 1990 г., в Нальчике состоялся первый съезд ДУМ КБР, на котором был избран председатель ДУМ М. Геккиев.

В начале 90-х годов в КБР происходили бурные этнополитические события, грозившие расколом республики по этническому признаку. После принятия в апреле 1991 г. ВС РСФСР Закона «О репрессированных народах» в КБР актуализировались проблемы реабилитации балкарского народа. В мае 1991 г. на четвертой сессии Верховного Совета КБ ССР было принято постановление о Законе РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». Однако конкретных действий, направленных на реабилитацию балкарцев, власти республики не предпринимали, всячески затягивая решение наиболее важных вопросов, особенно вопрос о восстановлении административно-территориального деления, на момент выселения балкарцев в 1944 г. в республике было четыре балкарских района. В августе 1991 г. правительственные структуры КБР испытали серьезный кризис, когда под давлением митинга и голодовок, организованных национальными движениями, политическими партиями, Председатель Верховного Совета и Председатель Совета Министров ушли в отставку. ДУМ КБР участия в антипра-

вительственных митингах не принимало и в политической жизни республики фактически не участвовало. Главной задачей ДУМ КБР 1990–1991 гг. было не допустить раскола ДУМ по этническому признаку, что и удалось сделать.

Главной задачей Духовного управления мусульман КБР с момента его возникновения стало организационное укрепление самого муфтиата при поддержке властей республики, а также содействие властям и лично Президенту КБР В. Кокову. Председатель ДУМ КБР Ш. Пшихачев занимал пропрезидентскую позицию во всех вопросах общественно-политической жизни КБР, а в своей деятельности избрал линию тесного сотрудничества с органами власти республики. Одним из главных приоритетов ДУМ КБР в начале 90-х годов стало религиозное просвещение населения. В республике стали создаваться начальные исламские школы. Уже в 1991 г. в КБР было открыто первое медресе, которое возглавил Ш. Балаг, репатриант адыгского происхождения из Сирии. В 1993 г. медресе было преобразовано в Институт арабского языка, во главе которого стал египтянин Т. Камиль. В 1993–1995 гг. различные исламские организации оказывали институту финансовую помощь, однако впоследствии эти пожертвования сократились до минимума. Из-за финансовых проблем (в частности, отсутствия помещения) в 1995–1996 гг. институт не смог осуществить очередной набор студентов и прекратил свое существование.

В настоящее время в КБР отношение к деятельности этого института неоднозначное, есть мнение, что он сыграл определенную роль в распространении среди части верующей молодежи идей радикального ислама. В 1996 г. ДУМ КБР выступил с идеей создания Исламского института. Финансовую поддержку для его открытия оказало Министерство по делам религии Турции. Исламский институт сразу же стал одним из востребованных учебных заведений республики. В первые годы конкурс в институт был на уровне самых престижных факультетов Кабардино-Балкарского государственного университета. В Исламский институт могли поступить юноши и девушки от 16 до 25 лет, получившие среднее образование, имевшие рекомендацию раис-имама с места жительства абитуриента. Обучение в институте было бесплатным. В Исламском институте студентам преподавались как богословские, так и светские предметы. В их числе арабский язык (1200 час.), вероубеждение (64 час.), сравнительное богословие (192 час.), тафсир (толкование Корана 704 час.), сира (история ислама, в основном жизнеописание Пророка Мухаммеда), фикх (мусульман-

ское право в широком смысле – 576 час.), усул ал фикх (основы теории и методологии юриспруденции – 128 час.), хадисы (64 час.), шариатский суд, основы арабской философии, психология и педагогика, история КБР. Преподавание велось на русском и арабском языках.

Выпускники Исламского института становятся богословами и преподавателями арабского языка. Женщинам была уготована роль преподавательниц арабского языка или основ ислама в детских садах или школах. Они же являются наиболее предпочтительными кандидатами в супруги служителей исламского культа и наиболее верующих мусульман. На самом деле только единицы из числа выпускников Исламского института находят работу по специальности. ДУМ КБР не привлекает их на работу, так как не может обеспечить зарплатой (большая часть имамов республики люди старших возрастных групп, получающие государственную пенсию по старости, что смягчает их финансовые проблемы). У молодых имамов нет такой возможности, им приходится существовать на пожертвования мусульман.

В 2007 г. Исламский институт при ДУМ был преобразован в Северо-Кавказский университет им. имама Абу Ханифы. Сейчас в России шесть таких университетов: в Москве, Казани, Уфе, Махачкале, Нижнем Новгороде и Нальчике. Все остальные исламские учебные заведения являются филиалами данных университетов. Каждый исламский университет в свою очередь прикреплен к светскому учебному заведению, что должно способствовать улучшению качества образования.

В 90-е годы со стороны арабских стран оказывалась серьезная поддержка развитию ислама в республике (в том числе финансовую поддержку получал Исламский институт). Более сотни студентов из КБР прошли обучение в Саудовской Аравии, Египте, Сирии, Иордании и Турции. Поддержку мусульманским общинам в 90-е годы оказывали и благотворительные арабские организации, аккредитованные в республике, такие как Международная организация «Спасение» (Саудовская Аравия), Всемирная ассамблея исламской молодежи «Ан-Надва» и др. При содействии Саудовской Аравии в Нальчике были созданы Центр исламской молодежи и отделение известной своим радикализмом Международной организации по спасению ислама «Да'уат». Сегодня прежнего интереса к получению духовного образования, который наблюдался в начале 90-х годов, уже нет. Это явление характерно в целом для мусульман всей России.

По мнению исламоведа А. Малашенко, волна интереса к изучению ислама, рост которого пришелся на 1991–1993 гг., сегодня несколько спала. Об этом свидетельствует хотя бы практическое отсутствие конкурса в большинство исламских вузов, падение активности разного рода кружков и центров по изучению ислама. Большинство юношей и девушек республики тяготеют к светскому образованию и стремятся учиться в государственных вузах, а при невозможности этого поступают в вузы, колледжи и филиалы разных государственных и негосударственных вузов, которых в республике насчитывается несколько десятков. Сотни девушек и юношей из республики учатся в вузах других городов. Введение системы Единого государственного экзамена (ЕГЭ) увеличило возможности выпускников из КБР получить образование в ведущих вузах. Даже многие выпускники Исламского института продолжают свое образование в светских вузах. Для усиления привлекательности института с 2008/09 учебного года началась подготовка, наряду с религиозными, и по светским специальностям: «Экономика», «Юриспруденция», «Лингвистика».

Другим направлением деятельности ДУМ в начале 90-х годов было усиление внешних связей с муфтиятами соседних республик и другими исламскими организациями. Руководству ДУМ КБР удалось наладить связи с лидерами Ингушского, Черкесского и Владикавказского муфтиятов. В апреле 1994 г. ДУМ КБР вошло в состав ВКЦ ДУМР (Высший координационный центр ДУМ России). С возникновением Высшего религиозного совета народов Кавказа в Баку во главе с шейх-уль-исламом А. Паша-заде ДУМ КБР вошло и в его состав. В октябре 2006 г. с участием духовных управлений СК был создан Верховный совет мусульман Кавказа (ВСМК) во главе с председателем Управления мусульман Кавказа, сопредседателем Межрелигиозного совета СНГ шейх-уль-исламом А. Паша-заде. ДУМ КБР является одним из учредителей ВСМК. Участие в этих организациях помогает ДУМ КБР выйти на международную арену.

В настоящее время все мусульманские общины подчинены ДУМ. Однако ситуация далека от идеальной – несогласные с муфтием работники покидают стены ДУМ. Главная причина увольнения сотрудников – это несогласие с методами работы самого муфтия, который не смог организовать работу в соответствии со стоящими перед ДУМ задачами (за последние годы так и не выработана развернутая программа деятельности ДУМ, нет коллегиальности в работе, нет планомерной работы с богословами по важ-

ным теологическим вопросам). По мнению одного из священнослужителей, «ДУМ КБР пребывает в сонном состоянии, а муфтий предпринимает все возможные меры для его перевода в летаргический сон». ДУМ не удалось сохранить доверительные отношения с властями республики, какие демонстрировались в 90-е – начале 2000-х годов.

Начиная с 1992 г. мусульмане республики получили возможность слушать по радио проповеди священнослужителей, задавать вопросы, касающиеся религиозных проблем. Вещание ведется на двух языках: кабардинском и балкарском. Вначале это были эпизодические беседы журналистов радио с духовными деятелями на различные темы. С 1995 г. передачи на исламскую тематику стали регулярными. Радио КБР оперативно реагировало на потребности ДУМ в информационной поддержке, касающиеся разных сторон деятельности исламских организаций. В их числе бесплатные объявления о хадже (времени, условиях, необходимых документах для поездки), о мусульманских праздниках: Курбан-байрам и Ураза-байрам. Радио популяризировало среди населения Исламский институт, сообщая о его работе, времени и условиях приема новой группы студентов, рассказывало о преподавателях, освещало репортажи с ежегодного выпускного мероприятия вуза. К сожалению, в настоящее время на радио не обсуждаются острые вопросы мусульманских общин, проблемы исламского экстремизма. Причина такого положения дел кроется в позиции самого ДУМ, не желающего поднимать сложные вопросы. В мусульманской умме республики не видно ярких, харизматичных лидеров, нет пока и богословов, способных дать теоретическое осмысление происходящих в обществе и в мусульманской общине процессов.

В последние годы прекратилось сотрудничество ДУМ с телевидением республики, которое было не менее активным, чем с радио. Дважды в месяц проходили передачи об исламе (на балкарском и кабардинском языках): в форме интервью с лидерами ДУМ на актуальные религиозные темы или круглых столов, на которые приглашались священнослужители, представители научной и творческой интеллигенции. Сейчас же в эфире государственной телерадиокомпании «Кабардино-Балкария» нет ни одной передачи, посвященной религиозным вопросам, в ответ на обращения верующих руководство компании ссылается на инертность ДУМ. Освещение религиозной жизни республики в той или иной мере ведет телекомпания «Нотр-Нальчик». У ДУМ КБР нет постоянно печатного издания, что обусловлено в первую очередь финансо-

выми проблемами. Газета на кабардинском языке «Гуазэ», посвященная вопросам ислама, выходит нерегулярно и не удовлетворяет потребностей мусульман республики.

Роль и авторитет ДУМ определяются также тем, какие люди стоят во главе религиозных общин, как они выполняют возложенные на них обязанности имамов. На конференции «Ислам и национальная культура», проходившей в мае 2008 г. в Нальчике, Ш. Пшихачев в своем выступлении призвал изжить дух иждивенчества и активно включиться в процесс формирования гражданского общества с учетом реалий. «Нельзя жить как раньше, отмалчиваться и быть сторонними наблюдателями. Добро должно быть активным. Религиозным работникам необходимо выработать стиль общения с современным обществом – обществом XXI в., в особенности с молодым поколением... Вместе с религиозным образованием имаму нужно обладать организационными способностями, чтобы подавляющее большинство единоверцев не оставались вне мечети и составляли социально активную часть общества». В исламе многое зависит от конкретного человека, ставшего во главе конкретной общины. От его человеческих качеств, ума, нравственности, богобоязненности, уровня общей эрудиции, богословского образования зависят отношение к нему общины, личный авторитет имама. Не все из нынешних имамов КБР могут носить это высокое звание. «Назначенцы» ДУМ, выбираемые по принципу лояльности к руководству, а не по своим личным качествам и уровню образованности, не могут в реальной жизни справляться с возрастающими проблемами внутри мусульманской общины, с теми вопросами, с которыми к ним обращаются прихожане.

В КБР из 150 мусульманских священнослужителей лишь 10% имеют высшее религиозное образование. Большинство имамов республики относятся к старшему и среднему поколению мусульман, получивших религиозное образование самостоятельно. Некоторые совершенно не владеют арабской грамотой и не могут читать Коран. В условиях доступности литературы на исламскую тематику (в том числе и текстов Корана) на русском, а также на кабардинском и балкарском языках незнание арабского языка не является препятствием для исполнения обязанностей муфтия. Гораздо важнее его личные качества. В каждом населенном пункте имам выполняет ряд важных социальных функций. Сегодня они являются носителями и передатчиками системы исламских моральных ценностей; организаторами духовной жизни мусульманских общин. Непосредственные каналы влияния духовных ли-

дерев: организация и участие в ритуалах, которые являются основной организующей силой личной, общественной, во многом политической жизни мусульманского общества; сохраняющая и укрепляющая свое влияние в семейно-брачной сфере система мусульманского права. Имамы определяют круг лиц, которым оказываются поддержка и помощь со стороны общины (в том числе экономическая). Они также являются организаторами благотворительности (оказание коллективной помощи в случае стихийных бедствий или иных катастроф). В 2000 г., когда на Тырныауз в Кабардино-Балкарии сошел сель, а также в дни трагических событий в Беслане имамы ряда населенных пунктов, не дожидаясь команды «сверху», организовали сбор продуктов питания и пожертвования для пострадавших.

На волне всеобщего интереса к религии как результат миссионерской деятельности некоторых зарубежных исламских организаций в последние годы в России появилось молодежное движение, близкое по религиозным установкам к ваххабизму. Есть мнение, что термин «ваххабиты» применительно к ним некорректен, потому что они сами себя так не называют. А. Ярлыкапов отмечает, что в XIX–XX вв. значение термина «ваххабизм» расширилось, став обозначением всех фундаменталистских и радикальных течений в суннизме. Ярлыкапов выявил, что в основе ваххабитского учения имеется ряд положений, которые могут привести и приводят его последователей к экстремистским проявлениям. Некоторые из них переходят эту грань и пытаются обосновать свою позицию. Основу вероучения экстремистов составляет требование всестороннего проведения в жизнь принципа *тавхида* (единобожия). Это требование восходит к буквальному пониманию данного принципа с весьма жесткими ограничениями. Основным признаком исламского экстремизма заключается в том, что «его адепты провозглашают *такфир* (объявление неверным) в отношении мусульман – либо в своей стране, либо в каком-то ином регионе. В этом случае экстремисты, присваивающие себе право выступать от имени ислама, опираются на одно из положений шариата, который исключительно сурово относится к вероотступникам – более сурово, чем к тем, кто не был мусульманином».

Проникновение идей радикального ислама в КБР началось со второй половины 90-х годов. В 90-е годы в республике было заявлено, что идеи ваххабизма чужды народам КБР, ибо в России еще со времен принятия ислама Волжской Булгарией был распространен ислам суннитского толка, ханафитского мазхаба. Это

направление ислама отличается терпимостью, допускает широкое применение светского права как вспомогательного, но независимого источника закона, что позволяет упрощать деловые отношения, вступать в контакты с иноверцами.

«Ваххабизму» приписывался ряд совершенных в КБР во второй половине 90-х годов террористических актов, в их числе попытка взорвать в 1997 г. памятник, посвященный 400-летию присоединения Кабарды к России. Власти пытались активно противодействовать распространению ваххабизма, но противостояние ему со стороны официальных властей в тот период времени приняло не совсем адекватный характер, что усугубило ситуацию вместо ее разрешения.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов правоохранительные органы республики свидетельствовали, что в КБР наблюдается скрытое, латентное, проникновение ваххабизма, однако официальное духовенство ему не противодействовало. Ш. Пшихачев заявил, что уже в 1993 г. ваххабизм проник в КБР: «Тогда мы с распространителями объятиями принимали религиозных деятелей из Саудовской Аравии. Мы считали, это у нас не приживется. Кабардинцы и балкарцы не были фанатиками и радикалами. Хотя отклонения были и у нас... Сегодня некоторые молодые люди оказываются в военных лагерях в Чечне. Они говорят родителям, что ДУМ направило их учиться в КЧР, а на самом деле оказываются в Чечне». Тогда же выявилась еще одна проблема: проблема регулирования противоречий между отдельными общинами и ДУМ КБР. Ситуация с попыткой ДУМ в 2000 г. закрыть волноальскую мечеть, которую возглавляет имам-хатиб М. Мукожев, причисляемый к сторонникам и распространителям идей ваххабизма, показала всю неоднозначность ситуации. В одном из выступлений председателя ДУМ по местному радио утверждалось, что в КБР идет распространение воинствующего ваххабизма и есть люди, готовые взять в руки оружие и ввергнуть население республики в хаос и кровопролитие. После таких заявлений Ш. Пшихачева на его имя поступило открытое письмо от группы мусульман с требованиями доказать выдвигаемые обвинения и назвать имена распространителей ваххабизма с указанием анкетных данных. Муфтий выступил в печати с ответным письмом, в котором пояснил свою позицию по всем вопросам и высказал тревогу, что в республике имеются силы, добивающиеся свержения действующей власти.

Летом 2000 г. в результате внутренней борьбы и действий властных структур раскололось общественно-политическое дви-

жение «Адыгэ Хасэ», оппозиционно настроенное к официальной власти. Этот раскол закончился поражением оппозиционного руководства и сменой его лидера. После этого отчетливо наметилась тенденция, все эти годы шедшая подспудно: оппозиционные силы стали группироваться вокруг исламской идеи.

В КБР к началу 2000 г. существовало 140 исламских общин в 96 населенных пунктах. Пожилые, малограмотные муллы (приверженцы традиционного ислама) не всегда могли противостоять вытесняющим их молодым, более энергичным и подкованным в идейно-религиозном смысле людям, зачастую получившим образование в учебных заведениях стран, где ислам занимает крепкие позиции в структурах государственной власти и структурах общества. В последующем процесс вытеснения стариков молодыми священнослужителями, получившими образование, к примеру, в Саудовской Аравии, выпал из поля зрения и государства, и официального духовенства, в первую очередь ДУМ КБР. Председатель Духовного управления КБР Ш. Пшихачев главную причину проблем в религиозной исламской сфере связывал с отсутствием грамотных священнослужителей. Однако к 1997–1998 гг. в КБР в официальной среде утвердилось мнение, что обучение молодежи за рубежом не дает желаемых результатов. «Более того, оно способствовало проникновению в республику идей ваххабизма».

В 2004 г. Управление Минюста РФ по КБР для недопущения насаждения религиозных экстремистских воззрений в обществе подвергла тщательной проверке все исламские религиозные организации КБР. Деятельность 14 религиозных организаций в судебном порядке была прекращена. Представители правоохранительных органов в тот период заявляли, что в республике около 200–250 человек являются приверженцами радикальных форм ислама. В 2003–2004 гг. часть верующей молодежи КБР во главе с имамом одной из мечетей Нальчика выдвинула в адрес ДУМ обвинения в неспособности отстаивать интересы верующих. В те же годы ДУМ КБР предприняло меры по упорядочению и унификации похоронных обрядов и объявило решение назначать раис-имамов (ранее он выбирался верующими). Эти действия ДУМ были направлены против набирающих силу молодых мусульманских авторитетов. Упразднение выборности расценивалось как средство укрепления вертикали религиозной власти в республике. Однако в целом ДУМ КБР так и не удалось наладить диалог с молодыми мусульманами.

Наиболее серьезные события, связанные с исламским экстремизмом, случились в 2005 г., когда в республике произошло

вооруженное нападение на органы правопорядка. Относительно зачинщиков нападения до сих пор нет единой версии. Российские исламоведы А. Малашенко, А. Ярлыкапов и др., хорошо знающие ситуацию на Юге России, высказывали мнения, что события развивались после того, как 4 ноября 2005 г. пропал директор Института исламских исследований Р. Нахушев. Незадолго до этого на него было заведено уголовное дело по ст. 33 и 205 (УПК) – соучастие в террористической деятельности. Поводом стали материалы, собранные сотрудниками ФСБ. По версии правоохранительных органов, Р. Нахушев скрывается из-за уголовного преследования, но, по мнению ряда СМИ и его родственников, к его исчезновению причастны правоохранительные органы. Террористы в то время не выдвигали никаких требований, не захватывали крупных объектов. Версий случившегося очень много: борьба кланов, международный исламский терроризм, выступление молодежи против «милицейского произвола», безработица, бедность и т.д. По мнению одного из местных экспертов-исследователей, «эти события продемонстрировали нечто более серьезное – разрастание в нашем регионе интересов сетевых структур, а также умелую канализацию социального напряжения под различными прикрытиями. В данном случае прикрытием стали религиозные мотивы – притеснения верующих». События 13-14 октября 2005 г., как отмечает А. Малашенко, исследующий вопросы формирования и развития ислама на Юге России, стали «прививкой от тотального гражданского конфликта... И власть, и общество теперь вновь этого не допустят. Кто-то пойдет на уступки, кто-то станет осторожнее, терпимее...».

В условиях жесточайшего экономического кризиса, безработицы и люмпенизации населения ислам, причем именно в радикальных своих формах, может выступать как безальтернативная консолидирующая идеология значительной части населения, особенно молодежи. Главную опасность представляет не ислам сам по себе, а его политизация и структуризация, которая может быть управляема извне определенными силами, заинтересованными в деструктивных процессах на Северном Кавказе. Ясно, что недостаточный уровень религиозной культуры позволяет определенным силам использовать часть верующих в политических целях. К сожалению, многие (если не большинство) из граждан, вернувшихся в лоно ислама, не отдают себе отчета в том, что истинная вера аполитична изначально и не может являться инструментом решения мирских, тем более политических задач. Нет сомнения в том, что

политизация ислама инициируется и извне определенными силами.

Подводя некоторые итоги, с большой долей вероятности можно утверждать, что тенденции политизации религии, постепенной трансформации основополагающих канонов ислама инициируются факторами как внутреннего, так и внешнего порядка. Главную опасность в этом смысле представляет то, что распространение получает не только ислам, но и его суррогатные модификации, с четко обозначенным аспектом на пренебрежение светскими юридическими нормами общежития. Одновременно с этим религиозные чувства людей – материя, столь тонкая и чувствительная, что любое неадекватное вмешательство в жизнь верующих или неверное толкование их религиозных воззрений может вызвать отторжение и недоверие к властным структурам (будь то государственные органы или же официальное религиозное духовенство). Сегодня в КБР уже имеются факты, подтверждающие это. Специалисты, властные органы, представители религиозных организаций республики полагают, что количество сторонников радикального ислама и после событий 2005 г. существенно не сократилось. Правоохранительные органы заявляют, что идет «омоложение» сторонников радикального ислама – в него активно вовлекаются школьники и лица славянской национальности.

КБР, как и Северный Кавказ в целом, выступает регионом, где активно происходят процессы «деатеизации» общества, оптимизации отношений между государством и религиозными организациями. А основным «фактором северокавказского социокультурного бытия», как справедливо отмечает исламовед А. Малашенко, «постепенно становился межконфессиональный диалог, который если не предотвращал конфликты, то, во всяком случае, снижал степень их агрессивности». Ислам за весьма короткий срок – менее двух десятков лет – проник в разные сферы общественно-бытовой жизни кабардинцев и балкарцев. В этнокультурном аспекте в КБР произошла актуализация исламских ценностей как духовного порядка (исламская мифология и история), так и ментально-поведенческого. Для все большей части населения региона следование бытовым традициям ислама, особенно в обрядовой сфере, становится обыденным явлением. На уровне коллективного бессознательного этот факт играет роль индикатора этнокультурной индивидуальности этнической группы, ее особенности и отличительности от других групп в этническом и конфессиональном многообразии современного российского общества.

Вместе с тем возрожденческие процессы в исламе не дали заметного прогресса в нравственной, духовной жизни мусульман. Проблема религиозно-политического экстремизма, октябрьские события 2005 г. сказались и на отношениях: возрос уровень исламофобии, наметились попытки отчуждения исламского компонента этнической культуры кабардинцев и балкарцев.

*«Ислам в Кабардино-Балкарской Республике»,
М., 2009 г., с. 75–120.*

А. Алиев,

доктор философских наук (г. Махачкала)

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Северный Кавказ – это один из самых многонациональных и многоконфессиональных регионов России, регион контакта многих этносов и культур. Еще более многонациональным он стал после образования Южного федерального округа.

Ныне территория округа занимает 3,5% территории России и составляет 589,2 тыс. кв. км, численность населения – более 21,5 млн. человек (14,3% населения РФ). В состав Южного федерального округа входят восемь республик, два края и три области. Это один из самых полиэтничных и многоконфессиональных регионов мира. Здесь проживают представители более 100 народов, принадлежащих к различным языковым группам и исповедующих все мировые религии. Северный Кавказ – один из наиболее густонаселенных регионов страны (50 человек на кв. км). Это единственный регион, где население в последнее десятилетие не уменьшилось, а возросло. Регион имеет для России не только геополитическое и геостратегическое, но и важнейшее экономическое значение. Округ занимает одно из ведущих мест в РФ по культурно-образовательному и научному потенциалу.

В то же время Северный Кавказ – самый сложный регион РФ с точки зрения социально-экономического развития, осуществления государственного управления, а также обеспечения национальной безопасности. Северный Кавказ – уникальный регион России, основной европейский геополитический «перекресток», где издавна сталкивались и поныне сталкиваются интересы многих стран Запада и Востока. Особое положение Северного Кавказа заключается в том, что здесь имеются богатые природные ресур-

сы, тесные связи региона со странами ближнего и дальнего зарубежья на границах России.

Северный Кавказ отличается высокой степенью этнокультурного, этнического, этноконфессионального многообразия. Здесь живут представители таких мировых религий, как ислам, христианство (православное) и иудаизм. Исторически Северный Кавказ всегда был «мостом» между Европой и Азией, контактной зоной исламской и христианской цивилизаций, и в то же время объектом столкновений интересов великих держав. И сегодня он является жизненно важным для России средоточием сухопутных, морских, воздушных коммуникаций. Эти геополитические, цивилизационные, транспортно-коммуникационные факторы могут стать мощным стимулом достижения межнационального, межконфессионального и внутррелигиозного согласия в регионе. Они являются также факторами стабильности в межгосударственных отношениях с республиками Южного Кавказа – Азербайджаном, Арменией и Грузией.

На протяжении около двух столетий Кавказ в основном находился под геополитическим контролем России. Принимая во внимание исключительно стратегическую значимость, она прикладывала огромные усилия по удержанию его в сфере своего влияния. С распадом Советского Союза на Кавказе образовался так называемый «геополитический вакуум», который способствовал развитию дезинтеграционных тенденций, направленных на ослабление геополитической роли России в регионе. Причем, данные тенденции характерны как для Южного Кавказа, где они более отчетливо выражены, так и, отчасти, для Северного Кавказа.

Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе на рубеже веков характеризуется наличием вооруженных конфликтов, ростом преступности, попытками реализации различных форм сепаратизма, выхода субъектов из состава РФ, стремлением к внутренней федерализации республик по национальному признаку, тенденциями создания общекавказского политического объединения и построения конфедеративного государства кавказских народов и т.д.

Несмотря на укрепление федеральной власти, в регионе продолжают действовать различные конфликтогенные факторы:

– противостояние общественных движений адыго-абхазской и тюркоязычных групп народов (лидерами являются Международная черкесская ассоциация и межрегиональная общественная организация «Алан», объединяющая карачаевцев, балкарцев и осе-

тин, а также созданный 2 июля 2005 г. «Конгресс карачаевского народа»);

- конфликт осетинских и ингушских общественных движений;

- создание ваххабитских общин в республиках Северного Кавказа;

- радикализация отдельных («коренных») национальных движений и казачества по отношению к общественным объединениям мигрантов из республик Северного Кавказа.

Есть и еще один тип общественных объединений, отличающихся тем, что они не зарегистрированы в соответствии с законом. Это как этнические (националистические), так и религиозные (сектантские) сообщества. Отсутствие юридического статуса у националистической организации скинхедов или общины ваххабитов не означает, что их деятельность парализована. Кроме указанных выше, имеют место:

- конфликты репрессированных, депортированных и разделенных народов;

- конфликты, возникающие в ходе миграции;

- конфликты, возникающие в ходе проводимых в последние годы реформ;

- геополитические конфликты;

- конфликты международного терроризма.

Создание национально-государственных и национально-территориальных образований в 1920–1930-х годах, многочисленные их реорганизации привели к претензиям одних этнических групп к другим, часть из которых вылилась в затяжные этнотерриториальные противостояния, пик которых пришелся на конец 1980-х и 1990-е годы. Осетино-ингушский конфликт – первое в России вооруженное этнотерриториальное противостояние, в которое фактически были вовлечены официальные органы власти двух республик. Большая часть этих конфликтов к середине первого десятилетия XXI в. находится в скрытом или «замороженном» состоянии, вследствие чего сохраняются угрозы и риски стабильности как всего региона, так и его отдельных частей. Переход от «замороженного» состояния к удовлетворяющему требует значительного времени и усилия не только федерального центра, но и самих участников противостояния.

Количество терактов в ЮФО составляет 84% от общего по России. За последние полтора года в Южном федеральном округе задержаны 1736 лидеров и активных участников незаконных банд-

формирований и выявлен 61 факт создания организационных преступных группировок, что составляет одну пятую выявленных по России. Чеченская Республика – далеко не единственное место, где совершаются террористические акты и действует сетевая террористическая структура. Зоны интересов и ритмы террористической активности на Северном Кавказе расширяются, угрожая безопасности не только Чечни, но и Ингушетии, Дагестана, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Ставропольского края. В Дагестане только в первую половину сентября 2008 г. от рук террористов погибло десять сотрудников правоохранительных органов и 11 боевиков были убиты при оказании вооруженного сопротивления в момент задержания.

Проблемы федерализации республик

В июле 2008 г. в Екатеринбурге состоялся Международный съезд лезгинских народов. В принятых на съезде документах ставится вопрос о возрождении лезгинской государственности и создании суверенной Республики Лезгистан. Эти идеи прежде всего исходят от лезгинского национального движения «Садвал». Вопросы о федерализации Республики Дагестан и создании Кумыкской Республики ставит и кумыкское народное движение «Тенглик». Руководство этих движений практически встало на путь конфронтации с органами государственной власти республики, прибегая к неконституционным формам и методами борьбы.

Общественно-политическая организация «Бирлик» («Единство») также преследует цель объединения ногайского народа, разделенного между Ставропольским краем, Дагестаном, Астраханской областью, Карачаево-Черкесской и Чеченской республиками. В Уставе общества ногайского народа «Бирлик» сказано: «“Бирлик” ставит целью демократическими методами способствовать единению ногайского народа и созданию своего национального образования в составе РФ». Подобные проблемы ставились в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Таким образом, следует признать, что полиэтничность Северного Кавказа – это важнейший фактор политических процессов, с которыми необходимо считаться. Но не только считаться, а с помощью этнополитического мониторинга просчитывать перспективы и варианты дальнейшего развития, на федеральном и местном уровнях принимать продуманные законы и решения, которые будут способствовать деэтнизации политики и деполитизации эт-

ничности и религии как главного фактора предупреждения этнополитических конфликтов и стабилизации общественной жизни.

Религиозная ситуация

После распада СССР в регионе распалось Духовное управление мусульман (ДУМ), возникли самостоятельные ДУМ, часто образованные по этническому принципу, представители духовенства на первых порах устремились во власть, возникли религиозно-политические партии, проповедующие националистические и экстремистские лозунги. У определенной части национальной элиты региона возникли идеи особого исламского пути развития в Чечне, были предприняты попытки создания халифата Дагестана и Чечни, отдельные проповедники требуют создания новых институтов власти, иной социальной организации и иного вероисповедания. Для Российской Федерации это принципиальный вопрос. Пропаганда таких моделей несовместима как с действующими государственно-политическими институтами, так и институтами традиционного ислама.

Серьезной проблемой региона стали столкновения между мусульманами традиционного толка и так называемыми ваххабитами, представляющими реформистское направление в исламе, распространившееся на Северном Кавказе в 90-е годы XX в. Особой остроты внутриконфессиональный конфликт достиг в Дагестане. В 1995–1999 гг. это противостояние не раз выливалось в вооруженные столкновения на территории Буйнакского, Цумадинского, Хасавюртовского районов и города Махачкалы. События в Нальчике в октябре 2005 г. еще раз показали опасность религиозного экстремизма. В северокавказских республиках были приняты правовые нормативные акты в отношении ваххабизма. Ваххабизм находится под запретом в республиках Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. Ваххабиты Северного Кавказа, также как их предшественники на Аравийском полуострове, заняли непримиримую позицию в отношении всего, что они считают новшеством в исламе. Ваххабиты на Северном Кавказе, безусловно, несут определенный дестабилизирующий заряд в силу не только экстремистского характера своего учения, но также и в силу сложившейся в регионе в последние годы сложной экономической и политической ситуации. Массовый приток в ваххабитскую общину произошел в самых неблагополучных республиках Северного Кавказа – Чечне и Дагестане. Ваххабизм сегодня

представил удобную идеологическую платформу для целого ряда деструктивных сил, действующих на Северном Кавказе, начиная с чеченских сепаратистов и заканчивая откровенными террористами. В руках государства есть важнейшие рычаги, умелое использование которых могло бы позволить сузить социальную базу фундаментализма. В первую очередь, стимулирование экономического развития региона. Живущий в благополучии человек не пойдет на экстремизм. Если вернуть Северному Кавказу былое его благополучие, исторически присущие духовность и нравственность, то можно будет надеяться, что здесь наконец-то утвердятся долгожданные мир и спокойствие.

Внешняя угроза

Среди дестабилизирующих факторов Северного Кавказа на первое место следует поставить внешнюю угрозу. Северный Кавказ в силу своего геополитического значения является объектом геополитических устремлений разных, часто противостоящих друг другу сил. Нестабильность региона – удобный повод для вмешательства мировых держав на постсоветском пространстве и оттеснения России. Усилиями США и НАТО сегодня Украина и Грузия противопоставлены России. События в Южной Осетии показали, насколько опасна милитаризация Грузии и как легко может быть использована грубая сила против собственных граждан, граждан РФ. Российско-грузинские отношения в постсоветский период носят весьма напряженный характер. Грузинское руководство, неуклонно ориентируясь на США, Запад и НАТО, совершило вооруженный разбой в Южной Осетии. Только вмешательство нашей страны и достойный отпор, данный Россией до зубов вооруженным американским оружием войскам господина Саакашвили, спасло народ Южной Осетии от полного уничтожения.

Сегодня зоны насилия охватывают практически весь Юг России и сопредельные страны. Контртеррористические операции в Чечне, теракты в Дагестане, Ингушетии и масштабные нападения на правоохранительные органы в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, теракты в Беслане, Каспийске, Буйнакске, боестолкновения с незаконными военными формированиями в других регионах Северного Кавказа – крайние проявления системного кризиса, охватившего весь российский Юг. События в Южной Осетии, политика грузинского руководства, а также реакция западных стран, особенно США, свидетельствуют о том, что сегодня на Кавказе

вновь проверяется способность России быть мировой державой, отстаивать свои стратегические интересы, обеспечить стабильность и процветание на своей территории. Терять Северный Кавказ Россия не имеет права, ей не надо опасаться обвинений зарубежных центров, НАТО, США и их сателлитов.

Некоторые страны, исходя из своих геополитических интересов, окрашивают в разные цвета территории, расположенные все ближе и ближе к российским границам. Известный американский политолог С. Хантингтон утверждает, что Россия является «страной, предназначенной для разрыва. Это означает, что ей предопределено стать ареной самых жестоких конфликтов и противоречий, которые должны привести к расчленению в новые геополитические блоки».

Бывший премьер-министр Великобритании Мейджор так цинично определил судьбу России и ее субъектов: «Задача России... обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего 50–60 млн. человек». Еще жестче высказался кандидат в президенты США Джон Маккейн, призывая признать как самостоятельные государства Дагестан, Чечню, Ингушетию и др. республики Северного Кавказа.

В 2000 г. президент В.В. Путин начал административно-государственную реформу, основной задачей которой явилось усиление вертикали власти. Были созданы федеральные округа, введен институт полномочного представителя Президента РФ в округах. Круг задач, решаемых федеральными округами, был широк. На руководство ЮФО были возложены многие вопросы, в том числе надзор за проведением антитеррористических операций в республиках Северного Кавказа, участие в решении осетино-ингушского конфликта, пресечение антиконституционных действий отдельных региональных лидеров, борьба с такими особо опасными преступлениями, как теракты, похищение людей, политические убийства.

Государственная национальная политика, особенно в таком многонациональном и многоконфессиональном регионе страны, как Северный Кавказ, не может быть реализована без органа, координирующего этнополитические проблемы регионов и страны в целом. Отсутствие системного мониторинга этнополитической ситуации в субъектах РФ бумерангом отражается как на проблемах ликвидации межэтнических конфликтов, так и на создании атмосферы мира и согласия в регионе.

Такова в общих чертах общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе. Значительный вклад в разработку проблем социально-экономического развития народов Северного Кавказа и Дагестана, их национально-государственного устройства, национально-культурного развития вносит и Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского научного центра (РЦЭИ) РАН, созданный решением Верховного Совета Российской Федерации в июле 1992 г. Деятельность УРАН РЦЭИ определяется реалиями жизни и запросами региона. Именно в силу этих объективных условий жизни народов Северного Кавказа вся деятельность РЦЭИ со дня его основания сосредоточена на изучении и осмыслении сложной этнополитической ситуации региона и судеб народов, его населяющих. Однако малочисленность коллектива РЦЭИ и сокращения численности сотрудников, проводимые за последние годы, к сожалению, не позволяют в полном объеме проводить эти исследования.

Неурегулированность вооруженных конфликтов на российской территории и в Закавказье, сложные межэтнические отношения, трудности социально-экономического развития являются основой для эскалации кризисных ситуаций в северокавказских субъектах РФ. Радикальный национализм, политический и религиозный экстремизм, вооруженные конфликты на Северном Кавказе – реальная угроза безопасности России. К сожалению, российская стратегия в Северо-Кавказском регионе на протяжении всего постсоветского периода остается не адекватной ситуации, ее вызовам и тенденциям развития. Наблюдается «разрыв» между политической стратегией федерального центра и этногеополитической ситуацией на Северном Кавказе.

Анализ развития современного геополитического процесса на Кавказе показывает, что в настоящее время изменения происходят не только в природе этого процесса и в составе его участников, но и в самой его геополитической конфигурации.

С распадом биполярной системы мирового порядка, основанного на жестком соперничестве двух стран и двух идеологий, в качестве приоритетных начинают выступать в первую очередь экономические интересы, а также интересы стратегического порядка, реализуемые подчас не только экономическими, но и военными средствами. Несмотря на то что федеральная политика в Северо-Кавказском регионе строилась с учетом его уникальности, особенно геополитического положения и необходимости преодоления разрушительных последствий межнациональных конфлик-

тов, все же сказывалось отсутствие четкой и последовательной линии в решении этнополитических проблем республик Северного Кавказа.

Для России сегодня важно формирование совершенно новой политики на Северном Кавказе для решения проблем региона, профилактики экстремизма, терроризма, реализации важнейших экономических задач в области национально-культурного развития народов. Доверие и открытость, уважение и готовность понять друг друга должны стать нормой отношений между всеми народами. Богатейшая история и культура народов Северного Кавказа, уходящая корнями вглубь веков, – фундамент для этого. Недаром народная мудрость гласит: «Дерево может жить без ветвей и листья, но, потеряв корни, оно умирает». Помня опыт прошлого, надо думать о России сегодняшней, желая ей Славы и Величия.

*«Северный Кавказ в современной геополитике России»,
Махачкала, 2009 г., с. 11–23.*

Баатр Китинов,

кандидат исторических наук (РУДН)

РЕЛИГИЯ В ГЕОПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

В наши дни становится все более актуальным изучение влияния геополитических факторов на стабильность государств, на прогнозирование их развития, на процессы, которые в той или иной степени могут повлиять на их развитие. Несмотря на преобладание идеологического «фона», с 70-х годов прошлого века произошла актуализация географического фактора в геополитике разных государств мира, что было обусловлено социально-экономическими причинами. Важнейшим показателем влияния государства в регионе и мире, специфичным проявлением его геополитической культуры стала возможность контролировать идеолого-духовную среду иных стран, где религия играет важную роль.

Геополитика Каспийского региона определяется целым рядом факторов, соотносимых с его геостратегической важностью, нефтегазовыми ресурсами, возможностями их доставки к потребителям, а также соседством и близостью с КНР, Россией, Ираном, с обширным Каспийско-Черноморским регионом и Персидским заливом. В европейской и американской политической науке все бо-

лее явственно выделяется мысль, согласно которой религия может оказать позитивное воздействие на политическую жизнь. О том, что религиозное мышление все еще играет важную роль и даже все чаще соревнуется с научным мышлением, насколько религия может быть актуальна в будущем, рассуждает в своей книге Ю. Хабермас. В западной цивилизации религия давно стала политическим инструментом. Как отмечал А.Дж. Тойнби, «чудовищное рождение современной западной секулярной цивилизации... стало возможным... через ренессанс эллинского института “абсолютного” государства, когда религия стала одним из ведомств политики». Для политиков возрождение роли религии – это новые безграничные возможности влияния на электорат. «Сегодня мышление вновь восстанавливает в своих правах религиозную форму знания и метафизику, так что постмодерновое мышление, оставляя позади отстаиваемую Контом и позитивизмом последовательность эпох, по-видимому, возвращается к мифу». В книге бывшего Госсекретаря США Мадлен Олбрайт «Религия и мировая политика» дается глубокий анализ той роли, которую играет религия в политике и международных делах. Она, анализируя влияние религии на поступки политиков и рядовых граждан, а также восприятие в мире действий Соединенных Штатов, приходит к выводу, что религия и политика – неразделимы. В издании «Ограничения культуры: Ислам и внешняя политика», вышедшем под редакцией Бренды Шафер, бывшего директора Каспийских программ Гарвардского университета, а ныне лектора университета Хайфы, специалиста по Кавказу, Центральной Азии, Ирану и энергетическим аспектам региона, утверждается, что культура, а именно: религия, и в частности ислам, играет большую роль в проведении государствами Каспийского региона своей внешней политики. На слушаниях в Комитете по международным отношениям Палаты представителей США в октябре 2001 г., кроме прочего, подчеркивался прагматичный религиозный аспект американского интереса к Каспию: «Политические дискуссии, связанные с Кавказом и Каспийским регионом, как правило, сосредоточены на нефтяных и газовых ресурсах региона и связанных с ними вопросах нефтепровода, а также на вопросе о вкладе, который регион может внести для энергетической безопасности. Тем не менее важность Каспийского региона для США выходит далеко за рамки энергетики; обширные и позитивные связи с государствами региона, большинство из которых населены мусульманами, могут вносить свой вклад в построение важных связей в мусульманском мире и содей-

ствовать развитию в нем американоориентированных режимов и открытых обществ».

В свое время Ф. Бродель писал о «длительном времени» ментальных и подобных структур, «медленных ритмах» политических процессов и «быстром времени» событий жизни индивидов. По его мнению, калейдоскоп событий может никак не отразиться на тенденциях «длительного времени», и наоборот, глубинные процессы не всегда имеют свои явные проявления. Начиная с конца позапрошлого века броделевская размеренность, «длинное время» религиозной жизни начало постепенно разрушаться, видоизменяться в свою очередную стадию развития. Вероятно, существует некая цивилизационная парадигма в сущностном содержании религии, подчеркивающая самобытность и неоченимый значимый потенциал для ее будущего развития. Последнее, надо полагать, является едва ли не главным показателем жизнеспособности религии, в отдельных обществах и системах являющейся основой данной цивилизации.

Как известно, на протяжении XIX–XX вв. взаимодействие цивилизаций в Каспийском регионе шло под влиянием и под знаком западной цивилизации. Во многом именно западные способы «общественного прогресса» привели к таким уникальным историко-политическим явлениям, как младотуркизм в Турции и прозападные реформы в Иране (даже кратковременное существование Гилянской советской социалистической республики следует рассматривать в этом же ракурсе). Местами неразумная, иногда непродуманная религиозная политика России и Англии в их противостоянии и продвижении в Центральной Азии в XIX в. привела к существенной радикализации общественных масс и настроений на этих территориях.

Согласно М. Веберу, экономическая, политическая и т.п. специфика общества связана с бытующей в нем религиозной догматикой. Религия постулирует отношения человека к обществу и миру, к государству и т.д. Она оказывает огромное влияние на культуру (в том числе политическую) прикаспийских государств; здесь ислам занимает особое место. Типологически ислам обычно подразделяется на фундаментализм, традиционализм и модернизм. На Каспии представлены в основном первые два направления: традиционализм – в Казахстане, Азербайджане, Туркменистане; фундаментализм – в Иране, в известной мере – в Дагестане. Модернизм, имеющий в основном турецкое происхождение, в значительной степени распространен повсеместно, за исключением

разве что Ирана. Вплоть до недавнего времени Каспий осознавался как регион, где по-прежнему господствуют анахронизмы деспотичной Азии, где только сила и деньги имеют реальную власть, а современная западная цивилизация бессильна пробить средневековый исламский занавес. Иран и Афганистан в течение последних двух десятилетий прошедшего века предстали для Запада олицетворением самого махрового застоя, который только способна породить исламская цивилизация. Западными аналитиками утверждалась идея не только реакционности, но и террористической сущности подобных режимов. Таким образом, в наше время этот регион воскрешался на новом витке борьбы за влияние в мире и в конкретном регионе в своем самом кровавом, демоническом облике. Очень кстати пришлось феномен Талибана, «государственный терроризм» Ирака, боевые действия Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в азиатских странах СНГ, деятельность среднеазиатского отделения ближневосточной умеренно-радикальной партии «Хизб ут-Тахрир» и ядерный арсенал Тегерана. Попытки же России утвердить свое прежнее положение в Каспийском регионе рассматриваются, в частности, как потворствующие агрессивному теократическому режиму Ирана, стремление пресечь диверсификацию маршрутов поставок каспийского сырья на Запад, вновь утвердить свое «имперское» влияние в регионе и воспринимаются как направленные против США и его союзников.

Специфика современной ситуации заключается в том, что политики и геополитики, практики и ученые проектируют особые карты, где помечаются границы и зоны влияния не только экономических, административных, политических и иных процессов и явлений, но также религий и цивилизаций, с сознательным искажением существующей действительности. Как следствие, эти новоявленные фронтиры цивилизационно-религиозных ойкумен априори формируют некий виртуальный региональный цивилизационный мир, который предполагается материализовать. В ряде случаев эта вымышленная «ментальная карта», не совпадающая с имеющимися реалиями, приводит вначале к неясным, а затем и к реальным потерям для «забытой», или «потесненной», локальной цивилизации, вплоть до ее полного исчезновения. Подобная деятельность, по крайней мере, может быть тем «полезна» для акторов, что позволяет исподволь формировать необходимую степень податливости местного населения, его готовность к грядущим переменам, хотя их и можно было бы избежать или преодолеть. Примером подобного рода виртуально-реальной географии, вер-

нее, образной геополитики, может служить карта вероятного в будущем так называемого Большого Ближнего Востока. Прикладной характер этого материала очевиден – происходит моделирование особых геопропространственных символов, понятий, которые нацелены на кардинальное изменение границ этой огромной территории, куда Р. Петерс включает и Каспийский регион. Таким образом, идея начинает доминировать над реальностью, псевдоцивилизация торопится занять место цивилизации.

Развитие современного мира и методов производства знания (для осознания текущих процессов и прогнозирования, либо для насаждения ложных взглядов) свидетельствует о том, что их геополитический контекст призван ограничить влияние религиозных, цивилизационных или даже собственно политических начал и парадигм. На текущем витке истории предпочтение отдается в крайнем случае комбинации этих парадигм, с тем чтобы они, преобразованные в псевдорелигии и псевдоцивилизации, в новые «культурные» паттерны, свое дальнейшее развитие (в виде обусловленных матриц политики, моделей экономики и т.п.) строили согласно уже разработанным алгоритмам.

В настоящее время США, европейские государства, Россия, так же как и ряд других ведущих стран мира, пересматривают свои приоритеты, задачи и др. В кратчайшие сроки изменилась геополитическая картина мира, и трансформации, кажется, еще далеки от завершения. Кроме традиционного бряцания оружием в Каспийском регионе создается особый идеологический фон, когда политики пытаются увязать воедино различные по сути и направленности потенциалы религии и социального (этнического) этоса. Религия, в частности ислам, оказывается в арсенале современной геополитики немаловажным инструментом, оружием, поскольку событийная перспектива обретает экзогенные характеристики, когда гомогенность локальной культурно-цивилизационной идентичности размывается под воздействием инокультурных, в том числе политических, паттернов. Ислам подвергается трансформационным процессам, он вполне может быть регионально заменен псевдоисламом – неким учением, выступающим от имени этой религии, что даст возможность любую политическую ситуацию в регионе интерпретировать как «столкновение религий» или «столкновение цивилизаций». Очевидно, что Россия против геополитических трансформаций и роли в них (псевдо)религиозного фактора. В настоящее время становится крайне актуальным изучение возможных последствий действия цивилизационных и псевдо-

цивилизационных факторов и процессов на региональную ситуацию и безопасность государств, причем следует уйти от узких границ, когда рассматриваются только исламский (псевдоисламский) и христианский (псевдохристианский) факторы. Каспийский регион характерен тем, что здесь до сих пор обладают влиянием такие религиозные системы, как буддизм, иудаизм, не говоря уже о различных ответвлениях указанных выше мировых религий.

*«Цивилизация и государство на Востоке»,
М., 2009 г., с. 118–124.*

Л. Мирзазаде,

кандидат экономических наук

(Бакинский государственный университет)

ЦЕЛИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Любое национальное государство представляет собой часть человеческого общества и не может развиваться вне связи с другими странами и народами. Еще с древних времен азербайджанцы легко интегрировались в культуры других народов. Благодаря удобному географическому расположению Азербайджана местные купцы налаживали торговые связи со странами Европы и Азии. В этом плане Азербайджан имеет долгую, богатую историю. Первые отношения с другими странами были основаны на взаимовыгодной торговле, т.е. экономических интересах. Затем пришло понимание того, что экономические связи способствуют укреплению дружественных отношений и международного авторитета.

Поскольку внешняя политика вторична по отношению к внутренней, свое формирование она начала позднее и в других общественных условиях. Однако и внутренняя, и внешняя политика решают одну задачу – обеспечение сохранения и упрочение существующей в государстве системы общественных отношений. Внешняя политика призвана регулировать отношения страны с другими странами. Она обеспечивает реализацию национальных потребностей и интересов на международной арене. Это общий курс государства в международных делах.

Соответственно, внешняя политика современного Азербайджана является продолжением его внутренней политики, ее распространения на отношения с другими государствами с помощью различных средств и методов. Как и внутренняя политика, она отражает государственный курс страны в соответствии с демократическими, основанными на идеологии «азербайджанства» принци-

пами и целями. Являясь стратегией государственной политики, «азербайджанство» тесно переплетается с современным идеологическим восприятием настоящего и будущего азербайджанского общества. Эта идеология наиболее подходящая для Азербайджана как страны с новой экономической системой, с формирующимся гражданским обществом и находящейся в еще неразрешенной проблеме Нагорного Карабаха. В такой ситуации «азербайджанство» представляется как основополагающая форма «национальной идеи», в основе которой лежит представление об Азербайджане как части цивилизованного евразийского сообщества, с присущими ей национальной самобытностью, традициями, идентичностью и ментальностью. Поэтому сущностное содержание «азербайджанства» – это органическое единение различных народов, культур, традиций, конфессий. Оно интегрирует в себя традиционные мифы и символы и использует их для защиты и обоснования новых феноменов в лице национального государства. Оно апеллирует к наличию сильной государственной власти и высокой национальной дисциплине.

В понимании идеи «азербайджанства» заложена идея единства на основе исторических, морально-нравственных, культурных ценностей с целью служения многим поколениям азербайджанцев, для которых независимость и национальная идентичность являются неотъемлемыми атрибутами их жизни и понимания свободы.

Целями внешней политики Азербайджана, как одно из направлений политической деятельности, являются суверенное развитие государства, его территориальное единение и обеспечение условий безопасного процветания народа. Достижение этих целей направлено на создание благоприятных условий для внутриполитического, экономического и социального развития страны. В соответствии с целями и условиями в политике внешних отношений заложена функциональная значимость, направленная на инициативные организаторские действия в поиске выгодных контактов и создание благоприятных внешнеполитических условий деятельности государства. Конкретизируя функции внешней политики Азербайджана, отметим, что первая связана с охраной прав и интересов населяющего страну народа и каждого ее гражданина за рубежом. Реализация этой функции направлена на предотвращение государственной угрозы, на поиск мирного политического разрешения возникающих спорных проблем. Еще не предан забвению горький опыт столкновения Азербайджана с угрозой его национальной независимости. В конце XX в. после восстановления

независимости, в период хаоса, внутренних беспорядков, разрушенного народного хозяйства и экономических связей Азербайджану была навязана война за Нагорный Карабах. Несмотря на то, что население республики всегда было многонациональным, а толерантное отношение к другим народам является генетическим кодом Азербайджана, что границы его претерпели территориальное сужение, в глазах мирового сообщества первоначально он был представлен как агрессор. Поэтому охранительная функция для Азербайджана имеет особо важное значение. Она находится в ведении государства, соответствующих органов и институтов, задача которых заключается в своевременном определении потенциальных источников угроз и недопущении нежелательного течения событий. В реализации охранительной функции способствуют посольства, консульства, представительства и культурные центры Азербайджана.

Вторая функция – информационно-представительская. Она находит свое выражение в деятельности соответствующих органов по созданию положительного имиджа государства в мировом сообществе. Эти органы информируют правительство о намерениях иных правительств, обеспечивают контакты Азербайджанского государства с другими странами, проводят анализ полистратегической обстановки по конкретным вопросам. Представительская функция реализуется посредством влияния на общественное мнение и политические круги тех или иных стран, чтобы сформировать благоприятные условия для решения внешнеполитических задач. Успешное осуществление данной функции уменьшает возможности ошибочных решений во внешней политике, смягчает негативные последствия дисфункциональных факторов.

Информационно-представительская функция реализуется в рамках культурных и научных обменов, деятельности центров культуры иностранных государств и т.п. Многое зависит от сплоченности и активности азербайджанской диаспоры. Несмотря на то что первые представления о понятии «диаспоры» в Азербайджане начали формироваться относительно недавно, следует отметить, что процесс расселения азербайджанцев в различных странах (по объективным причинам) имел место еще несколько веков назад. Тогда проживание азербайджанцев за границей представляло для них сложность с моральной точки зрения, ибо они довольно сильно были привязаны к родной земле. Не случайно в азербайджанской устной народной литературе важное место занимает тема «Родина – чужбина». Этот моральный фактор подтверждает

факт достаточно давней истории проводимой эмиграционной политики. Однако вначале азербайджанские эмигранты не были организованы в диаспоры. Первым шагом в деле организации азербайджанской диаспоры в мире послужила организация (1 февраля, 1949 г.) «Кружка азербайджанской культуры» в турецком городе Анкара. Затем, уже в 1956 г., сын Нагибея Шейхзаманлы, занимавшего в период существования Азербайджанской Демократической Республики должность министра национальной безопасности, Салехбей Шейхзаманлы, учредил в Соединенных Штатах Америки «Азербайджанское общество Америки». В настоящее время данное общество возглавляет внучка Салехбея Шейхзаманлы, Томрис Азери.

Приведенные события дают основания полагать, что организационный этап в истории азербайджанской диаспоры начался именно в середине прошлого века. Каких-либо фактов, указывающих на создание общин, объединяющих наших соотечественников до этого периода, не обнаружено. Период после Второй мировой войны ознаменовался новым этапом в истории азербайджанской диаспоры. Во время войны и после установления мира численность наших соотечественников, проживающих за рубежом, значительно возросла. Это были азербайджанцы, попавшие в плен в ходе военных операций и поселившиеся после окончания войны в силу разных причин в различных европейских странах. Карательные механизмы советского режима заставили отказаться от мысли о возвращении назад, вызвав тем самым рост численности азербайджанцев, проживающих за рубежом. Следует отметить, что в течение десяти последних лет число эмигрировавших из Ирана, где издревле проживают около 30 млн. азербайджанцев, во много раз превысило число уехавших из Азербайджанской Республики. Вообще, несмотря на то, что жесткий пограничный режим, установленный Советским правительством спустя несколько лет после Второй мировой войны, в целом предотвратил эмиграционный поток за рубеж из СССР, диссидентское движение по сравнению с предшествующими годами приобрело более массовый характер. Естественно, Азербайджан, будучи советской республикой, также столкнулся с подобной угрозой. Однако в период расширения диссидентского движения, свободомыслия в СССР в 1969 г. к руководству Азербайджаном приступил Гейдар Алиев. Он заложил основы нового этапа в формировании общественного, национального самосознания в жизни республики.

Национальное возрождение, начавшееся с начала 70-х годов XX в., послужило толчком для развития экономики, культуры, науки, оздоровления духовной среды и в целом национального самосознания. В 70–80-е годы Гейдар Алиев стремился сохранить историческую память народа, обеспечить прогрессивное развитие нашей культуры и признание Азербайджана во всем мире. Несмотря на то что политические реалии того времени не позволяли открыто и системно заниматься проблемой диаспоры в контексте национальной идеологии, проводилась серьезная работа в области культуры, искусства, науки, пропагандировались достижения нашей республики, использовались все имеющиеся возможности для установления связей между азербайджанцами мира с родиной. Укрепление культурных связей с зарубежными странами, переводческая деятельность, создание совместно с соотечественниками, проживающими за рубежом, Азербайджанского общества культурных связей (Общество «Ветен») были такими важнейшими шагами, служащими единению наших соотечественников и их связям с родиной. Главное же заключается в том, что всестороннее развитие Азербайджана, зарождающая в сердцах наших соотечественников чувство национальной гордости, усиливало их интерес и привязанность к родному очагу.

Современный подход к человеческому фактору и к роли диаспор обусловил появление Закона «О государственной политике в отношении азербайджанцев, проживающих за рубежом». Согласно настоящему закону, данное понятие относится к гражданам Азербайджанской Республики, проживающим за рубежом, а также к их детям, лицам, прежде являвшимся гражданами Азербайджанской ССР или Азербайджанской Республики, проживающим в настоящее время за пределами Родины, и их детям, лицам, не относящимся к данной категории, но считающим себя связанными с Азербайджаном и азербайджанцами с точки зрения этнических, языковых, культурных или исторических связей.

На сегодняшний день азербайджанская диаспора насчитывает около 10 млн. азербайджанцев, проживающих в эмиграции. Их политическая, экономическая и социально-культурная деятельность на пяти мировых континентах так же различна, как и страны, в которых они проживают: Австралия, Австрия, Германия, Дания, Египет, Израиль, Иран, Испания, Италия, Молдова, Норвегия, Россия, Румыния, Словакия, США, Турция, Украина, Чехия, Швеция и др. Однако где бы ни проживали представители азербайджанской нации, они вносят лепту в развитие стран своего проживания

и играют все более активную роль в расширении внешних связей Азербайджана. Пропагандируя богатое культурное наследие своей исконной Родины, азербайджанцы мира стремятся довести до мировой общественности правду о ее прошлом и настоящем. С одной стороны, это служит делу предотвращения внешних идеологических диверсий, с другой – сотрудничеству с лобби и диаспорами братских и дружественных народов. В свою очередь, Азербайджан, опираясь на идеологию азербайджанства, прилагает все усилия для решения проблем азербайджанцев, проживающих за границей, для организационного становления и укрепления солидарности азербайджанцев всего мира.

Возвращаясь к функциям внешней политики Азербайджана, отметим ее регулирующую роль. Посредством этой функции создается возможность ликвидировать нарушения равновесия в системе внешнеполитических связей. В процессе реализации внешнеполитической деятельности государственных органов проявляется гибкость политической стратегии государства. Жесткая политическая система всегда реагирует на нарушение внешнеполитического равновесия незначительным количеством реакций, свобода выбора решений невелика. Мобильность политической системы зависит от многих факторов, в том числе от исторического опыта системы, основных свойств ее структуры. В процессе неготиаторной деятельности проявляется качество дипломатии, осуществляется приспособление средств внешней политики к ее целям. Известно, что Азербайджан ведет независимую и сбалансированную внешнюю политику. Баку не отказался от интеграции в Европу, продолжает свою деятельность как стратегический партнер Европейского союза и США. В то же время Азербайджан строит отношения с региональными государствами, в том числе с крупнейшим из них – Россией, на основе стратегического партнерства. Проводником, дипломатическим представителем внешней политики Азербайджана является достойный преемник народного лидера Г. Алиева – Ильхам Алиев.

*«Современные гуманитарные исследования»,
М., 2010 г., № 3, с. 270–274.*

Салтанат Ермаханова,
кандидат социологических наук
**КАЗАХСТАН: ПОИСК СОБСТВЕННОЙ МОДЕЛИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

В центре внимания казахстанских ученых находится широкий круг вопросов, связанных, в частности, с периодизацией и историческими этапами модернизации Казахстана, социально-экономическими условиями, обеспечивающими ее успешность (характеристика ресурсной базы, выявление и учет социокультурных особенностей населения, поиск национальной идеи, мобилизующей жизненные силы и интегрирующей разноплановые интересы всех этнических и социальных групп, идентификация цивилизационной принадлежности общества в континууме Европа–Азия, наконец, оценка реального хода современного этапа модернизации и т.д.).

Как считает казахстанский политолог М.Т. Лаумулин, переживаемый сегодня центральноазиатскими странами процесс модернизации не первый в их истории, в нем можно выделить три этапа модернизационных преобразований:

1) модернизация, осуществлявшаяся Российской империей на основе колонизации Центральной Азии;

2) советская модель модернизации, которая осталась незавершенной;

3) модернизация после достижения независимости, реализуемая на основе адаптации к западным технологиям и навязывания системы, которая в течение столетий складывалась на Западе.

В настоящее время в Казахстане, как и во многих обществах транзитного типа, наблюдается процесс своеобразного возвращения к истокам, проявляющийся в «ренессансе» этнической культуры, которая опирается на традиции прошлого. В частности, это проявляется: в возрождении национальных культурных традиций; значительном усилении интереса к национальной истории; стремлении к реставрации историко-этнических символов; росте популярности образования на государственном языке; возрождении интереса к религиозным ценностям; повышении спроса на этностиль в музыке, литературе, изобразительном искусстве, одежде и т.п. Одновременно многими учеными отмечается бесперспективность изоляционизма в современном глобализирующемся мире при стремлении сохранить культуру.

Председатель Ассоциации социологов Казахстана М.М. Тажин подчеркивает, что социокультурные аспекты незаслуженно обделяются вниманием, в то время как именно здесь все больше проявляется поле для исследования. «Трудно не согласиться с утверждением, что если культура не способна поддержать социально-политическую систему, устойчивость последней можно поставить под сомнение. Практика показывает, и это признается все большим количеством экспертов, что во многом именно социокультурные факторы формируют так называемый коридор возможностей развития». М.А. Кул-Мухаммед утверждает: «Казахстан строит свое будущее в условиях мощных глобализационных потоков, идущих как с Запада, так и с Востока. Будущее наше станет ясным, если мы будем стоять на прочном фундаменте. А фундаментом национального и этнического богатства является своеобразная, с глубокими историческими корнями национальная культура. Чем лучше мы будем ее знать, тем увереннее будем смотреть в свое грядущее. А это очень важно для нашей страны, устремленной в будущее».

Представления о цивилизационной принадлежности современного казахстанского общества не являются единообразными и остаются областью дискуссий и обсуждений. Одни ученые и общественные деятели современного Казахстана делают акцент на тяготении и причастности казахстанского общества сразу к двум мировым цивилизационным центрам – Европе и Азии, а отсюда – на его сложной евразийской природе, его роли в качестве самостоятельного субъекта системы баланса цивилизаций, культур, народов, религий и государств. Вторые обращают внимание на то, что в цивилизационном ракурсе казахское общество являлось в древности и выступает сейчас сугубо восточным обществом, которое ныне представляет собой «отколовшуюся часть российско-советской империи и заблудившееся дитя мусульманской цивилизации». Третьи подчеркивают, что современные казахи являются не столько азиатами, сколько европейцами и по воспитанию, и по образованию, и по культуре.

Казахстанский политолог А. Гали полагает, что в полиэтничном Казахстане параллельно существуют три мира: казахоязычный мир (казахи и казахоязычные неказахи); русскоязычный мир (русские и русскоязычное население) и тюркоязычное неказахское население. В советский период этнический состав населения Казахстана усложнился. С 1970-х годов за Казахстаном закрепились образные, крылатые слова «планета ста языков»,

«лаборатория дружбы народов». Начало этому процессу было положено в дореволюционный период, но наиболее интенсивно этот процесс проходил с 1930-х годов. Так, если по переписи в 1920 г. в Степных областях было зафиксировано 38 национальностей, то по данным переписи 1970 г. в Казахстане насчитывалось 114 национальностей, а в 1986 г. – 120. Сегодня территорию Казахстана населяют представители более 130 национальностей.

Опасения по поводу утраты национальной самобытности и культуры, разделяемые значительной частью казахстанских ученых, во многом проистекают из представления, что культурное многообразие неизбежно ведет к конфликтам или провалам в области развития. Опыт исторического развития стран, переживших «догоняющую» модернизацию, показывает, что наибольших успехов в ее осуществлении добиваются те, кому удается найти собственный, специфичный «образ современности», соединяющий самобытную культуру и менталитет с идеей модернизации. Современное развитие показало немало примеров того, как нежелание считаться с культурной традицией приводило к тяжким социальным потрясениям даже при благополучном стечении экономических обстоятельств. Наиболее яркий из них – крах «белой революции» в Иране, вызванный в первую очередь резким противоречием между вестернизаторским курсом, проводимым шахским режимом, и традициями, менталитетом народа. Одним из выводов теорий модернизации является утверждение того факта, что культура, самобытные ценностные системы имеют устойчивое значение для развития общества.

В модернизационной политике Казахстана культуре, как историческому наследию, уделяется немалое значение. Сохранение культурного и исторического наследия – один из главных приоритетов молодого государства. В Казахстане с 2003 г. реализуется государственная программа «Культурное наследие», направленная на сохранение материальных и духовных культурных достижений общества, исторического опыта, в ходе которой накоплен обширный инновационный источниковедческий, археологический и текстологический материал, обладающий уникальной научной и информационной ценностью для сохранения высокого культурного наследия древних предков казахов. В ходе научно-исследовательских экспедиций в архивы и библиотеки Китая, России, США, Франции, Германии, Ирана, Турции, Монголии и ряда арабских стран приобретены тысячи копий архивных документов, раритетных книг и рукописей, имеющих непосредственное отно-

шение к истории и культуре казахского народа. Кроме того, переводится на казахский язык мировая литературная классика, а также труды классиков мировой философской, исторической, социологической, культурологической, экономической и политологической мысли. Изданы орфографический, орфоэпический, диалектологический словари, идет выпуск 15-томного Толкового словаря казахского языка.

Глубокие расхождения во мнениях о типе казахстанского общества в континууме «современное – традиционное» являются предметом научных и политических дискуссий о статусе современного Казахстана. Д.Н. Назарбаева считает, что Казахстану необходимо выработать собственную концепцию, и не «догоняющей», а скорее опережающей модернизации, иными словами, собственную модель национального развития. Разумеется, опыт развитых стран, которые уже преодолели эти процессы, необходимо учитывать, но он не должен становиться объектом для слепого копирования. У нас свои особенности развития. Мы вполне можем претендовать на свой собственный уникальный казахстанский путь.

У.С. Сарсенов отмечает, что в 90-е годы «поддавшись мощным западным ветрам, несущим нам знание о новом демократическом порядке, во многом новшества имели характер слепого копирования западных ценностей и в каких-то моментах даже противоестественного внедрения этих ценностей в казахстанском обществе с иным, евразийским менталитетом, который, несомненно, отличается от мышления и образа действий европейца или американца. Еще одна ошибка заключалась в том, что, несмотря на дублирование чужих идей, скопировать уровень жизни демократических государств Запада не удалось. Чудес не бывает, от демократий и митингов в карманах у граждан денег не прибавлялось. Но в 1993 г. об этом не сильно задумывались. Это была эпоха политического копирования».

Относительно характера казахстанской модернизации существуют разные точки зрения. Одни полагают, что современная казахстанская элита все больше становится вестернизированной, эта тенденция и дальше будет углубляться, так как программа подготовки кадров «Болашак» хоть и расширила сейчас географию своей деятельности, до недавнего времени была ориентирована на подготовку кадров в развитых западных странах. Вестернизированная элита, глубочайшее расслоение общества и широко

распространенная коррупция – проявления несамобытной модернизации.

Казахстанский социолог С.Е. Жусупов считает, что правящие элиты в настоящий момент слабо ориентированы на процесс модернизации: «Мы имеем восточноевропейские аналоги относительно того, какой должна быть надстроечная система, выстроили некий базис, и ряд государств получил статус стран с рыночной экономикой, но надстройка у нас фактически советская. Так или иначе потребуется время. Часто говорят, что население не готово и ментальность населения совершенно неадекватна рынку. Я думаю, что проблема все-таки в другом: далеко не рыночная, а квазирыночная ментальность как раз-таки у правящих элит. Поэтому им потребуется, наверное, существенный период времени, чтобы именно у них сформировалось понимание того, какой должна быть надстройка, каким должен быть процесс эффективного управления и т.д. Ситуация с “цветными” революциями далеко не случайна, это абсолютно закономерный феномен. Там, где идет процесс стагнации (а фактически мы видим либо процесс стагнации, либо ситуацию “стоячего болота”), рано или поздно происходит коллапс». Академик А.Н. Нысанбаев полагает, что огромный слой «обывателей» с низким уровнем культуры, в том числе политической, пассивным отношением к происходящим событиям, замкнутых на интересах собственного выживания в условиях рыночной экономики, представляет тормозящий фактор.

Некоторые казахстанские ученые рассматривают вопрос о модернизации общества сквозь призму императива создания национальной идеи. При этом отмечают, что если для любого мононационального общества ее трудно сформулировать, то такую задачу решить для такого полиэтнического общества, как Казахстан, еще сложнее, поскольку встает необходимость одновременного синтеза возможностей, чаяний и надежд всех этнических групп казахстанского общества и превращения этого широкого спектра представлений в единый сплав – общенациональную идею. Зачастую стремление нации сохранить свое специфическое содержание в условиях глобализации, размывающей национальную идентичность, вырастает в протест, достигающий конфликтного уровня, который прорывается в акты экстремизма и терроризма. Думается, такое деструктивное проявление протеста вытекает из способности нации сформулировать свою национальную идею, обладающую позитивным, творческим потенциалом, способную одно-

временно и сохранить самобытность нации, и интегрировать ее в современный мир.

Национальная идея должна способствовать достойному вхождению Казахстана в глобальный мир, оптимальному участию страны в сложных глобальных процессах. Реализация национальной идеи должна стать адекватным ответом на современные вызовы глобализации, с тем чтобы обеспечить дальнейшее поступательное развитие Казахстана во благо общества и каждого казахстанца. Как известно, глобализация, нивелируя специфическое содержание практически любого феномена современности, имеет тенденцию к размыванию национальной идентичности. Однако та же самая глобализация вместе с тем продуцирует в национальном сознании протест против утраты нацией своей специфичности. Нельзя говорить о том, что глобализация делает невозможным формирование национальной идеи, она лишь накладывает дополнительные требования на содержание и форму национальной идеи. Суть этих дополнительных требований сводится к тому, что национальная идея сегодня не должна приводить к изоляции нации и государства, но должна быть «разомкнута» на мир, должна органично сочетать в себе специфически национальное содержание и общечеловеческие ценности и устремления.

В условиях глобализации перед государством и обществом встает ряд вопросов, в числе которых важнейшей задачей является консолидация общества. Для Казахстана – это консолидация казахстанского общества в единую нацию, под которой понимается не этническая, а гражданская общность. В настоящее время такой единой целостной нации в Казахстане пока еще нет. «Имеется целый ряд обстоятельств, способствующих и порождающих неопределенность жизненных ориентаций казахстанцев. Этническое, политическое, религиозное сознание граждан Казахстана различно по крайне широкому спектру. Ценностные ориентиры казахстанцев размыты и слабо консолидированы. А так как ценности через ряд опосредований воплощаются в модели социального поведения, то и социальные устремления наших граждан разновекторны, не объединены. Не помогает консолидации в современных условиях и этническая самоидентификация. Во многом она апеллирует к прошлому, но при всей ценности прошлого, вне идентификации себя в настоящем, базирующемся на новых реалиях и новых задачах, эта идентификация оказывается бессильной перед вызовами современности. Таким образом, национальная идея способна решить многоаспектную задачу консолидации нации, так как она

устраняет неопределенность целей и ценностей, способствует формированию целостного общественного сознания».

В последнее время актуализируется идея степной цивилизации и роли кочевничества в процессах казахстанской модернизации (Г.Е. Есим, А.Н. Нысанбаев и др.). А.Н. Нысанбаев задается вопросом: как совместить ценности, связанные с переходом к рыночной экономике и правовому, демократическому государству, – право на собственность, чувство хозяина, индивидуализм, рационализм, личную ответственность и инициативу – с традиционными ценностями коллективизма и социальной солидарности, которые укоренены в национальном менталитете этносов Казахстана? Поскольку модернизация предполагает, что Казахстан должен учитывать свои культурные традиции, самобытные особенности, каким же образом совместить несовместимые на первый взгляд базовые ценности: индивидуализм и коллективизм, свободу и приверженность к патернализму? Он считает, что ответ кроется в особенностях казахского обычного права, степной демократии и соответствующего им менталитета. Вроде бы нет нужды противопоставлять вышеназванные понятия, так как историческое прошлое казахов дает удивительные социальные образцы того, как несовместимое становилось совместимым и индивидуальная свобода сочеталась с принципом коллективизма, мировоззрением рода. Сложившаяся в степи цивилизация впитала в себя черты как Востока, так и Запада. Феномен номадизма оригинально сочетает коллективистское и индивидуалистическое, этатистское и либеральное начала. Для политической культуры номадов неприемлемо полное доминирование как корпоративизма, так и индивидуализма. В итоге кочевник превращается в некоего «кентавра» – переплетение индивидуализма и корпоративизма, берущее начало от имплицитно присущего ему личностно-родового самосознания, составляющего квинтэссенцию цивилизационной ментальности номадизма.

А.Н. Нысанбаев подчеркивает, что осуществление коренных преобразований казахского общества должно происходить не как бездумное копирование западного опыта модернизации и трансформации, а на основе конкретно-исторических условий развития Казахстана в условиях глобализации. Поэтому для становления гражданского общества в Казахстане, раскрывающего творческие способности личности, важно использовать положительный в этом смысле потенциал нашего прошлого, как советского, так и традиционного, сформированные им ценности, на основе которых воз-

можны консенсус, становление и развитие институтов гражданского общества.

*«Феномен модернизации и его отражение в сознании субэлитарных групп: Социокультурный аспект»,
Новосибирск, 2009 г., с. 85–94.*

Кадыр Маликов,

доктор политологии и исламских исследований
(г. Бишкек)

ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ИСЛАМСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В КИРГИЗСТАНЕ

Проблема модернизации общества и вовлечение в этот процесс религии была всегда актуальной. На рубеже XX–XXI вв. эта проблема для мусульманской общины – «уммы» стран Центральной Азии и, в частности, Киргизстана приобрела еще большую значимость. Модернизация общества (в том числе и религиозного), подразумевающая в первую очередь внедрение в общество материальных атрибутов современной жизни, проникновение новых нетрадиционных идей, новой системы экономического устройства, системы образования, влечет за собой появление такого понятия, как «отношение к переменам».

Переход от традиционного общества к современному является, на наш взгляд, тесно связанным с процессами глобализации, но в то же время традиция продолжает оказывать активное влияние на модернизационные процессы, и, соответственно, сама модернизация может со временем принять форму культурных традиций. С учетом того что общество разделяется на традиционалистов и модернистов как в светской (мирской) жизни, так и религиозной, которые по-разному относятся к модернизации исламского образования, а также вкладываемого в него смысла, обостряются настороженность и недоверие между светскими и религиозными представителями.

Современному мусульманину приходится жить в некотором разрыве с требованиями современной жизни, религиозное мировоззрение, полученное в традиционном медресе, и реальности современной жизни иногда вступают в противоречие друг с другом, заставляя по-новому искать ответы в исламе. Поэтому мы по-

пытаемся обозначить основные подходы к модернизации исламских образовательных учреждений.

1. Ислам как система ценностей будет, что называется, стержнем современного исламского и светско-исламского образования с глубоким научным подходом, базирующимся на таком стержне.

2. Верующим необходимо перенимать все то, что соответствует современности и не противоречит основам религии, в том числе и новые методологии, научные достижения мировой мысли и т.д.

Такой целостный подход открывает новые возможности для реформирования исламского образования, религиозного мышления – это послужит для динамичного, духовного и интеллектуального развития общества. Тема модернизации исламской интеллектуальной мысли, системы образования, можно сказать, получает довольно широкую огласку на страницах средств массовой информации в последнее десятилетие. Это понятие вызвало ожесточенные споры между теологами, появились его ярые противники и сторонники. Каждый вкладывал в него свой смысл. Многие мусульмане изначально отвергают это понятие, считая, что оно противоречит основным положениям «истинного ислама», хотя истинность ислама все воспринимают по-разному.

В этой связи обращение современных мусульманских интеллектуалов к проблеме модернизации мусульманского общества и реформированию исламского образования является вполне объяснимым. Одной из форм интеллектуальных поисков в этой сфере является идея «реформирования» не только системы традиционного образования, но и содержания религиозных предметов путем глубокого анализа и осмысления священных текстов с тем, чтобы выработать понимание ислама, совместимое с большинством современных социальных и политических ценностей через призму самих же исламских ценностей – осовременивание исламских подходов.

Можно говорить о том, что сегодня мусульманской общине – «умме» предстоит дать ответ на практические социально-экономические вопросы современности и наконец определиться в отношении отстающих направлений, которые лишают мобильности и перспектив развития мусульманскую общину, связи с современной жизнью в светском государстве: отсутствие политических свобод, что препятствует использованию человеческого потенциала и проведению реформ; низкий уровень религиозного образова-

ния, делающий невозможной адаптацию к условиям современного мира; низкий социальный статус женщины во многих мусульманских странах; наличие стереотипов религиозного мышления и т.д. Ключевым инструментом в решении данных проблем являются интеллектуальные теоретические разработки «иджитхад», которые, учитывая эволюцию общества, могут предложить современное толкование исламских норм, исходя из самих целей шариата.

В настоящее время в Киргизстане наблюдается бурный процесс реисламизации населения, особенно молодежи, и активного роста политического ислама как протестной реакции на новые вызовы современности, политического, социально-экономического, духовно-нравственного характера государства. Существует угроза постоянного пополнения «неграмотной в области ислама» молодежью рядов различных экстремистских организаций и движений, использующих исламские лозунги.

Религиозные институты с каждым годом начинают играть важную роль в жизни киргизского общества, превращаясь в один из политических рычагов, что может в будущем привести к конфликту интересов между светской и религиозной частью населения Киргизстана. Проблема «цивилизационного» разрыва между светской и религиозной интеллигенцией республики, а также существующее взаимное недоверие могут повлиять на зарождение двух идейно-политических сообществ в одном национальном государстве: верующие и светские.

Количественный рост верующих заставляет обращать внимание на качественный уровень получаемого религиозного образования. Традиционная для ЦА методика преподавания в исламских учреждениях «хужра», дающая только узкорелигиозное образование, на сегодняшний день является основной причиной законсервированности религиозного мышления большинства духовенства. Так называемое «традиционное», консервативно настроенное духовенство, как правило, представленное старым поколением, не способно соединять новые вызовы современности и ислам, по сути, не может противостоять радикальным идеологиям на своем поле. Не находя нужных ответов на свои вопросы, молодежь ищет их за пределами официальных мечетей, пополняя ряды радикальных течений.

К сожалению, взаимоотношения между государством и мусульманской общиной до сих пор остаются проблемными. Государство, как и раньше, видит в исламе идеологического соперника и, следовательно, угрозу демократии. По-прежнему считается, что

религия должна быть отделена от государства и общества. Такое понимание роли ислама препятствует гармонизации взаимоотношений между светской частью общества и религиозной, между государством и официальной мечетью. Во-вторых, светские правительства в большей или меньшей мере остаются под влиянием авторитарных представлений о власти. Это затрудняет необходимую степень демократизации и политической гибкости, что является важным условием для разрядки напряженной внутренней обстановки методами, направленными на общественное согласие.

Главным вопросом здесь является цивилизованность и конструктивность подхода обеих сторон, решение проблем такого характера будет зависеть от уровня толерантности, гибкости религиозных лидеров и светских чиновников. Поэтому система как религиозного, так и светского образования является, на наш взгляд, стержнем, который формирует гибкость подходов, толерантность у религиозных лидеров и светской части населения.

Значимость реформирования исламского образования, его содержания, как и методологии преподавания, и, конечно же, правовой легализации является важным фактором для включения на равноправных основах в общеобразовательные и социальные процессы в Киргизстане. Также это может послужить облегчению в решении проблем взаимоотношений между государственной светской властью и религиозными организациями.

В Киргизстане на сегодняшний день действуют семь высших исламских учебных заведений (Университет им. Хазрети Умар и др.), а также свыше 50 медресе. В данных учебных заведениях не существует единой учебной программы, т.е. каждое медресе или институт составляет свою учебную программу, методологию преподавания. В основном в большинстве медресе преподаются только четыре–пять предметов: Коран, хадисы, шариат, арабский язык и (вероубеждение) акида. Только в некоторых институтах преподаются английский язык и компьютерная грамотность. В отличие от светских учебных заведений в исламских образовательных учреждениях дают только узкоспециализированное образование, что является основной преградой для признания дипломов, дальнейшего трудоустройства выпускников, а также не всегда способствует воспитанию терпимости, возможно, создает стереотипное восприятие светской жизни, консервативность религиозного мышления.

Вопросы модернизации в сфере религиозного образования в Киргизстане являются на сегодняшний день наиболее актуальны-

ми ввиду того, что опасность для стабильности Киргизстана в первую очередь могут представлять радикализация верующих и условия, толкающие на это. Остроту данной проблематике придает и то, что между религиозными организациями и светской государственной властью существует так называемый «фактор недоверия». Трудность, главным образом, заключается не столько в политико-правовой базе, сколько в излишней идеологизированности подходов (как со стороны духовенства, так и светской части населения), в отсутствии непрерывного и постоянного взаимодействия между религиозными организациями и светской государственной властью.

Главным стратегическим ресурсом Киргизстана должен быть интеллектуальный, человеческий потенциал, основанный на высоком уровне образования наших граждан. Однако в 90-е годы система светского образования стала все меньше отвечать современным потребностям развития страны, запросам общества и государства. Падает качество светского школьного образования, особенно на селе. Впервые за многие годы появился значительный процент выпускников школ, не умеющих грамотно писать и читать. Многие дети, родители которых не имеют высоких доходов, вынуждены получать бесплатное религиозное образование в медресе. Количественный рост исламских образовательных учреждений заставляет обращать внимание на качественный уровень получаемого религиозного образования.

Не находя нужных ответов на свои вопросы, молодежь ищет их за пределами официальных мечетей, пополняя ряды радикальных течений. В данном ракурсе причинами часто выступают низкий уровень образования, полученного в медресе, искаженное представление о светских науках, слабая материальная база медресе, дефицит кадров (компетентных преподавателей), проблема признания дипломов, проблема последующего трудоустройства.

Однoboкое религиозное образование влияет на стереотипное понимание сущности ислама и целей шариата, которое выражается в искажении некоторых доктрин ислама, стереотипах религиозного мышления, консервативности религиозного мышления, низком уровне толерантности, гибкости, неспособности реагировать на современные вызовы времени в представлении светской власти как угрозы.

Также существует и проблема «цивилизационного» разрыва между светской интеллигенцией республики и религиозной, который в будущем может повлиять на зарождение двух идейно-

политических сообществ в одном национальном государстве – верующие и светские. Необходимо также отметить, что существует ярко выраженная тенденция к появлению «светского» радикализма, обусловленная в основном «религиозной» неграмотностью и крайне низким уровнем информированности светского населения об исламских образовательных учреждениях столицы.

Нужно задаться вопросом – какая модернизация исламского образования необходима мусульманам и как они сами понимают это? С чем связаны призывы ряда исламских интеллектуалов «реформировать» методологию исламского преподавания, «вернуться к истинному пониманию ислама»? Можно сказать, что в прошлом веке в Киргизстане уже имел место такой прецедент. А именно: появление новометодных (джадидских) школ-медресе, которые дали Киргизстану первую национальную религиозно-светскую интеллигенцию.

Для понимания психологии верующих важно учитывать и тот факт, что для мусульман любая реформа и новое понимание проблем в исламском праве (по четырем мазхабам) должны исходить изнутри ислама, от самих авторитетных исламских ученых. Навязывать мусульманам какие-то внешние методологии (не говоря об идеях) почти бесполезно, особенно в такой стратегической области для верующих, как исламское образование. Существуют также и «факторы недоверия», которые являются основным препятствием в осуществлении данных задач.

1. Недоверие со стороны духовенства порождено отсутствием гарантий того, что реформирование исламского образования не приведет к искажению ислама или к тотальному контролю исламского образования и вмешательству со стороны светской (атеистической) власти.

2. Со стороны светской власти существует опасение слияния светского образования с религиозным и доминирования религиозности в светском образовании.

3. Опасность того, что сотрудничество в данной сфере, не закрепленное политико-правовыми договорами и законами, может привести к конфликту между двумя сторонами.

Данный фактор недоверия затрудняет модернизацию исламского образования, введение светских предметов, разработку программ обучения. Поэтому в данном направлении необходимо разрабатывать концепцию поступенчатой модернизации начального и среднего религиозного образования, где должна меняться не только форма, но и содержание исламского образования: умеренный

ислам с современным видением проблем, конкурентоспособный на рынке идей, основанных на исламских авторитетных источниках и самых последних интеллектуальных достижениях философско-правовой исламской мысли.

Проведение модернизации в области образования должно вывести исламское образование на научный, интеллектуальный уровень. Такой подход в решении кадровых проблем повлияет на образование светско-мусульманской и мусульманской интеллигенции с последующей ее интеграцией в общественно-социальную жизнь страны. Появление же интеллектуальных исламских кадров нового формата со светской составляющей может явиться залогом построения гармоничного общества в Киргизстане и уменьшения разрыва между светской и религиозной частью общества, которое наблюдается в соседних странах Центральной Азии. Анализ составляющих этой проблемы показал, что только модернизация религиозного образования может изменить религиозное мышление среди верующих, повысить уровень толерантности, осовременить исламское видение в решении социальных и духовно-нравственных проблем в обществе в условиях светского государства с большинством мусульманского населения.

*«Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве»,
М., 2009 г., с. 84–93.*

Саодат Олимова,

философ (ИМЭ и МО АН РТ)

Музаффар Олимов,

руководитель научно-исследовательского
центра «Шарк» (Таджикистан)

МИГРАНТЫ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА НА ФОНЕ КРИЗИСА

Современный кризис меняет наше представление о трудовой миграции и ставит новые вопросы. Почему, потеряв работу, некоторые мигранты уезжают, а некоторые остаются? Что «выталкивает» мигрантов из страны приема, а что их задерживает? Меняются ли в условиях кризиса стратегии миграции и возвращения? Что происходит с вернувшимися мигрантами на родине? Могут ли они «вписаться», найти свое место в условиях кризиса? Как они влияют на жизнь родины, на ее развитие? Что происходит с мигранта-

ми, которые, несмотря на кризис, вновь едут работать за границу? На эти вопросы мы постараемся ответить на примере таджикских мигрантов, работающих в России, которую связывают с Таджикистаном мощные потоки трудовой миграции.

Надо сказать, что сам по себе отхожий промысел знаком таджикам издавна. История трудовой миграции на территориях, вошедших в современный Таджикистан, насчитывает несколько веков. Однако современная трудовая миграция – явление последних лет постсоветского периода. Наибольшее значение для ее развития имели гражданская война 1992–1997 гг. и исключительно высокая социальная цена перехода к новому государственному строю. Масштабы миграции в Таджикистане в наши дни беспрецедентны по размеру, социальному и экономическому воздействию на страну. Так, в 2008 г. на заработки выехало не менее 800 тыс. человек. Это очень много для государства, население которого составляет 7 млн. человек, половина из которых – дети и молодежь до 18 лет. Каждая третья семья страны имеет по крайней мере одного члена, работающего за границей.

Несмотря на то что география миграционных потоков из Таджикистана охватывает целый ряд стран (Казахстан, Украина, Китай, ОАЭ, Афганистан, США), «отходники» – позволим себе употребить это старинное слово – направляются в основном в Российскую Федерацию. Сюда приезжают 97% всех мигрантов. Подавляющая их часть работает в области строительства (около 75%), в торговле, промышленности, сельском хозяйстве. Малая их доля занята в сфере коммунальных услуг, образования и др. При этом типы и сектора занятости мигрантов внутри страны и на выезде сильно различаются. Скажем, высококвалифицированные специалисты, учителя, бухгалтеры могут работать строительными рабочими, торговцами или дворниками...

В целом трудовая миграция из Таджикистана приспособлена к потребностям и условиям рынка труда Российской Федерации. Климатические условия объясняют сезонность труда в России, особенно характерную для строительства, добывающей промышленности, сельского хозяйства, розничной уличной торговли и общественного питания, т.е. тех секторов, где трудится большинство мигрантов из Таджикистана. Более 2/3 мигрантов работают за границей сезонно, т.е. с февраля-марта по октябрь-ноябрь. Формированию масштабной сезонной миграции способствуют как специфика условий жизни и работы в России, так и работа сезонников дома, в Таджикистане. Важными факторами являются также без-

визовый режим, наличие развитой транспортной связи между Таджикистаном и Россией, низкий уровень заработной платы мигрантов в России, не позволяющий работникам привозить с собой семьи.

Трудно переоценить степень воздействия трудовой миграции на все стороны жизни Таджикистана. За короткий срок миграция стала структурной особенностью экономической и социальной жизни республики. Всего лишь за два года – с 2006 по 2008 г. – объем денежных средств, переводимых трудовыми мигрантами в Таджикистан, возрос с 1 до 2,6 млрд. долл. Согласно данным Национального банка Республики Таджикистан, объем денежных переводов в 2008 г. составил 46% ВВП страны.

Итак, каким же образом глобальный кризис повлиял на трудовую миграцию в Таджикистане? Во-первых, стало колебаться число мигрантов. Зимой 2008–2009 гг. пошла волна возвратной миграции. Изменились и состав людей, выезжающих в поисках работы, и их социально-демографические характеристики. Появились новые стратегии миграции и возвращения. И наконец, сократился объем денежных переводов из России в Таджикистан. Сезонное возвращение мигрантов не закончилось, как обычно, в декабре. Кризис вызвал волну возвратной миграции, которая последовала за периодом увольнений и сокращений персонала в России в декабре 2008 г. Возвратная миграция продолжалась вплоть до конца апреля 2009 г. и на месяц задержала выезд сезонников в Россию. Всего же, по нашей оценке, в 2009 г. количество таджикских трудовых мигрантов в Российской Федерации сократилось на 150–160 тыс. человек.

Опросы и интервью, проведенные в России и Таджикистане, показали, что кризис глубоко затронул мигрантов. Чуть менее 90% всех опрошенных сообщили, что их жизнь изменилась. Кризис воздействовал на все стороны жизни мигрантов. Наибольшие изменения претерпела заработная плата – об этом сообщили почти половина опрошенных. В меньшей степени кризис повлиял на занятость мигрантов – на увольнения и сокращения. Кроме того, в условиях кризиса трудовые мигранты стали значительно более уязвимыми к различным формам эксплуатации и злоупотреблений, чем местное население. Повысилась уязвимость мигрантов к торговле людьми, вымогательству, депортациям. Согласно опросу, проведенному Министерством труда Республики Таджикистан в марте-апреле 2009 г., более 70% вернувшихся на родину мигрантов покинули Россию из-за невыплаты и/или задержки зарплаты,

которую они все же надеются получить. Однако немногие мигранты пытаются защитить свои права. По словам пресс-секретаря представительства МВД Республики Таджикистан по миграции в России Дильбар Ходжаевой, общая сумма невыплаты таджикским рабочим составляет свыше 30 млн. российских рублей. Однако жалобы и обращения в Прокуратуру Российской Федерации нередко попросту не рассматриваются из-за отсутствия трудового договора между работником и работодателем.

Тем не менее почти 2/3 мигрантов, решивших остаться в России, сообщили, что, несмотря на уменьшение доходов, их устраивают нынешние зарплаты. Значительная часть этой группы имеет высшее образование и принадлежит к возрастной группе старше 30 лет. Только треть респондентов, оставшихся в России, отметили, что их не устраивают заработки.

Российское миграционное законодательство прикрепляет работников к работодателям, делая первых полностью зависимыми от воли последних. *«Мы не чувствуем себя свободными, мы зависим от хозяина. Без его ведома не можем выйти за пределы места, где работаем и живем. В любой момент нас могут схватить и депортировать. Если что случится, мы не можем сообщить ни органам власти России, ни Таджикистана, ни посольству Таджикистана в России, ни НПО. За время работы мы видим только милиционеров и своего работодателя. Мы абсолютно бесправны»* (пекарь-кондитер, 34 года, по образованию – врач-стоматолог, Москва). Увольнения часто влекут за собой потерю жилья. Где же живут потерявшие работу мигранты? Согласно данным нашего опроса, после увольнения часть работников продолжала жить в общежитиях, строители жили на стройке, в бытовках, вагончиках, так как работодатели сохраняли за ними жилье в надежде на восстановление работы. Часть потерявших работу переселилась к друзьям, родственникам. Некоторые стали снимать менее комфортное жилье, например, койко-место в комнате с 7–10 постояльцами. Отмечены случаи, когда в одной комнате ютилось 20 человек. Часть поселилась в нежилом фонде – гаражах, подвалах, сараях...

Одна из самых острых проблем, с которыми сталкиваются мигранты, – резкое ухудшение отношений между ними и представителями правоохранительных органов. Это отметили 80% тех, кого мы опрашивали. В России, так же как и в других принимающих странах, рост безработицы привел к восприятию мигрантов как конкурентов на рынке труда. Такой взгляд, не имеющий под

собой реальной основы, способствовал введению мер по сокращению иностранной рабочей силы. В их число входит не только объявленное двукратное сокращение квоты на использование труда иностранцев, но и барьеры в регистрации мигрантов и выдаче разрешений на работу, многочисленные проверки, депортации.

Заметно возросли трудности и соответственно плата при оформлении регистрации и разрешения на работу, включающая различные неформальные выплаты. Наиболее трудно получить разрешение на работу. По мнению респондентов, *«ФМС принципиально отказывает гражданам Таджикистана в разрешении на работу, поэтому разрешение можно сделать в основном через посредника за большие деньги»* (водитель автобуса, 37 лет, Одиново). По информации из ФМС России, гражданам Таджикистана рекомендовано предоставлять разрешение на работу на срок до трех месяцев, а не на один год, как мигрантам из других стран. Соответственно возросли ставки неформальных платежей посредникам, расширилась их сеть.

Резко выросли и размеры неформальных платежей, которые мигранты выплачивают работникам правоохранительных органов за легализацию и нахождение на территории России – это отметили около 40% опрошенных. Интервью показали, что суммы, которые приходится передавать сотрудникам ФМС, участковым инспекторам МВД и другим представителям правоохранительных органов Российской Федерации, увеличились почти на порядок (до 7–10 раз) по сравнению с прежними, докризисными. Заметно выросли ставки неформальных платежей «с головы мигранта» участковым, линейным милиционерам и ФМС при облавах. Причем статус тех, кто вынужден откупаться, значения не имеет. Не важно, прибыл ли человек в страну легально или же проник нелегально, – все платят одинаково.

В 2009 г. возросло число мигрантов, депортируемых из России в Таджикистан. Так, по словам начальника УФМС г. Москвы, количество выдворенных из России мигрантов за незаконное пребывание и другие правонарушения в Москве увеличилось в 2,5 раза. При этом наблюдается связь между доходами мигрантов и перспективой депортации. Как правило, депортируют тех, у кого нет средств, чтобы зарегистрироваться и получить разрешение на работу, а также нет наличных денег, чтобы откупиться в период задержания. *«В депортации попадают те, у кого денег нет. У них не хватило денег на легализацию, вот их и поймали, а если поймали и денег не хватило откупиться, то депортируют. Друг расска-*

зал, что его поймали, потребовали 10 тыс. рублей, он заплатил, и его отпустили» (водитель, 36 лет, среднее образование, Одинцово). В организации миграции заметно увеличилось число посредников, соответственно и число мошенников. В то же время посредники не объединены в крупные организованные преступные группировки, а представляют собой мелкие разрозненные группы. Таджикские посредники часто связаны с организациями диаспоры. Легализацию мигрантов осуществляют российские посреднические фирмы, редко связанные с таджикскими посредниками. Характерная черта таджикской трудовой миграции – мигранты не жалуются и не ищут защиты у государственных органов.

Ситуация, в которой оказались таджикские работники в России, эхом сказалась и на их семьях, оставшихся на родине, и на Таджикистане в целом из-за существенного сокращения переводов из-за рубежа. Согласно информации Национального банка Республики Таджикистан, за 2009 г. объем денежных переводов в страну по сравнению с 2008 г. сократился на треть, составив 1833,9 млн. долл. США. Треть мигрантов продолжали переводить тот же объем денег, что и раньше, 40% сократили размеры переводов, 20% вообще не посылали деньги, и только 5% мигрантов увеличили размеры переводов.

Благосостояние домохозяйств, в которых члены-мигранты потеряли работу, за время кризиса существенно ухудшилось. Только треть уволенных мигрантов посылали переводы из случайных заработков своим семьям в период поиска работы. Половина домохозяйств в этот период расходовала средства и продукты, произведенные в своем хозяйстве, а также накопленные сбережения. Часть жила на собственные источники доходов: зарплату членов семьи – жены, брата, родителей, продажу произведенной сельхозпродукции, предоставление услуг (шитье, уборка) и т.д. Около пятой части тех, с кем мы беседовали, сообщили, что их семьи на родине совершенно обнищали.

В ответ на изменения, вызванные воздействием кризиса, мигранты стараются адаптироваться к новой ситуации в стране приема. Только незначительная часть опрошенных мигрантов сразу же после потери работы решили вернуться домой. Остальные, оставшись в России, использовали несколько стратегий: около половины нашли другую работу после увольнения, четверть – взяли деньги в долг, чтобы переждать тяжелые времена, около 16% наших информантов продолжали работу на новых условиях. Некоторые ждали выплаты зарплаты и в целом улучшения ситуации, а

1,5% отправились в поисках работы в другие регионы России. Разумеется, наши данные о соотношении использования мигрантами тех или иных стратегий достаточно условны, так как мы опрашивали тех, кто вернулся на родину. Тем не менее можно выделить наиболее распространенные стратегии ответа на кризис.

Одна из них – продолжение работы в новых условиях. В этом случае у человека, избравшего такую стратегию, доходы существенно уменьшаются в результате сокращения зарплаты, штрафов, увеличения платежей сотрудникам российских правоохранительных органов. Как правило, мигранты минимизируют собственное потребление, а также уменьшают суммы переводов. Для части мигрантов, особенно для тех, кому сократили зарплату, и тех, кто после потери работы перешел на менее оплачиваемые рабочие места, затраты превысили доходы от миграции и сделали ее невыгодной. Даже максимальное сокращение личного потребления, в том числе отказ от найма жилья и переход в будки, сараи либо временные лагеря в лесу, не спасло положение, в результате люди вынуждены возвращаться.

Доходы мигрантов и вероятность их возвращения на родину тесно между собой связаны. Люди, имеющие определенные сбережения, располагают возможностью вернуться домой. Те, у кого вообще нет никаких денежных средств, с большей вероятностью останутся в России, даже потеряв работу. Как правило, они снижают требования к рабочему месту, соглашаются на менее оплачиваемые занятия с худшими условиями труда. В случае неудачи они перебиваются на рынках случайными заработками и снижают личное потребление до минимума. Часть из них, накопив деньги на обратный билет, уезжает, часть остается и по-прежнему ведет скудное существование. Если это возможно, они продолжают переводить деньги на родину, но в значительно меньшем размере.

Опрос также показал наметившуюся тенденцию возвращения предпринимателей и перевод ими части своего бизнеса в Таджикистан. *«Торговцы и люди из общепита также возвращаются – торговли нет, снизились прибыли, кур гриль не покупают, нерентабелен гриль»* (повар, 27 лет, среднее образование, Одинцово). Согласно ответам мигрантов, эта тенденция обозначилась с конца 2007 г. и заметно усилилась в 2008–2009 гг. Возвращение бизнесменов прекратилось в конце 2009 г. в связи со сбором средств на строительство Рогунской ГЭС в Таджикистане. Предприниматели, которых «добровольно-принудительно» заставляют покупать акции строящейся ГЭС, начали возвращаться в Россию либо искать

возможности эмиграции в другие страны. После потери работы почти 2/3 таджикских мигрантов пытались найти другую, а более трети вернулись на родину. Эти данные подтверждаются материалами опроса вернувшихся мигрантов, проведенного Министерством труда и занятости Республики Таджикистан.

Как правило, мигранты ищут работу в своей профессиональной сфере, постепенно снижая требования к условиям труда и заработной плате. Большинство ограничивается поисками в том городе, в котором находится. Наибольшее количество потерявших работу – в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Ситуация почти не изменилась в небольших городах и селах европейской части России, Поволжья (Самара, Саратов, Волгоград и др.), Южном федеральном округе, Сибири и на Дальнем Востоке. Поэтому в 2009 г. мигрантские сообщества активно собирали информацию о возможном трудоустройстве, высылали разведчиков, которые искали новые территории приема. По мере поиска работы мигранты снижают требования к условиям труда и к зарплате. В крайнем случае они идут на рынки, в большие торговые центры (например, «Ашан»), строители – на строительные рынки и там занимаются случайными заработками либо временно устраиваются грузчиками, носильщиками, упаковщиками... Потерявший работу мигрант – высококвалифицированный строитель средних лет с высшим образованием отказался от найма квартиры, перешел на строительный рынок, там собирает пластиковые бутылки, заполняет водопроводной водой и продает торговцам. Зарабатывает до 700–800 долл. в месяц. Живет на помойке за рынком, спит в картонных упаковках. Продолжает переводить семье деньги.

Случайными заработками в торговых центрах, на рынках занимаются мигранты самых разных профессий. Это проверенный способ заработать на билет домой. В случае если по каким-то причинам человек не может заработать денег на возвращение, он занимает их у родственников, сохранивших работу. В ряде случаев мигранты получали деньги на обратный билет из дома. Следует сказать, что трудоустройство мигрантов затрудняет не столько отсутствие рабочих мест, сколько изменившееся отношение к иностранным работникам, протекционистские меры России по защите рынка труда. Это естественным образом вызывает у мигрантов желание получить российское гражданство, оставаясь сезонниками или временными мигрантами. Вместе с тем заметно

возросло число тех, кто хотел бы переехать вместе с семьей в Россию на постоянное жительство.

Таким образом, на положение трудовых мигрантов влияет не столько кризис, сколько вызванные им перечисленные выше факторы – протекционистские меры по защите рынка труда, стремление работодателей сократить убытки за счет работников, резкий рост незаконных поборов, рост ксенофобии и пр., – что делает миграцию экономически невыгодной и опасной для жизни. Поэтому наиболее обеспеченные мигранты предпочитают вернуться на родину и переждать несколько лет, сократив расходы. Более бедные остаются в России, соглашаясь на худшие условия труда и жизни, меньшую зарплату. Самые активные меняют регион вселения, либо ищут возможности трудоустройства в других странах (США, ЕС, ОАЭ, Китай и пр.), учатся новым профессиям, более востребованным на российском рынке труда.

Вместе с тем выяснилось, что и возвращение на родину сопряжено с трудностями. Проблема возвращения мигрантов широко обсуждалась в Таджикистане зимой 2008–2009 гг., так как предполагалось, что в ходе развития кризиса сотни тысяч трудовых мигрантов вернутся домой, что резко ухудшит экономическую и социальную ситуацию в стране. Одной из антикризисных мер, связанных с такого рода опасениями, стала разработка мер правительства Таджикистана по обеспечению возвратившихся работой. По данным Министерства труда Таджикистана, в 2009 г. было создано 150 тыс. рабочих мест.

Однако в действительности волна возвратной миграции в странах Центральной Азии, в том числе в Таджикистане, оказалась краткосрочной и относительно небольшой. Тем не менее в отличие от Китая, Индии, Мексики, Филиппин, Ливана, Иордании и других посылающих стран Таджикистан столкнулся с возвратной миграцией впервые, и это был первый опыт такой миграции в регионе.

В потоке вернувшихся в ходе кризиса мигрантов выделяются две большие группы. Почти пятую часть потока составляет молодежь 18–26 лет, впервые поехавшая на заработки. Это говорит о том, что во время кризиса отсеивается категория неуспешных мигрантов, среди которых преобладают молодые малоквалифицированные работники без знания русского языка и без опыта миграции. Многие из них работали без разрешения, т.е. были «недокументированными» работниками. Вторая группа «возвращенцев» – это высококвалифицированные мигранты, потерявшие высокооплачиваемую работу и решившие вернуться в Таджикистан, чтобы

отдохнуть и переждать кризис. Средний заработок мигрантов в России составлял 400–600 долл. США, хотя мы встречали людей, которые зарабатывали от 1500 до 2500 долл. ежемесячно, но их доля незначительна. Обычно это высококлассные специалисты.

Что же происходит с теми, кто из-за кризиса вернулся домой, прожил на родине месяц-другой и решил остаться в Таджикистане на длительное время, а возможно, навсегда? Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели собственные исследования, дающие возможность определить стратегии реинтеграции «возвращенцев», а также использовали данные опросов, проведенных Министерством труда и занятости населения РТ. Все эти материалы показали, что всех реинтегрирующихся можно условно разделить на три группы – успешные, неуспешные и отдыхающие.

Успешные становятся самозанятыми, заводят свое дело (чаще всего получают патент) или бизнес. Как правило, это немолодые мигранты (старше 40 лет), которые решили прекратить работу на выезде по возрасту из-за необходимости восстановить контроль над взрослеющими детьми или из-за потери трудоспособности. Обычно у них есть недвижимость, сбережения, скот, земля. Неуспешные не находят работу и, потратив свои сбережения, опять собираются ехать за рубеж, заранее смирившись с любой работой и любыми самыми низкими заработками, в худшем случае надеясь выжить самому. Отдыхающие – высококвалифицированные мигранты, имеющие сбережения и активы. Они переживают кризис на родине, где ниже стоимость жизни. Как правило, они отдыхают, лечатся, занимаются строительством или ремонтом своих домов, семейными делами, эпизодически – временной работой. Заметную группу составляют незанятые – это преимущественно безработная молодежь. Их работа в России стала экономически невыгодной, сбережений нет, приобретен негативный опыт миграции. Но и в Таджикистане они не могут найти устраивающую их работу. Они оседают в своих домохозяйствах, перебиваясь эпизодической работой и становясь бременем для родных.

Реинтеграция «возвращенцев» в Таджикистане протекает довольно тяжело. Опыт миграции оказывает на этот процесс противоречивое и неоднозначное воздействие. С одной стороны, если до выезда из страны мигрант уже работал, то миграция прерывает его карьерный рост. Ситуацию ухудшает то, что мигранты за рубежом редко работают по специальности и, как правило, теряют навыки в профессии по диплому. Кроме того, «возвращенцы» за время отсутствия теряют имевшийся и не накапливают новый со-

циальный капитал – полезные знакомства, нужные связи, общие ценности, знание «правил игры», которые помогли бы занять достойное место в социуме на родине, в том числе найти подходящую работу.

Анализ ответов тех, кто сообщил, что после возвращения им стало труднее найти хорошо оплачиваемую работу, показывает, что вернувшиеся мигранты сталкиваются с тем же набором проблем, с которым они имели дело до выезда за рубеж, – с безработицей и низким уровнем зарплат. Кроме того, среди них есть люди с пошатнувшимся здоровьем и люди старшего возраста. Что же до успешных «возвращенцев», то их отличает весьма высокая бизнес-активность. Свыше 40% опрошенных вернувшихся мигрантов инвестировали средства в создание или развитие бизнеса или предпринимательской деятельности. При этом пятая их часть уже имеет собственное дело. Чаще всего это торговля, услуги и сельхозпроизводство. Часть мигрантов, имевших бизнес в России, – в основном жители Душанбе и Согдийской области – перевели свой бизнес в Таджикистан. Они продают машины, недвижимость, иное имущество в России и открывают несколько мелких торговых точек розничной торговли, столовые, гриль, парикмахерские в Таджикистане. Вернувшиеся мигранты покупают микроавтобусы «газель», грузовики и занимаются перевозками. Развивая бизнес, «возвращенцы» создают определенное количество рабочих мест, но меньшее, чем могло бы быть, так как их бизнес имеет преимущественно мелкий и мельчайший характер. Среднее число наемных работников на предприятиях, принадлежащих вернувшимся мигрантам, – 2,7 человека. Бизнес «возвращенцев» несет на себе отпечаток трудовой миграции, которая в Таджикистане имеет ярко выраженный семейный характер. Чаще всего бывшие мигранты заводят свое дело при участии и поддержке семьи и родственников.

Все это в определенной степени способствует технологическому развитию в Таджикистане, но это влияние не очень значительно. Часто мигранты не могут использовать свой опыт и знания из-за технологической отсталости производств. Передача опыта бывших мигрантов осуществляется только там, где это возможно, – прежде всего в сфере малого бизнеса. Кроме того, мигранты привозят инструменты, станки и линии невысокой стоимости, так как, во-первых, они сами не имеют средств для крупных инвестиционных проектов и возможности привлечь инвестиции; во-вторых, бизнес-среда в Таджикистане неблагоприятна, и преодолеть все

препятствия при реализации сколько-нибудь значительного бизнес-проекта можно лишь при наличии «крыши». Но, как правило, именно это составляет главную трудность для мигрантов. Исследования показывают, что на заработки уезжают люди, не имеющие доступа к ресурсам и власти, а также социальных контактов, помогающих включиться в местное бизнес-сообщество. Мигранты не оказывают большого влияния на те области, где необходимы модернизация или большие инвестиции. Более того, те компании, которые не нуждаются в технологических или организационных нововведениях, отказываются от использования опыта недавних мигрантов. Таким образом, дополнительная квалификация и опыт вернувшихся мигрантов не используются в полной мере.

Вернувшиеся мигранты не оказывают существенного влияния на социальную интеграцию и развитие местных сообществ. Более того, они находятся как бы на обочине общинной жизни. Чаще всего они участвуют в хашарах – добровольных неоплачиваемых общественных работах и в ритуально-обрядовых мероприятиях. Около четверти бывших мигрантов вносят средства на благоустройство своей общины. Столько же участвуют в деятельности традиционных мужских объединений, своеобразных мужских клубах «гаштак» или «гап». Часто бывшие мигранты создают свои отдельные «мигрантские» гаштаки. Каждый десятый вообще не участвует в общественной жизни своей общины. Трудности вхождения мигрантов в общину после возвращения во многом связаны с маргинальным социальным статусом «возвращенцев». За годы работы за рубежом многие мигранты теряют социальный статус и не могут найти определенное место в своей общине после возвращения. Кроме того, домохозяйства мигрантов связаны с соседями и ближайшими родственниками почти так же, как с мигрантскими сетями и мигрантскими сообществами в странах приема.

Интересные изменения происходят в сфере гендерных взаимоотношений. Наши исследования показали, что в домохозяйствах вернувшихся мигрантов женщины играют более важную роль, чем в домохозяйствах без мигрантов. В то же время многие респонденты указали на множественные семейные конфликты, возникающие после возвращения мигранта, когда вернувшийся муж сталкивается с возросшим влиянием жены в семье и ее нежеланием снова полностью зависеть от мужа. Традиционный взгляд на гендерные роли мужчин-«возвращенцев» конфликтует с увеличившейся активностью женщин – жен мигрантов.

В ходе исследования мы задались вопросом, какова нынешняя таджикская миграция в Россию, каковы ее социально-демографические характеристики, предпочтения, ценности и стратегии. Среди опрошенных мигрантов преобладают те, кто едет «по звонку» на известное им место работы, – их свыше 60%. В эту группу входят квалифицированные работники на производстве, строительстве, в торговле, общепите, транспорте, услугах ЖКХ. Две трети – люди старше 30 лет, со стажем мигрантской жизни от двух до девяти лет, с хорошим знанием русского языка. Здесь и отпускники, которые возвращаются на постоянное рабочее место, и работники, которых работодатели вызвали на определенную работу. Мы встретили бригадиров, которые едут к знакомым работодателям. Они не берут с собой членов своей бригады, рассчитывая осмотреться на месте и затем решить, стоит ли вызывать их на работу. Были и «самозанятые», например, таксист в Москве с собственным транспортом и лицензией на оказание транспортных услуг.

Более трети мигрантов, направляющихся на заработки, едут без предварительной договоренности. Они согласны на любую работу с любой оплатой и любые условия жизни, рассчитывая переждать кризис в России и с улучшением ситуации устроиться на более подходящее место. Половина из них готовы заниматься чем угодно вне зависимости от размера оплаты и условий труда. Мы назвали их «отчаявшимися», т.е. людьми, которых гонит крайняя нужда. Это, как правило, члены мигрантских домохозяйств, пострадавших от кризиса. Если переводы являются основным источником доходов семьи, то сокращение доходов от миграции, особенно если в течение зимних месяцев семья истратила накопленные сбережения, ставит хозяйства на грань разорения и вынуждает мигрантов ехать на заработки в неизвестность, не заручившись уговором с каким-либо работодателем. Небольшое число мигрантов – это молодые малоквалифицированные мигранты с низким уровнем доходов, которых родные отправили к отцам и братьям в расчете на то, что они заработают хотя бы на еду.

Заметно изменились стратегии. Только половина мигрантов, опрошенных нами в зале вылета Душанбинского аэропорта, по-прежнему собираются работать сезонно. Остальные планируют находиться в России более длительные сроки: от одного, полутора, двух лет до «навсегда». 96% респондентов сообщили, что если будет совсем плохо (если они не найдут или потеряют работу), то все равно будут искать работу в России, и только 4% сказали, что в

случае неуспеха вернуться на родину. *«Там, в России, я всегда хлеб найду, больше, меньше – неважно. А здесь нет ничего»* (плотник, 46 лет, Раштский район). Планы на будущую занятость показали, что мигранты достаточно мобильны и быстро приспосабливаются к изменяющимся требованиям рынка труда как родины, так и страны приема. В ходе опроса мы расспрашивали мигрантов, направлявшихся в Россию, об их занятии в предыдущую миграцию, работе на родине и о том, чем они предполагают заняться. Опрос показал, что переквалификация, овладение несколькими профессиями являются одной из ключевых стратегий «кризисной» миграции. Поэтому выезжающие мигранты либо владеют несколькими профессиями, быстро ориентируясь и откликаясь на требования российского рынка труда, либо готовы приобрести новую квалификацию и поэтому согласны на любую работу, рассчитывая быстро ее освоить.

Самая большая группа мигрантов – треть – хотели бы получить гражданство России только для себя, оставив семью на родине. Это связано с ужесточением миграционных правил в России после начала кризиса. С начала 2009 г. ФМС России выдает иностранцам разрешения на работу только на три месяца. Протекционистская политика на российском рынке труда заставляет работодателей отказываться от приема на работу иностранцев. Поэтому многие хотели бы получить российское гражданство, чтобы работать без помех. Более четверти людей, с которыми мы беседовали, хотели бы переехать с семьей на постоянное место жительства в Россию. Примерно столько же, но чуть меньше мигрантов отказываются от эмиграции со сменой гражданства. Основным мотивом желаемого переезда и смены гражданства являются безработица в Таджикистане и возможность получить работу в России. В гораздо меньшей степени привлекают более широкие возможности, лучшее развитие в России, нежели в Таджикистане.

Сравнение занятости «возвращенцев» и отправляющихся мигрантов показывает, что мигранты очень динамично реагируют на изменение ситуации на российском рынке труда: более чем в два раза сократилось число людей, которые собираются работать в строительстве, и в три раза увеличилось число людей, которые будут работать в общественном питании. Но самое главное, более трети отправляющихся мигрантов согласны на любую работу. Еще более разительной является разница между возвращающимися и отправляющимися мигрантами по уровню доходов. «Возвращенцы» значительно более богаты, чем те, кто поехал работать в Рос-

сию в разгар кризиса: среди отъезжающих мигрантов в три раза меньше людей с высокими доходами и почти в четыре раза больше людей с очень низкими доходами, чем среди «возвращенцев». Поэтому можно сделать вывод, что в кризисное время на заработки едут опытные мигранты с большим профессиональным и житейским опытом, с обширными связями в мигрантских сетях. Кроме того, подавляющее большинство – члены мигрантских домохозяйств, потерявших доходы и сбережения в ходе кризиса. Таким образом, в пик кризиса продолжают мигрировать «профессиональные» мигранты, полностью зависящие от мигрантских доходов.

Несмотря на апокалипсические прогнозы аналитиков, связанные с сокращением переводов и массовым возвращением мигрантов, худшего для Таджикистана сценария развития – обнищания населения и усиления социальной напряженности – пока удалось избежать. Во многом это произошло благодаря особенностям экономики мигрантских домохозяйств, мерам правительства Таджикистана по либерализации сельского хозяйства в кризисный период, а также благоприятным погодным условиям в 2009 г. По предварительным подсчетам, в результате кризиса, в том числе сокращения переводов, уровень бедности в Таджикистане повысился только на 4%. Не вдаваясь в рассуждения об индикаторах уровня бедности и о качестве статистики, хотелось бы отметить, что важную роль в поддержании благосостояния населения Таджикистана в кризисный период сыграла трансграничная экономика мигрантских домохозяйств, которая включает как зарубежную работу членов домохозяйств, так и их участие в семейном сельском хозяйстве, преимущественно в производстве продовольствия для собственного потребления. Она позволила мигрантским домохозяйствам гибко и оперативно ответить на кризис, перенаправив усилия своих членов с зарубежных заработков на семейные наделы и арендованную землю. Впервые за всю историю Таджикистана в 2009 г. был собран рекордный урожай зерновых культур – более 1 млн. т, 70% из которых составила пшеница.

Рост производства продовольствия в Таджикистане был вызван не только благоприятными погодными условиями и усердием таджикских дехкан, в том числе и вернувшихся мигрантов. Падение в ходе кризиса мировых цен на хлопок привело к отказу от ставшей невыгодной культуры и освобождению от «хлопковой» повинности таджикских дехкан, которые заняли освободившиеся поливные земли продовольственными культурами. Кроме того,

ослабление в ходе кризиса курса национальной валюты (сомони) способствовало сокращению импорта дешевых китайских товаров и продовольствия. Переводы от мигрантов, хотя и меньших размеров, были потрачены не на финансирование импорта, как в докризисное время, а на финансирование собственного сельхозпроизводства. В результате в Таджикистане смогли собрать невиданный урожай зерновых и других продовольственных культур, а также увеличить поголовье скота и птицы, что помогло компенсировать сокращение переводов.

Сравнивая различные группы таджикских мигрантов: тех, кто остается в России, тех, кто вернулся в ходе кризиса, и тех, кто в кризисный период едет на работу за рубеж, можно видеть, что самая заметная разница между ними – в стратегиях миграции и возвращения. Наиболее активные мигранты меняют регион вселения, ищут возможности трудоустройства в других странах (США, ЕС, ОАЭ и т.д.), учатся новым профессиям. В ходе кризиса отсеиваются неуспешные мигранты, в основном малоквалифицированная молодежь, которая остается в Таджикистане без работы и доходов. Опытные квалифицированные и менее притязательные мигранты работают в России, несмотря на ухудшение условий труда и жизни. В то же время индивидуальные мигрантские стратегии являются частью стратегий мигрантских домохозяйств, которые гибко реагируют на кризис, вырабатывая наиболее эффективный способ реагирования на неблагоприятные обстоятельства. Трансграничная экономика мигрантских домохозяйств помогает всему обществу справиться с последствиями кризиса. Поэтому адаптация к кризису происходит и на уровне отдельных мигрантов, и на уровне домохозяйств, и на уровне всего общественного организма такого государства, столь глубоко вовлеченного в международную миграцию, как Таджикистан.

«Дружба народов», М., 2010 г., № 7, с. 141–156.

Саидакбар Агзамходжаев,

доктор исторических наук

(Ташкентский исламский университет)

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСЛАМСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ**

Исламское образование в Узбекистане имеет свои многовековые корни. Еще в раннем Средневековье здесь существовала

разветвленная сеть медресе, где преподавались как религиозные, так и естественные (мирские) науки. По существу, медресе заменяли систему среднего специального и высшего образования. Маварауннахр издавна был признан не только в мусульманском, но и во всем мире краем развития науки, культуры, в особенности ислама с теоретической точки зрения. Весь мир знает имена таких великих ученых, как Бируни, Ибн Сина и Улугбек, внесших неопределимый вклад в развитие наук. Мусульманский мир знает и изучает труды Имама аль-Бухари, Имама ат-Термизи, Абу-л-Лайса ас Самарканди, Абу Мансура ал-Матуриди, Бурханиддина Маргинани и других, которые, по признанию современных мусульманских богословов, подняли изучение исламских наук до уровня научных дисциплин. Они своими трудами начали новую эпоху в развитии таких наук, как тафсир (толкование к Корану), хадис (предания о Пророке Мухаммаде), фикх (исламское право), калом (богословие). Следует отметить, что все эти корифеи естественных и религиозных наук получили базовое образование в медресе.

При формировании и эволюции локальных мусульманских общин особо важную роль и значение имели главные города Маварауннахра, такие как Ташкент, Бухара, Самарканд и Хива. Позже они становятся центрами мусульманской мысли и исламского образования. В XV–XIX вв. в них были построены известные мусульманскому миру медресе как центры высшего образования, такие как «Мир Араб», «Шердор», «Улугбек», «Тиллакори», «Кукалдош», «Баракхан». К концу XIX в. в Бухарском эмирате насчитывалось 336, в Хивинском ханстве – 132, в Туркестанском крае – 348 медресе.

Как известно, на переломном этапе общественного развития Среднеазиатского региона конца XIX – начала XX столетия возникло движение за реформацию и обновление системы исламского образования, которое вошло в историю под названием «джадидизм». Созданием новометодных школ, организацией регулярного выпуска газет, изданием учебников и учебных пособий, особенно по естественным дисциплинам, пропагандой использования достижений европейской культуры они подготовили почву для возникновения национального светского образования, обновления и обогащения духовной жизни, подъема национального самосознания. Усилиями просветителей-джадидов в учебные программы медресе были введены такие дисциплины, как иностранный язык, физика, химия, математика, психология, гигиена, агрономия, экономика, бухгалтерия и коммерция. Однако после установления

советской власти в 20–30-х годах XX в. была развернута мощная антирелигиозная пропаганда и предпринята попытка атеизировать население Средней Азии. Сотни медресе и мечетей были закрыты, не разрешалось осуществление паломничества, преследовались не только верующие, но даже и сторонники просто народных обычаев и верований. Но реальная жизнь не восприняла наступление «воинствующего атеизма». Население продолжало скрытно молиться, отмечать религиозные праздники и совершать обряды, т.е. практиковать так называемый «бытовой ислам».

И лишь только в годы Второй мировой войны в советском государстве проявилось потепление к религии и религиозным организациям. Учрежденное в 1943 г. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ) в Ташкенте стало координировать деятельность религиозных организаций пяти республик: Узбекистана, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана и Туркменистана. В ведении Духовного управления мусульман были созданы два учебных заведения по подготовке имамов мечетей. Это – медресе «Мир Араб», построенное в Бухаре в XVI в. и воссозданное в советский период в 1945 г., и медресе «Баракхан», построенное в Ташкенте в XVI в. и переименованное с 1971 г. в Ташкентский исламский институт имени имама аль-Бухари (Ма'хад). Они до 1990 г. являлись единственными религиозными исламскими учебными заведениями в бывшем Советском Союзе. В организации работы упомянутых учебных заведений и формировании преподавательского состава в новых условиях большая заслуга принадлежит семейству муфтиев Бабахановых – Эшон Бабахану Абдулмаджидхану (1943–1957), Зияуддинхану ибн Эшон Бабахану (1957–1982), Шамсиддинхану Бабаханову (1982–1989).

50–60-е годы XX столетия в советском государстве начались новые гонения по отношению к исламу и другим религиям. В 1960 г. были приняты постановления ЦК КПСС и Бюро ЦК КП Узбекистана «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культурах», а также решение Совмина УзССР «О закрытии «святых мест» и мазаров и передаче их в ведение Комитета по охране памятников материальной культуры при Совете Министров УзССР». В 1961 г. было закрыто медресе «Баракхан» как незаконно действующее учебное заведение, а медресе «Мир Араб» с общим контингентом в 40 человек осталось единственным мусульманским религиозным учебным заведением в СССР. В учебной программе был значительно сокращен объем часов, выделенных на изучение религиозных дисциплин, некото-

рые религиозные предметы, например история ислама, были исключены из программы. Особое внимание было уделено изучению светских предметов, таких как русский язык и русская советская литература, политэкономия, история народов СССР, история народов Востока, политическая и экономическая география стран Азии и Африки.

После развала СССР и провозглашения независимости каждое государство Средней Азии стало проводить самостоятельную политику в области исламского образования. Правительством Республики Узбекистан начала осуществляться политика по обеспечению свободы совести, возрождению и развитию исламской культуры, изучению и пропаганде богатого научного и культурного наследия предков, восстановлению и благоустройству исламских святынь. В деле наведения порядка в религиозной сфере важным шагом стало проведение государственной перерегистрации всех религиозных организаций, в том числе конфессиональных учебных заведений. Например, в 1992 г. общее число медресе по Узбекистану превышало 100. Из них только 20 находились в непосредственном ведении Управления мусульман Узбекистана (УМУ).

Нужно отметить, что во многих медресе вообще отсутствовала учебно-методическая документация. Занятия проводили недипломированные специалисты. В отличие от советского времени, в учебном процессе главный упор был сделан на освоение собственно религиозных дисциплин. При этом личные позиции преподавателей и выпускников резко отличались друг от друга. Государство приложило немало усилий для оказания помощи УМУ в установлении порядка в деятельности религиозных учебных заведений. В юридическом плане это выразилось в усилении законодательства по их регистрации и выдаче лицензий.

Изменения в сфере религиозного образования обусловили подготовку компетентных религиозных кадров в достаточном количестве. Особого внимания заслуживает Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан, принятое 22 августа 2003 г. Согласно этому постановлению, во-первых, учитывая тот факт, что в них преподаются религиозные и светские предметы, дипломы, выдаваемые выпускникам Ташкентского исламского института и средних специальных религиозных учебных заведений, были приравнены к государственным документам об образовании. Это позволило выпускникам активно интегрироваться в общественно-политическую жизнь общества. Во-вторых, медресе, прошедшие государственную регистрацию как объекты религиозного культур-

ного наследия, переданы в ведение Управления мусульман Узбекистана (УМУ). В-третьих, религиозные организации отныне стали оплачивать коммунальные услуги не как юридические, а как физические лица. Высвобождающиеся средства, а также благотворительные поступления направляются на ремонт и реконструкцию мечетей, укрепление учебной и материальной базы религиозных учебных заведений, материальное стимулирование деятельности имам-хатибов и преподавателей – мударрисов.

Сегодня исламское образование дается в Ташкентском исламском институте, десяти средних специальных исламских учебных заведениях, в том числе двух женских.

Ташкентский исламский институт имени имама аль-Бухари (ТИИ). Ташкентский исламский институт имени имама ал-Бухари (Олий Ма'хад) был создан 1 октября 1971 г. и располагался в здании медресе «Баракхан». Ныне он находится на территории архитектурного комплекса Хазрати Имом (Хастимом). В 70–80-е годы в этом институте обучались студенты из Азербайджана, Казахстана, Киргизстана, Таджикистана, России, Татарстана и других республик. В настоящее время обучение проводится согласно утвержденному государственному образовательному стандарту и новым учебным планам. Учебные дисциплины преподаются по четырем блокам. Первый – гуманитарные и общественно-экономические, второй – математические и естественные, третий – общепрофессиональные, четвертый – специальные. В институте созданы два факультета: «Основы религии» и «История и правоведение ислама». В структуре факультетов функционируют три кафедры: кафедра религиозных наук, кафедра общественно-гуманитарных наук и кафедра иностранных языков. Для подготовки преподавателей для женских исламских средних специальных учебных заведений создана отдельная женская группа.

Среднее специальное исламское учебное заведение «Кукалдош». Среднее специальное исламское учебное заведение «Кукалдош» находится в здании медресе «Кукалдош». Медресе «Кукалдош» считается уникальным историческим памятником архитектуры, построенным в 1569–1570 гг. в городе Ташкенте визиром ташкентских ханов Баракханом и его сыном Дервишем Мухаммадом, прозванным Кукалдош, что означало «молочный брат хана». При входе за порталом расположена мечеть, справа аудитории, перекрытые куполами. Просторный двор окружен 38 хужрами, расположенными вокруг двора.

Среднее специальное исламское учебное заведение «Мир Араб». Медресе «Мир Араб» построено в Бухаре Шейхом Саидом Абдуллою аль-Ямани на средства Бухарского эмира Убайдуллахана в 1530–1536 гг. Когда аль-Ямани исполнилось 22 года, он приезжает из Йемена в Самарканд в поисках знаний, где знакомится с последователем накшбандийского тариката Ходжой Ахрором Валий. Позже он познакомился с Бухарским эмиром Убайдуллаханом и стал его духовным наставником. За глубокие познания в области суфизма местное население прозвало его «Мир Араб», что означало «арабский эмир». За большой вклад аль-Ямани в строительство медресе оно стало называться «Мир Араб». За всю историю деятельности медресе «Мир Араб» его выпускниками были многие видные религиозные деятели, приехавшие из государств Средней Азии, России, Азербайджана, Афганистана, Ирана получить традиционное исламское образование. В настоящее время в среднем специальном исламском учебном заведении «Мир Араб» учатся 113 студентов.

Среднее специальное исламское учебное заведение «Сайид Мухйиддин Махдум». Медресе было построено по инициативе жителей кишлака Жалабек Олтинкульского района Андижанской области и начало свою деятельность в 1992 г. Оно носит имя авторитетного знатока исламского права, борца за сохранение религиозных ценностей Сайида Мухйиддина Махдума, который вел активную деятельность в 20–30-е годы XX в. Медресе «Сайид Мухйиддин Махдум» состоит из трех основных и четырех подсобных зданий, в которых расположились студенческое общежитие на 175 мест, 13 аудиторий, библиотека, медпункт, столовая и службы быта. В настоящее время в этом учебном заведении обучаются более 111 студентов.

Среднее специальное исламское учебное заведение «Мул-ла Киргиз». Здание медресе было построено в 1914–1915 гг. жителем Намангана Атауллаханом и названо в честь зажиточного предпринимателя в области хлопководства и шелководства Муллы Киргиз Охунда (1850–1922), который своими поступками был известен как благочестивый мусульманин, постоянно оказывающий благотворительную помощь нуждающимся. В этом здании расположены администрация, шесть аудиторий, библиотека, компьютерный зал, комната духовности и просветительства, общежитие на 50 мест, столовая и спортзал. В учебном заведении кроме учебных занятий организованы кружки по чтению Корана, тажвид,

фикх, акоид и хадис. В настоящее время в этом учебном заведении обучаются 100 студентов.

Среднее специальное исламское учебное заведение «Фахриддин ар-Розий». Среднее специальное исламское учебное заведение начало работу в 1992 г. в здании мечети «Худайкули Эшон бобо» в Ханкинском районе Хорезмской области. В 1994 г. переехало в историческое здание «Дошкинжон бобо» в Ургенче. Этому учебному заведению дано имя великого мыслителя XII в. Имама Фахриддина ар-Розий, который долгие годы жил и творил в Бухаре, Ходженде, Мерве, Ургенче в период правления династии Хорезмшахов. В новом двухэтажном здании, построенном в 1995–1997 гг., находятся четыре аудитории, актовый зал, комната духовности и просветительства, компьютерная аудитория, общежитие, столовая. В настоящее время в этом учебном заведении обучаются 85 студентов.

Среднее специальное исламское учебное заведение «Ходжа Бухари». Среднее специальное исламское учебное заведение начало работу 2 сентября 1992 г. в городе Китаб Кашкадарьинской области. Оно названо именем ученого Саидахмада Вали Кулохдуза Ходжи Бухорий, который жил в XIV в. во времена Бахоуддина Накшбанди и приехал в Китаб разьяснять сущность суфийского тариката Накшбандийя. С открытием этого учебного заведения более 300 выпускников получили путевку в жизнь. Некоторые из них продолжают учебу в Ташкентском исламском университете, Национальном университете Узбекистана, Университете мировых языков, Каршинском государственном университете и других вузах республики. Большая часть выпускников стали имамхатибами, работают муадрисами в исламских учебных заведениях, тем самым выполняя благородную миссию по разьяснению сущности исламского учения. В настоящее время в этом учебном заведении обучаются 127 студентов.

Среднее специальное исламское учебное заведение «Мухаммад ибн Ахмад аль-Бируни». Среднее специальное исламское учебное заведение было образовано в 1992 г. в Нукусе, Республика Каракалпакстан. Оно названо именем великого ученого-энциклопедиста XI в. Абу Райхана Мухаммада ибн Ахмада аль-Бируни, который внес огромный вклад в развитие астрономии, физики, математики, геодезии, геологии, минералогии и медицины. В настоящее время в этом учебном заведении обучаются 64 студента.

Международный центр «Имам аль-Бухари». Этот центр был образован Постановлением Кабинета министров Республики Узбекистан в ноябре 2008 г. на базе центра изучения хадиса, созданного в 1991 г. в Пайарикском районе Самаркандской области. Центр назван именем великого мухаддиса Мухаммада ибн Исмаила аль-Бурию. Деятельность международного центра осуществляется по направлениям: научно-исследовательская работа и переподготовка и повышение квалификации имам-хатибов и тех, кого интересует история и философия ислама, вопросы мусульманского права. Вместе с молодыми учеными Узбекистана повышение квалификации проходят и исследователи из стран СНГ, в частности, из Казахстана, Киргизстана, Таджикистана и Туркменистана.

Женские средние специальные исламские учебные заведения. Сегодня в ведении Управления мусульман Узбекистана находятся два женских исламских средних специальных учебных заведения. Это «Хадичай Кубро» в Ташкенте и «Джуйбори Калон» в Бухаре. В них обучаются более 200 студенток. Основную их часть составляют выпускницы общеобразовательных школ, по собственному желанию избравшие эту специальность. Среди них выделяются дочери имамов, с детства изучающие Коран и воспитанные в духе ислама. Основная цель названных учебных заведений – дать студенткам знания и практические навыки по специальности «религиоведение» с присвоением квалификации «преподаватель культуры поведения и начального арабского языка». Главной задачей женских медресе является подготовка специалистов, обладающих глубокими знаниями о религии, хорошо знающих историю мировых религий, в особенности ислама. Студентки наряду с религиозными дисциплинами изучают химию, физику, астрономию, биологию, математику, информатику, арабский, русский и английский языки, т.е. те предметы, которые включены в учебные планы колледжей. Кроме того, студенток обучают дополнительным специальностям, таким как швейное дело, кулинария, медицина и др. Это дает выпускницам еще одну возможность активно участвовать в общественной жизни страны. Окончившие женские медресе девушки преподают в школах и колледжах историю религий мира, арабский язык, правила поведения, работают советницами председателей махаллинских комитетов по вопросам религиозно-просветительской работы и нравственного воспитания. В настоящее время в ташкентском «Хадичай Кубро» обучаются 85 студенток, а в бухарском «Джуйбори Калон» – 66 студенток.

Ташкентский исламский университет (ТИУ). Ярким примером гармонизации светских и духовно-богословских традиций является Ташкентский исламский университет (ТИУ), созданный в апреле 1999 г. Ташкентский исламский университет открыл возможности для возрождения богатого духовного и культурного наследия священной веры нашего народа – исламской религии, глубокого изучения религиозных, культурных, просветительских произведений великих ученых. Основной задачей университета является подготовка высококвалифицированных специалистов, бакалавров и магистров, глубоко освоивших основы и направления теологии, историю и философию исламской религии, а также изучивших современные светские науки, способных решать актуальные теоретические и практические задачи, стоящие перед обществом.

Необходимо отметить, что деятельность университета основана на трех основных направлениях. Это учебно-методический процесс, научно-теоретические исследования, духовно-просветительские мероприятия. В университете действуют три факультета: факультет истории и философии ислама; факультет исламского права, экономики и естественных наук; факультет повышения квалификации и переподготовки кадров. В университете студенты учатся в группах с узбекским и русским языками обучения. В составе факультетов функционируют 10 кафедр, в том числе кафедра ЮНЕСКО по сопоставительному изучению мировых религий. В бакалавриате готовятся специалисты по четырем направлениям: религиоведение и исламоведение; международные экономические отношения; информатика и информационные технологии.

В магистратуре готовятся специалисты по четырем специальностям: религиоведение; исламоведение; исламское право; правовые системы мусульманских стран.

Таким образом, исследование современного состояния исламского образования в Узбекистане позволяет сделать следующее обобщение:

– Прием абитуриентов в духовные учебные заведения осуществляется только из числа людей, имеющих обязательное среднее образование. Во всех религиозных учебных заведениях наряду с религиозными дисциплинами преподаются и светские. Соотношение религиозных и светских дисциплин составляет 60:40.

– Во всех средних специальных исламских учебных заведениях по блоку «общие дисциплины» преподаются родной язык и литература, иностранные языки, история Узбекистана, философия, основы духовности, основы государства и права, обществоведе-

ние, педагогика, психология, география, физика, химия, астрономия, биология, математика, информатика.

– В блоке «специальные дисциплины» студенты изучают историю религий, арабский язык, историю ислама, теологию, мусульманское право, хадисоведение, тажвид, тафсир.

– Студентов духовных учебных заведений обучают также народным ремеслам и полезным профессиям, таким как резьба по дереву, художественный орнамент, золотошвейное дело, ковроткачество, каллиграфия, кройка и шитье и др.

– Исламские учебные заведения имеют собственные библиотеки, в которых в общей сложности хранятся 32 тыс. экз. религиозной, научной, политической, духовно-просветительской литературы, учебники и учебные пособия.

– Уделяется большое внимание использованию технических средств обучения, укрепляется материально-техническая база учебных заведений. В каждом учебном заведении созданы компьютерные классы, в которых студент овладевают современной компьютерной техникой.

– В целях дальнейшего совершенствования методов образования, усиления отдачи от учебного процесса налажена переподготовка педагогических кадров, которая осуществляется на курсах повышения квалификации, организованных при Ташкентском исламском университете, где преподают видные богословы, компетентные ученые, профессора и деятели науки.

– Во всех медресе преподают специалисты, имеющие религиозное высшее образование и понимающие необходимость воспитания в молодых людях религиозной толерантности. Светские науки преподаются лучшими специалистами государственных учебных заведений. Выпускники медресе работают в религиозных организациях, а также в государственных учреждениях, где имеется потребность в кадрах с религиозным образованием.

Рассматривая исламское образование в Узбекистане, можно сказать, что в исламских средних специальных учебных заведениях преподается истинная, миролюбивая, толерантная суть ислама, а Управление мусульман Узбекистана (УМУ) находится на пути восстановления былой славы Среднеазиатского региона как теологического центра, традиционно пропагандирующего толерантный, миролюбивый ислам.

*«Проблемы становления и развития мусульманского образования на постсоветском пространстве»,
М., 2009 г., с. 94–108.*

В. Аватков,
востоковед
**РОЛЬ ТУРЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Сегодня Турция занята решением внутривосточных проблем, связанных со вступлением в ЕС и европеизацией. Уставшая Россия, казалось бы, хоть немного может передохнуть и собраться с мыслями, понять, куда мы идем и что нам нужно, расставить новые акценты во внешней политике. Однако турки не позволяют нам это сделать, ведут весьма сбалансированную и хитрую внешнюю политику, такую, что руководство нашей страны должно быть все время начеку. Кавказ и Центральная Азия всегда были регионами столкновения геополитических интересов Турции, Ирана и со времен Ивана Грозного – России. Время идет, международная шахматная партия постоянно усложняется, на арене появляются новые игроки, происходит постоянное балансирование системы, равновесие строится и вновь разрушается. В этих условиях регион Центральная Азия, название которого уже говорит само за себя, не может находиться вне мировых процессов, втягивается в сложную геополитическую игру крупных держав. Если посмотреть на позиции России, Ирана и Турции в Центральной Азии и на Кавказе с точки зрения исторической, то можно понять, что уже с XVI в. для всех трех стран регион был зоной повышенных интересов, а следовательно – ареной дипломатических и военных столкновений. Причем изначально Россия была недооценена Ираном и Турцией, которые в борьбе между собой не замечали ничего, пытались просто-напросто разделить территорию.

Первым из вышеописанного геополитического треугольника возраставшую роль России распознал Иран. Именно он стал искать союза с Москвой для борьбы с Османской империей. Россия отвечала взаимностью, но все же старалась балансировать между обоими региональными игроками. Более того, когда в Иране на смену сильному правителю приходил слабый, Москва с радостью нарушала сложившийся баланс и вторгалась в зону интересов Персидского государства. Правда, с восстановлением сильной власти в Иране, Россия вынужденно отодвигала границы назад, однако это было до поры до времени. Во времена империи благодаря своей мудрой дипломатии и военной силе Российское государство утвердилось в Центральной Азии и на Кавказе. Однако Османская империя с этим смириться не могла, вследствие чего государства

постоянно находились в состоянии войны. Двадцатое столетие стало бурным веком для Центральной Азии и Кавказа. Две мировые войны, распад Османской и Российской империй, создание светской Турции, образование СССР и его развал явились непростыми вехами истории региона. Распад СССР оказался неожиданным для большинства центральноазиатских и кавказских республик и привел к серьезной дестабилизации их внутреннего положения, поставил их перед сложным внешнеполитическим выбором. Глава Казахстана Н. Назарбаев даже призвал своих среднеазиатских соседей объединиться в самостоятельный альянс в качестве противовеса участвовавшим в беловежской встрече трем славянским республикам.

Лидеры новых государств слабо представляли, в какую им сторону идти. Даже Назарбаев, призывавший, как сказано выше, в первые дни после распада СССР к союзу, не отличался последовательностью, показывал готовность идти на активнейшее сближение с Западом, неоднократно намекал на желание его страны вступить в различные мировые организации. В этой связи интересно мнение одного из единственных серьезных западных исследователей, кто брался в то непростое время профессионально интерпретировать поведение центральноазиатских республик. Американский профессор Кемаль Карпат утверждал, что основной целью новообразованных республик должна стать борьба за полную независимость, единственную угрозу которой представляет Россия. По его мнению, Назарбаев активно выступал за создание СНГ прежде всего для того, чтобы не разозлить своего северного соседа.

После развала СССР на постсоветском пространстве образовался своеобразный вакуум, который, как известно, не может долго существовать, вскоре заполняется если не одной, то другой силой. Существенное влияние на развитие центральноазиатских, кавказских республик, тюркских субъектов РФ стала оказывать Турция. В борьбу за господство за южные регионы бывшего Советского Союза вновь включился и Иран. Именно в условиях изменения баланса сил, нарушения глобального равновесия, усиления Ирана и Турции, ослабления России на повестку дня вышло то противостояние в Центрально-Азиатском и Кавказском регионах, которое было характерно для трех держав на протяжении истории. Однако данное противостояние перешло на другой уровень, стало часто, как ни парадоксально, выражаться в сотрудничестве в виде, например, активного внедрения неправительственных и правительственных организаций, засылке специалистов в сферу образо-

вания и религии, в развитии культурных и не очень культурных связей.

Дело в том, что старый геополитический треугольник видоизменился. Теперь Россия стала слабым звеном, в начале 90-х полностью ориентировалась на Запад. Реакция России на крупнейшие в новейшей истории геополитические изменения была явно несоответствующей той скорости, с которой она утрачивала свои позиции в Средней Азии, в Закавказье. Руководство Российской Федерации было занято достижением своих целей, страна была в кризисе, не могла оправиться после развала Советского Союза. Запад же, как и многие восточные страны, считал, что одержана победа. Эйфория не позволяла политикам трезво взглянуть на вещи, осознать, что развал Советского Союза не только плюс для них, но и огромный минус. Турецкие дипломаты даже позволяли себе напрямую заявлять, что уничтожение СССР стало «концом двухвекового кошмара». Должно было пройти время, чтобы в мире осознали: развал СССР стал большой геополитической трагедией, последствия которой видны и по сей день.

Роль Советского Союза в развитии Центрально-Азиатского региона нельзя недооценивать. Благодаря объединению республик в единое государство, они получили доступ к общим благам, смогли выступать на мировой арене совместно (как единая, сильная, непоколебимая держава), получили возможность развиваться, тянуться друг за другом. Соревновательный аспект в советских республиках позволял двигаться вперед намного быстрее. Энтузиазм толкал вперед. Однако условия жизни народа отставали от западных, что не могло не влиять на людей, учитывая активность Запада в гуманитарных вопросах.

Турция прекрасно понимала, что происходило с Россией, более того – принимала активнейшее участие в различных процессах, протекавших в нашем государстве, явно надеялась получить свою долю наследства «больного человека». И действовать Турецкая Республика начала еще тогда, когда почувствовала – историческое время Советского Союза прошло, наступает новый век, в котором у турок появляется шанс расширить свою сферу влияния и добраться до месторождений газа и нефти – до того источника, который им жизненно необходим. В рамках своей продуманной внешней политики Турция стала активнейшим образом проникать в Центральную Азию и Закавказье сразу на нескольких направлениях, т.е. на политическом, идеологическом и экономическом. При этом турецкое руководство использовало как возможности госап-

парата, так и активно подключало потенциал частного турецкого бизнеса, а также возможности различных общественных, религиозных и политических организаций. В декабре 1990 г. Турция созвала в Стамбуле Международный курултай Туркестана, где в центре внимания оказались «внешние турки». Это был еще даже не первый шаг на шахматной доске тюркских регионов Советского Союза. Это были всего лишь приготовления к долгой игре с непродуманным концом. В 1992 г. Анкара создала Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию (турецкая аббревиатура – ТКА), главной целью которого является координация связей в области банковского дела, а также подготовка государственных служащих и создание компьютерных сетей. В марте 1992 г. во время пресс-конференции Сулейман Демирель заявил, что Турция станет «культурным центром и историческим магнитом для ново-суверенных государств». И после вышеупомянутых мероприятий турки все активнее пытаются внедриться на Кавказ и в Среднюю Азию, так, будто своим историческим имперским нюхом чувствуют: либо сейчас, либо никогда.

Начиная с 1993 г. в Турции проводятся встречи турецких руководителей с главами тюркских государств СНГ, регулярно осуществляются взаимные визиты высокого и высшего уровня для консультаций и совместных внешнеполитических акций. В условиях эйфории от дуновения «свободного» ветра с Запада Закавказье и Средняя Азия решили позаигрывать с турецким хищником, попробовать получить свой кусок пирога с чужого стола, при этом надеясь, что никто за руку не схватит. Горцы даже назвали неоднократно посещавшего Закавказье президента Турции С. Демиреля «отцом Кавказа». 2–3 октября 2009 г. в Нахичевани прошел IX саммит глав тюркских государств, в котором приняли участие президенты Азербайджана, Турции, Казахстана и Киргизии. Туркмения была представлена на уровне заместителя председателя правительства, а Узбекистан отказался от участия в саммите. По словам президента Турции А. Гюля, саммиты представляют собой платформу солидарности и обмена мнениями как по вопросам отношений между тюркскими странами, так и по глобальным проблемам. В своем выступлении на саммите А. Гюль отметил, что сам факт проведения очередного саммита в Нахичевани – в районе, где проходит турецко-азербайджанская граница, имеет символическое значение. Протяженность границы между Турцией и Азербайджаном составляет всего 11 км, однако политическое значение данной границы чрезвычайно велико, поскольку она отра-

жает географическое единство тюркского мира. А. Гюль заявил о том, что принято решение о ежегодном проведении саммитов, и выразил надежду на то, что на следующих встречах состав участников будет более полным. Президент озвучил концепцию развития отношений с тюркскими странами, которой руководствуется Анкара: «Миллионы человек, проживающие на обширном географическом пространстве, чувствуют себя тюрками. В настоящее время в лоне единой нации существуют отдельные независимые государства, каждое из которых успешно развивается. Сотрудничество этих независимых государств на основе взаимного уважения и равенства является естественным правом тюрков». На встрече в Нахичевани было объявлено о создании новой институциональной структуры тюркского сотрудничества – Совета сотрудничества тюркских государств (Тюркского совета) и подписан учредительный договор новой организации. Штаб-квартира Тюркского совета будет располагаться в Стамбуле. После церемонии подписания договора о создании Тюркского совета А. Гюль заявил, что это событие носит исторический характер, поскольку впервые появилась подобная институциональная структура, объединяющая тюркский мир.

Очевидно, что официальная Анкара рассчитывает не только на экономические и политические дивиденды от развития интеграционных процессов в тюркском мире, но также надеется, что участие в общих структурах будет способствовать укреплению связей между тюркскими государствами и усилению чувства тюркской идентичности. Руководство Турции все время акцентирует духовное единство тюрков. Примечательно, что, даже говоря об основных направлениях внешней политики Турецкой Республики, президент Гюль подчеркнул, что в ее основе лежат традиционные ценности тюркизма, присущие всему тюркскому миру, такие как терпимость, добрососедство и взаимное уважение. Это сегодня президент Турции спокойно позволяет себе такое говорить, активно участвует в создании организаций «тюркского мира». А еще недавно, в 90-е годы XX в., у России был шанс удержать происходящее в своих руках, резко развернуть события в свою пользу. Однако руководство государства продолжало свою политику отстранения, не поддерживало русских в тюркских регионах бывшего Союза, фактически стояло с протянутой рукой и смотрело на Запад, в то время как Восток оказывался все дальше позади, на непреодолимо большом расстоянии. Огромный корабль плыл в соответствии с любимым русским правилом – «на авось».

Под влиянием дипломатических успехов в 1992 г. президент Турции Т. Озал провозгласил XXI в. «веком Турции», а С. Демирель не стеснялся открыто говорить о «турецком мире от Адриатики до Великой китайской стены». В наиболее концентрированной форме характер отношений Турции с целым рядом республик СНГ выразил министр Турции по связям с тюркоязычными республиками СНГ А. Чей. Он заявил, что «Турецкая Республика – преемница великой Османской империи» и должна создать союзное объединение с Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном даже ценой резкой конфронтации с Россией. После таких фраз попытки многих, как в нашей стране, так и за рубежом, закрыть на происходящее глаза кажутся чудовищными ошибками или наивными попытками спрятать огромные нацеленные на нас ракеты за мелкими листиками травы.

Важно подчеркнуть, что сегодня политика Турции видоизменилась. Многие вещи, ранее говорившиеся открыто, уходят в тень. Что можно объяснить, во многом, приходом в начале XXI в. к власти Партии справедливости и развития, прикрывающейся исламом, но кормящейся из Америки. Руководство Турецкой Республики понимает: в краткосрочной перспективе сложно претворить в жизнь идеи о создании новой тюркской империи на основе «старшебратства» Турции, как это позиционировалось на многих конференциях тюркских республик, например, на Анатолийской 1992 г. Связано это не только с нежеланием тюркских народов бывшего СССР быть младшими братьями, но и с теми широкими связями, которые существуют у среднеазиатских и кавказских республик с Россией. В этих условиях Турция делает ставку на будущее: внедряет свои образовательные, религиозные учреждения в республиках бывшего СССР.

По Конституции Турция является светским государством, однако ислам на протяжении истории был и остается неотъемлемой частью турецкого этноса. Несмотря на проведенные в 20-х годах XX в. основателем Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком реформы, ислам так и не ушел из жизни простых людей, существовавшие в стране исламские секты (тарикаты) просто-напросто временно ушли в тень, ожидая того дня, когда вновь смогут вернуться и открыто заниматься своей деятельностью. Сегодня одним из наиболее острых вопросов в Турции является совместимость политики и религии. В турецкой политической элите все чаще появляются люди, состоящие в различных исламских ор-

ганизациях. Турецкое правительство реализует программы в области религиозного обучения. Стараясь поднять религиозное самосознание студентов и школьников, турецкое правительство выделяет большие средства на строительство и восстановление мечетей и организацию при них религиозных школ. В сфере исламского образования и воспитания наиболее активно выступают религиозная секта суфийского толка «Нурджулар» и ее глава Фетхулах Гюлен. Только на Северном Кавказе свободно функционируют порядка 30, а в странах СНГ – более 200 лицеев, связанных с вышеназванной организацией. Организации исламского толка намеренно внедрялись и внедряются на территорию бывшего Советского Союза. У них существуют свои фонды и печатные издания. Газета «Заман» – яркий пример издания исламского толка (так называемый осовремененный («былымлы») ислам).

Одно время турецкое правительство в принудительном порядке отправляло в Центральную Азию специально отобранных людей из состава Министерства по делам религии. Целью их деятельности явилось распространение «современного, прогрессивного ислама». Ф. Гюлен так охарактеризовал главную задачу «своих» школ: «Наши школы являются миссионерскими, как другие миссионерские школы европейцев и американцев. Наша цель – выполнять миссионерскую деятельность и подготовить подходящие условия для создания турецкого лобби, и обучать госслужащих». Недавно на совещании МИД Турции было отмечено, что школы Ф. Гюлена в странах Центральной Азии и Азербайджана играют позитивную роль. В то же время Совет национальной безопасности Турции воспринимает его деятельность как вызов секулярному режиму страны. Сегодня Гюлен не появляется в Турции, находится преимущественно в США. Почетная ссылка не мешает ему публиковаться в известнейших мировых журналах, распространять свое влияние, прикрывать свой американизированный ислам близкими русскому этносу идеями терпимости и братства.

Факт исламского обучения не всегда однозначно воспринимается в тюркских республиках. Именно этим можно объяснить реакцию президента Узбекистана И. Каримова, который приказал всем узбекским студентам (а их было около 2 тыс.), обучавшимся в Турции, вернуться домой, после того, как был проинформирован о том, что некоторые из них попали под влияние одной из радикальных исламских групп в Турции. Уместно привести слова бывшего президента Турции С. Демиреля, прозвучавшие на VIII тюркском саммите в Астане. «Именно образованная, знающая

самые современные технологии молодежь сможет обеспечить тюркским странам ведущие позиции в XXI в. – веке конкуренции геополитических центров». Продолжая свою мысль, он добавил: «Наша цель – не только написание новой истории наших народов, но и восстановление прежней».

На этом фоне обращает на себя внимание продолжающееся фактическое отсутствие российско-турецкого сотрудничества в евразийском направлении. Подписанный в ноябре 2001 г. руководителями внешнеполитических ведомств двух стран «План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии (от двустороннего сотрудничества к многоплановому партнерству)» выполняется не полностью. В то же время продвижение и реализация этого Плана могут не только способствовать развитию регионального сотрудничества, выгодного всем сторонам процесса интеграции, но и стимулировать инвестиционную активность российских предприятий и организаций в Центральной Азии и Закавказье. Получается, что Россия и Турция толком не выработали до сих пор правила игры в южных регионах бывшего Советского Союза. Ситуацию необходимо менять как можно быстрее. Россия не может и не должна полагаться лишь на личные контакты президентов и премьеров, которые в последнее время участвовали. Пора подвести под это соответствующую правовую базу и следовать ей неукоснительно. Пришло время твердо заявить, что Россия более не сосредотачивается, она выздоравливает, уже твердо стоит на ногах и будет отстаивать свои интересы, прежде всего, в странах, с ней соседствующих. В этой связи привлекают особое внимание прошедшая 2 апреля 2009 г. в Штаб-квартире Международной организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства (TURKSOY) встреча ее генерального директора Дюсена Касеинова с представительной российской делегацией в составе директора Департамента по связям с субъектами Федерации, парламентом и общественными объединениями МИД РФ Валерия Кеняйкина, Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Турецкой Республике Владимира Ивановского, советника Посольства РФ в Турецкой Республике Александра Колесникова, главы Представительства Республики Татарстан в Турецкой Республике Радика Гиматдинова. В рамках переговоров Россия показала, что не намерена стоять в стороне. Обсуждались вопросы, связанные со вступлением Российской Федерации в Международную организацию на правах страны-наблюдателя. Стороны сделали совместные шаги

по упорядочению участия субъектов РФ в TURKSOY. Представляется важным, что пусть пока и декларативно, но все-таки генеральный директор TURKSOY Дюсен Касеинов заявил следующее: «TURKSOY в своей деятельности по изучению, сохранению и популяризации культуры и искусства тюркоязычных народов мира не преследует никаких политических целей, руководствуется приоритетностью культурного многообразия гуманитарного наследия человечества, не вмешивается во внутренние дела членов Организации». Касеинов также заявил, что популяризация культуры тюркоязычных народов России полностью соответствует Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной ее президентом Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. Иными словами, турки сегодня уже не могут не считаться с интересами России, пытаются более взвешенно подходить к решению региональных вопросов и не идут на прямую конфронтацию с РФ, однако от своих долгосрочных планов не отказываются, да и вряд ли откажутся...

Иран же в 90-х годах осторожничал. Для него распад Советского Союза не явился событием, которому можно было с искренней улыбкой на лице аплодировать. Геополитические изменения могли затронуть и Иран, на территории которого проживает большое количество азербайджанцев. ИРИ стала проводить активную политику только в Таджикистане, начала аккуратно выстраивать свою линию и в отношении Узбекистана и Туркмении. Развивая деятельность в Центральной Азии, Иран следовал и следует своей внешнеполитической концепции «экспорта исламской революции», что не является простой задачей в условиях сложных отношений суннитов и шиитов. ИРИ сумела создать в регионе сеть культурных центров, вложив немало денег в различные местные проекты, однако практически во всех сферах сотрудничества сегодня Иран явно отстает от Турции, да и от пробуждающейся России.

На сегодняшний день на Кавказе и в Центральной Азии действуют не только Иран, Россия и Турция. Теперь данный регион стал особо привлекательным для США, которые не прочь разместить свои базы между Китаем, РФ и Афганистаном. Америка внимательно следит за поведением всех игроков на Кавказе и в Средней Азии, активно вмешивается в происходящее, проверяет почву, реакцию России (в случае с августовскими событиями 2008 г., например), да и Турции и Ирана. Более того, и Китай, и ЕС включились в борьбу за богатый ресурсами район.

В этих условиях Россия и Иран все больше консолидируют усилия, с ними во временный «брак по расчету» явно хочет всту-

пить и Китай. Турция, наблюдая за протекающими процессами, видит угрозу своим желаниям и мечтам, связанным с Центральной Азией и Кавказом, предпринимает немало попыток по сближению с Россией, но не может ничего изменить, будучи связанной по рукам и ногам натовскими соглашениями и американскими глобализаторскими проектами.

При анализе современных процессов в Центральной Азии и Азербайджане необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, это история. Здесь пока что Россия находится в победителях, так как указанный регион на протяжении веков входил в состав Российского государства, во многом «обрусел». Во-вторых, это религия. Данный фактор явно дает преимущество Турции, которая давно распространила свои тарикаты в Центральной Азии и на Кавказе. В-третьих, это этническая принадлежность. Тут Иран и Турция делят регион пополам: какие-то народы принадлежат к тюркской ветви, какие-то – к персидской. В-четвертых, это экономические связи. Несмотря на то что Россия еще сохраняет многие советские цепочки, является приоритетным партнером для центрально-азиатских и кавказских республик, сегодня на их рынках практически свободно действуют как Турция, Иран, так и США.

Вышеперечисленные факторы не должны упускаться из внимания руководства России, они не могут не учитываться при стратегическом планировании. Особое внимание сегодня необходимо уделить именно стратегическому планированию, выстраиванию новых приоритетов и созданию обновленного фундамента российской политики в Центральной Азии. Учитывая существующую обстановку в мире, Россия основное внимание сейчас должна уделять укреплению собственного суверенитета, своей государственности. Однако рано или поздно Россия (если ее не развалят или она сама не развалится) проснется окрепшей и полностью независимой, начнет активнейшим образом распространять свое влияние в Центральной Азии. Именно тогда-то и проявится та многовекторно-непостоянная политика, которую вело наше государство в последние годы в отношении региона. И лучше, чтобы уже сегодня произошла корректировка, начали устанавливаться относительно постоянные принципы поведения. Тогда в будущем мы сможем пользоваться сложившейся базой. Будущее, не стоит этого забывать, создается сегодня.

Так какие же приоритеты стоит выстроить России в отношении Центральной Азии? Самой лучшей базой их будет равноправное сотрудничество с учетом национальных интересов. Иными

словами: да, мы равноправные партнеры, но если хотите дружить на равных, то учитывайте и уважайте наши интересы. Это база. Надстройкой же могут стать совместные геостратегические интересы – по принципу использования территории и ресурсов для достижения общей выгоды. Во многом так было в Советском Союзе. Россия поставляла республикам одно, а получала взамен другое. Данный принцип необходимо возродить независимо от того, будут ли государства Центральной Азии суверенными или зависимыми от какой-либо державы. Однако просто возродить существовавшие цепочки было бы глупо. Необходимо двигаться вперед. И теперь – уже совсем по-другому. В прошлом Россию неоднократно критиковали за империалистическое, варварское по отношению к ее окраинам, поведение. В то время как в настоящем Россия преимущественно толкала вперед неразвитые районы, несла прогресс, пыталась, по крайней мере. Да, прогресс в ее понимании. Но разве бывает несубъективный или объективный прогресс?

Сегодня Россия уже не может просто так, ради просвещения, ради всеобщего развития и прочих, какими бы они великолепными ни были, идеалов разбазаривать частицы себя. Не то время. Русский этнос находится в состоянии кризиса и легко может быть уничтожен, поглощен мощными турецким и иранским этносами. Поэтому есть только два выхода – резкое усиление, даже, возможно, экспансия, или продолжение самоуничтожения и, как следствие, распад. В этих условиях, увы или ура, Россия должна заниматься, прежде всего, банальными, земными национальными интересами, а потом уже думать о далеких недостижимых идеалах, о своей мировой миссии. В связи с этим, Центральная Азия представляет для нашей страны особый интерес как с точки зрения экономики, так и с точек зрения политики и культуры. Перспектива развития месторождений нефти и газа, прокладки трубопроводов, по которым могла бы потечь в перспективе столь необходимая вода из Сибири в засушливые районы Азии, – все это не может не привлекать. Более того, если русский этнос переживет кризис, то ему будет необходимо поле для экспансии и развития. Лучшего места, чем Центральная Азия, не придумать. В этом смысле нам необходимо брать пример с Османской империи, грамотно поглотившей, вобравшей в себя большую часть черт завоеванных народов, владевших многовековой этнокультурной информацией. Где сегодня народы, жившие в устье Тигра и Евфрата? Ассимилированы турками. Где церкви и храмы Византии? Либо превращены в мечети,

либо медленно разрушаются, брошенные всеми. Почему сегодня простые турецкие дома встраиваются в исторические сооружения? Почему турки, проводя экскурсию в древнейшем поселении мира, Каппадокии, говорят, что в заброшенных в скалах храмах IV–VI вв. н. э. лики святых были перечеркнуты бежавшими христианами, а не турками? Потому что от прошлого должна оставаться только та правда, которая выгодна государственному делу, потому что память – сильнейшее оружие, которым необходимо управлять.

В последнее время эксперименты с памятью и принципами международного права ставятся над Кавказом. Как бы мы себя ни тешили иллюзиями, Турция все так же является союзником США, следует в лоне их политики тотальной глобализации, все так же стремится вступить в ЕС и произвести европеизацию своих стандартов. Поэтому и в курдском, и в армянском вопросах произошли подвижки, гордо названные правящей партией ПСР «прорывом». Однако реального прорыва пока не произошло. На курдском фронте – одни обсуждения, на армянском – подпись под неработающими протоколами, которые вступят в силу лишь после ратификации парламентами Турции и Армении (кстати, это еще большой вопрос, произойдет ли ратификация или нет). Что касается августовских событий в Южной Осетии (2008), то тут у Турции (не привыкшей к таким жестким действиям России) произошел шок. Какое-то время Турецкая Республика даже не пропускала американские корабли. Сложно сказать, растерявшись или для демонстрации того, что она – хозяйин Черноморских проливов. Но лед сдвинулся. И геополитические позиции стран на Кавказе изменились, причем впервые после распада СССР – в пользу России. Лед сдвинулся не только на Кавказе. Крупные геополитические подвижки грядут и в Центральной Азии. России необходимо полностью проснуться, а не смотреть уныло в прошлое.

Центральная Азия – место сосредоточения интересных, неповторимых народов, место малоисследованное, развивающееся по своим законам, порой непонятным даже местным жителям, редко размышляющим о глобальных вопросах и занятым преимущественно повседневными проблемами. Именно это сочетание бытовых вопросов с вопросами философии, глобальными воззрениями и представляет интерес для русского этноса, характеризовавшегося на протяжении истории мудростью и при этом незаботой о себе.

С точки зрения политической интересен опыт развития центральноазиатских стран после развала СССР. Так, Туркменистан,

сохранив жесткую централизованную власть, усилив тоталитарный контроль за деятельностью своих граждан, сумел не только сохранить темпы развития, но во многих отраслях увеличить их. Медленно избавляясь от огрехов советского прошлого, Туркмения строит общество будущего, сопоставимое по многим параметрам с китайским. Уничтожая память о плюсах СССР руководство Туркменистана переносит эти плюсы себе в заслугу, завоевывая уважение одних граждан и ненависть других.

Сегодня существуют вопросы, в которых Россия могла бы протянуть руку Туркмении, повысить свой авторитет. Так, вопросы транспортировки энергоресурсов, прогресса, просвещения, сокращения бедности и развития науки крайне актуальны для обеих стран. В них-то сотрудничество и можно развивать. Но на Туркмению, естественно, смотрит не только Россия. В этой связи интересны действия Ирана, Турции и США. В сложившихся условиях, учитывая долгосрочную перспективу, нельзя не учитывать столкновение Ирана и США, превращение Ирана в сверхдержаву. На столкновении двух держав с радостью сыграет Турция. Но и Россия не может стоять в стороне. В отличие от Турции, внутренняя ситуация в которой весьма сложная, Россия создает жесткую централизованную власть, непоколебимую и подкрепленную безразличием, политической апатией народа. В этих условиях Россия имеет больше преимуществ, в состоянии перегнуть всех своих соперников. Но для этого нужна воля, нужна жесткая и уверенная политика. Нужно сплочение этноса, пробуждение и желание народов России идти вперед.

* * *

В заключение хочется отметить, что Россия, Иран и Турция на протяжении веков осуществляют борьбу за Кавказский и Среднеазиатский регионы. С XVII по XIX в. Россия смогла, в целом, выйти победительницей, прежде всего – благодаря мудрой, твердой и порой хитрой политике как в верхах, так и на местах. В начале XX в. налицо постепенное ослабевание позиций России, однако с образованием СССР делается новая попытка консолидировать Кавказский и Среднеазиатский регионы в единую с русскими общность. Сегодня на карте уже нет Советского Союза. После такой крупной геополитической трагедии равновесие в Евразии не восстановлено и по сей день. В условиях продолжающейся экспансии Турции и Ирана на Кавказ и в Центральную Азию Россия не может стоять в стороне, должна выработать новую долго-

срочную политику в отношении стран бывшего СССР, использовать все рычаги пропаганды, проявлять мудрость и гибкость. Только сильная Россия может сохраниться как держава, способная вновь привлечь на свою сторону центральноазиатские и кавказские республики и выйти победительницей в сложной геополитической игре, разыгранной в регионе Турцией, Ираном, Китаем и США.

«Кавказский сборник», М., 2010 г., с. 335–346.

А. Кудрявцев,

востоковед

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕГО ФАКТОРА НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

Пытаясь играть роль геополитического регионального лидера, Исламская Республика Иран вынуждена постоянно сверять свои внешнеполитические устремления с внутривнутриполитическими тенденциями. Иногда ей это удается, иногда внутренняя политика входит в противоречие с внешней, или, напротив, внешняя оказывает негативное воздействие на внутривнутриполитические события. Самым важным внутривнутриполитическим событием, вызвавшим широкий международный резонанс, стали очередные президентские выборы, прошедшие в Иране 12 июня 2009 г. Они показали не только реальную расстановку политических сил в стране, но и продемонстрировали особенности национальной иранской политической культуры, а также качество политических институтов власти.

Еще со времен исламской революции 1979 г. в Иране духовенство страны стало играть одну из ведущих ролей в управлении государством. Поэтому любой иранский политик вынужден в первую очередь считаться не столько с мнением общественно политического большинства, сколько с мнением «духовного меньшинства», т.е. элиты духовенства. Столкновение финансовых и экономических интересов высшего духовенства Ирана остается главной движущей пружиной выступлений оппозиции и политического вектора «партии власти». Уровень политической конфликтности внутри иранских элит отражает степень их причастности к тем или иным элитным группировкам местного духовенства. Поэтому большая часть политического процесса оказывается не в публичной сфере, а в области закулисных переговоров между про-

тивоборствующими лагерями. Лишь крупные политические события, как, например, президентские выборы, могут вывести конфликт из области теневой политики в сферу публичной практики и показать реальную расстановку сил в стране и на политическом Олимпе.

Следует особо подчеркнуть, что исламская демократия обладает своими специфическими чертами и имеет ряд отличий от традиционной «классической» западной демократии. Аналитики указывают, что «политическую систему Ирана можно назвать демократической в жестких рамках исламских канонов. И в этих рамках могут происходить определенные демократические процессы» (14, с. 3). Особенно это было заметно при президенте Мохаммаде Хатами, но в президентство М. Ахмадинежада пошел обратный процесс – ростки свободы начали подавляться и насаждаться авторитарные средства политического управления. В результате выборы стали единственным средством выражения народного политического мнения, и события, происшедшие в ходе выборов и вокруг их итогов, стали знаковыми для внутренней и внешней политики Исламской Республики.

На пост президента первоначально были выдвинуты сразу 475 человек, в том числе 42 женщины. Однако главными претендентами являлись лишь двое: Махмуд Ахмадинежад (действующий президент) и Мир Хосейн Мусави (президент Академии искусств), «консерватор-фундаменталист» и «реформатор». Другие значимые кандидаты – Каруби и Резаи тоже относились к разным политическим лагерям и могли оттянуть часть голосов у главных кандидатов. Единственное, что объединяло всех претендентов, – это тема будущего ядерной программы Ирана, которая была начата еще при правительстве Мусави (который обещал ее сделать более открытой для конструктивного сотрудничества с МАГАТЭ).

Электоральная опора М. Ахмадинежада – это сельские жители и городская беднота. Этим людям импонирует воинственная риторика президента и то, что он вывел Иран в региональные лидеры («боятся – значит, уважают»). М. Ахмадинежад уже успел войти в политическую историю как политик, способный делать шокирующие мировое сообщество провокационные заявления, как «несговорчивый», «бескомпромиссный» борец с американским империализмом, а для Запада он стал портретным символом «стержня оси зла». Этот свой имидж он успел создать за первый срок своего президентства. Второй, если станет логическим про-

должением первого, не сулит ничего хорошего для ирано-американских отношений.

Противники президента в основном живут в городах – это студенты, интеллигенция, мелкие бизнесмены, которые считают, что президент проводит бездарную экономическую политику, и им не по нраву слишком жесткие исламские порядки. На волне протестного движения духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи приказал расследовать нарушения на избирательных участках, что стало явной уступкой оппозиции. Электорат Мусави составляют в первую очередь городские средние слои, которых в Иране называют словом «базар» (торговцы, предприниматели, ремесленники), а также представители интеллигенции и студенческая молодежь (т.е. наиболее грамотная и продвинутая часть общества, которая понимает, что первоначальный дух исламской революции во многом себя изжил). Они недовольны засильем верхушки духовенства, строгими пуританскими обычаями, деятельностью полиции нравов и предпочитают, не в пример им, мобильные телефоны, Интернет, спутниковое телевидение, т.е. технические атрибуты западной цивилизации. Поэтому этим слоям населения хотелось бы более открытого демократического общества (что и дает основание считать их сторонниками реформ). Но в численном отношении электорат Мусави уступал массе простых бедных людей, которые голосовали за Ахмадинежада.

В ходе предвыборной кампании президент М. Ахмадинежад назвал главой заговора и «главным кукловодом» оппозиции аятоллу Али Акбара Хашеми-Рафсанджани (бывшего президента Ирана в 1989–1997 гг.), который «после исламской революции сделал себя и членов своей семьи миллиардерами». Рафсанджани возглавляет подконтрольный ему Совет по определению политической целесообразности, в который входят 86 высших духовных лиц. Однако духовный лидер Ирана аятолла Хаменеи, напротив, поддерживает действующего президента М. Ахмадинежада. Таким образом, предвыборная кампания в Иране выглядела не столько как столкновение «консерваторов» и «реформаторов», сколько как противоборство двух политических лагерей, связанных с высшим духовенством страны. И это противостояние религиозных элит имеет непосредственное отношение к распределению власти и контролю над наиболее доходными отраслями Ирана.

Активность избирателей была рекордно высокой: проголосовали 85% из 46,2 млн. иранских избирателей. Победу одержал действующий президент Ирана М. Ахмадинежад, получивший

63,6% голосов. Его главный соперник, бывший премьер и представитель лагеря «реформаторов», Мир Хосейн Мусави (бывший соратник аятоллы Хомейни) – всего 33,75%. Оппозиция сразу же обвинила власти в фальсификации выборов и призвала своих сторонников к актам гражданского неповиновения. У демонстрантов, требовавших пересмотра итогов выборов, нет никаких идеологических противоречий с действующим президентом М. Ахмадинежадом, ибо итоги исламской революции 1979 г. никто пересматривать не собирается.

Уже после подведения итогов голосования президент М. Ахмадинежад выступил по телевидению и назвал выборы «абсолютно свободными» и «великой победой». И хотя независимых наблюдателей на выборах не было, но впервые за всю 30-летнюю историю Исламской Республики Иран в ходе выборов прошли теледебаты: шесть прямых эфиров продолжительностью 90 мин. с участием всех кандидатов. Сами иранские власти признали выборы демократическими и открытыми и категорически отвергли все обвинения в фальсификации их итогов. Официальный Тегеран утверждал, что нарушения, допущенные в ходе голосования, о которых говорила оппозиция, не оказали существенного влияния на конечный результат выборов и победа М. Ахмадинежада выглядит более чем бесспорной.

Духовный лидер Ирана аятолла Сейед Али Хаменеи в своем телеобращении однозначно поддержал президента М. Ахмадинежада, заявив, что результаты выборов – это «божественное определение», «настоящий праздник». Он также поздравил «всех иранцев с этим огромным успехом» и сказал, что только враги пытаются «похитить всю сладость праздника своими провокациями». Аятолла Хаменеи подтвердил, что итоги выборов носят окончательный характер и пересматриваться не будут. Оппозиция тут же обвинила аятоллу в политической «ангажированности» и в том, что он не сумел остаться над политической схваткой за власть (М. Ахмадинежад называл духовного лидера Ирана аятоллу Хаменеи «своим отцом»).

Лидер оппозиции М.Х. Мусави заявил, что он не смирится с такой манипуляцией. «Те результаты, которые выдали власти, это не что иное, как подрыв священных устоев Исламской Республики Иран, показатель того, что нами правят ложь и диктатура». После этого заявления его сторонники вышли на улицы иранской столицы. В Тегеране произошли масштабные столкновения тысяч сторонников оппозиции с полицией – такого столица не видела со

времен исламской революции 1979 г. В ответ на это власти арестовали более 100 представителей «реформаторов», включая брата бывшего президента страны М. Хатами. Политические наблюдатели сразу же заговорили о том, что президентские выборы в Иране раскололи иранское общество. По мнению Мусави, победа Ахмадинежада угрожает появлением в Иране «нового деспотического режима».

Действия демонстрантов внешне очень напоминали ход «цветных революций»: агрессивные манифестации, давление на власть и требования встать на путь переговорного процесса. Представители «Исламского фронта участия Ирана» и «Исламской революционной организации моджахедов» сжигали портреты главы государства и забрасывали камнями полицию. Так, только 20 июня 2009 г. противостояние демонстрантов с полицией завершилось арестами 457 человек (среди них Фаезех Рафсанджани, дочь бывшего президента страны Хашеми-Рафсанджани и четыре человека из ее семьи), около 40 полицейских получили ранения. По неофициальным сообщениям, за двое суток погибли 19 человек. После начала волнений в Тегеране были отключены большинство сотовых телефонов, а также Интернет сети YouTube и FaceBook. Сам М. Ахмадинежад считал, что эти протесты ничем не отличаются от бесчинств футбольных болельщиков. В ответ на эти действия оппозиции сторонники М. Ахмадинежада провели в Тегеране «марш единства» в поддержку своего кандидата. Он завершился многочисленным митингом на одной из центральных площадей Вали Аср. Участники манифестации скандировали лозунги, осуждающие «вмешательство стран Запада во внутренние дела Ирана» и его попытки пошатнуть правящий режим. Оба политических лидера (М.Х. Мусави и М. Ахмадинежад) продолжали и после объявления итогов президентских выборов обвинять друг друга. При этом ни один не был в состоянии доказать свою правоту – победивший (М. Ахмадинежад) требовал от своего соперника доказательств того, что выборы были подтасованы, так как, по его словам, голосование проходило абсолютно честно. Проигравший (М.Х. Мусави), напротив, во всем винит сторонников действующего главы государства, но конкретных сведений о махинациях с бюллетенями не предоставил, а ограничился лишь публичными заявлениями. Полемика между бывшими кандидатами на президентский пост сводится к одному: кто убедительнее объявит о своем успехе. В качестве ответа на уличные беспорядки президент Ирана собрал многотысячный митинг, в ходе которого назвал сво-

их противников «злыми вурнами». После начавшихся волнений Совет хранителей Конституции согласился провести повторный пересчет голосов. Процедура коснулась лишь бюллетеней с тех участков, о нарушениях на которых сообщали кандидаты. Мусави заявил, что для устранения фальсификаций и справедливого волеизъявления иранского народа необходимо проведение нового голосования.

Практически сразу же после выборов (16 июня) президент Ирана М. Ахмадинежад прибыл в Екатеринбург для участия в саммите государств Шанхайской организации сотрудничества. Этот визит иранского лидера стал его первой зарубежной поездкой с момента переизбрания на пост главы государства. Этой организации во внешнеполитических замыслах Тегерана отводится важная роль: Иран очень хочет стать полноправным членом ШОС, поскольку у Ирана есть экономические интересы на центральноазиатском направлении: в энергетике, транспорте и торговле. Сдерживая, с одной стороны, демонстрации протеста внутри страны, власти Ирана, с другой стороны, обратили свои взоры на внешних врагов и обрушились с критикой на западные правительства и СМИ, обвинив их в поддержке «распространения анархии и вандализма». МИД Ирана заявил, что действия Запада по поддержке протестующих против результатов президентских выборов в Иране носят «антидемократический характер». Работающие в Иране телерадиокорпорации Би-би-си и радиостанции «Голос Америки» являются «рупором дипломатии своих правительств» и делают все возможное для «активизации расовых и этнических разногласий в Иране» и «дезинтеграции иранского народа». В июне 2009 г. иранские власти задержали девять сотрудников британского посольства иранского происхождения по обвинению в причастности к беспорядкам после президентских выборов. Отношения между двумя странами обострились после того, как Иран обвинил Великобританию в раздувании акций протеста, начавшихся в Тегеране после президентских выборов 12 июня 2009 г. Уже в августе 2009 г. два сотрудника посольств Британии и Франции вместе с французским преподавателем К. Рейсс были обвинены в шпионаже, незаконном сборе информации и провоцировании беспорядков. Британский МИД тут же назвал обвинение в адрес своего дипломата «грубым нарушением существующих договоренностей», при этом не раскрывая, какие именно негласные соглашения нарушили иранские власти. Не менее жестко отреагировал и Елисейский дворец. В ответ на эти заявления духовный лидер аятолла Али Хаменеи факти-

чески обвинил Британию в продолжении «колониальной политики» в Иране. Именно Лондон, по мнению иранской прокуратуры, сделал ставку на мягкое расшатывание режима в исламской республике. Однако попытка проведения очередной «цветной революции» (по образцу в Грузии и на Украине) благополучно провалилась.

Начиная с середины июня оппозиционеры проводили многочисленные акции протеста, которые, как правило, заканчивались массовыми беспорядками и регулярными арестами активистов оппозиции, многие из которых были поспешно приговорены к различным срокам лишения свободы. Однако лидеры оппозиции, бывший премьер Мир Хосейн Мусави и экс-спикер парламента Мехди Кярууби, которые проиграли июньские президентские выборы, до конца декабря 2009 г., отказывались признать свое поражение и были намерены и далее продолжать акции протеста. В этой связи М. Ахмадинежад заявил, что «иранский народ видел много подобных маскарадов. Маскарадов, заказанных сионистами, американцами». Именно обвинения в поддержке из-за рубежа (прежде всего США и Великобритании) стали главным тезисом в идеологической борьбе власти и оппозиции в поствыборный период современной политической истории Ирана. По мысли идеологов власти, опасность перед внешней угрозой должна сплотить иранское общество и сгладить наметившийся было в ходе президентских выборов политический раскол Ирана. 5 августа 2009 г. в своей «тронной речи» на инаугурации в парламенте Ахмадинежад сделал ряд новых громких заявлений. Главным посылом его выступления стал тезис о том, что «президентские выборы 12 июня стали началом важных изменений как в Иране, так и в мире». Вместе с тем президент не стал распространяться относительно того, какими средствами он будет «реконструировать» свою страну и планету. По его словам, Тегеран будет добиваться изменения «дискриминирующих механизмов управления миром» и будет и впредь оказывать сопротивление тем странам, которые пытаются оказать на него давление. «Мы будем сопротивляться государствам-угнетателям», – пообещал он стране. Однако все же большую часть своего программно-выступления перед депутатами М. Ахмадинежад посвятил внутриполитическим и экономическим вопросам. В частности решению социальных проблем реализации экономических планов правительства.

Аятолла Аббас Ваез Табаси, который занимает должность представителя духовного лидера ИРИ аятоллы Али Хаменеи в се-

веро-восточной иранской провинции Хорасан, заявил, что лидеры иранской оппозиции заслуживают смертной казни. В конце декабря 2009 г. он утверждал, что «руководители и вдохновители последних событий являются врагами Всевышнего. Для таких лиц, именуемых “мохареб” в нашем законодательстве, основанном на шариате, предусмотрено вполне определенное наказание (смертная казнь)». После президентских выборов 2009 г. оппозиция ушла в тень и консолидируется, вырабатывает новую стратегию в новых условиях. Шли сложные «подковерные процессы – как среди союзников М. Ахмадинежада, так и в стане его противников во главе с М.Х. Мусави. В обоих случаях имеются весьма существенные противоречия, мешающие сторонам договориться на мирной консенсусной основе. В декабре 2009 г. оппозиции вновь удалось организовать и вывести на улицы студенческую молодежь под антиправительственными лозунгами. Центром противодействия прессингу властей стал Тегеранский университет, который давно снискал себе славу главного очага студенческого свободомыслия и уже не раз становился сердцем беспорядков. Именно к его кампусу призывали прийти всех инакомыслящих иранские реформисты, продолжавшие обвинять власти в подтасовке результатов июньских президентских выборов. Участники марша протеста скандировали резкие лозунги, в частности «Смерть диктатору!». Но в целом властям не составило особого труда полицейскими мерами справиться с этой последней в 2009 г. волной протеста разрозненной оппозиции. Эти внутривнутриполитические события нашли весьма неоднозначный отклик в мире.

Сегодня принято считать, что любое сотрудничество с Ираном напрямую ущемляет интересы США. С другой стороны, «уже сейчас в зоне действия иранских ракет находится весь Северный Кавказ и южные области РФ». Поэтому и Россия заинтересована в добрых отношениях со своим южным соседом. Москва предпочитает осуществлять с Тегераном преимущественно «гражданские проекты» (культура, образование, торговля). Сам Иран более интенсивно торгует с Китаем, Японией, странами ЕС. На долю Евросоюза, даже с учетом уже действовавших ограничений, в 2006 г. приходилось 27,8% иранской торговли. Совокупная доля Японии, Южной Кореи и Турции составляет 20% торгового оборота Ирана. Товарооборот с Россией составляет всего лишь 3,2 млрд. долл. в год. Поэтому экономические санкции, на которых столь упорно настаивают США, окажутся для торговых партнеров Ирана катастрофическими (больше всего от санкций пострадает Европа). Рос-

сия тоже в таком случае существенно теряет. С Ираном ее многое связывает. «Надо учитывать и ситуацию в регионе Каспия, и отказ Тегерана от поддержки сепаратистов на Кавказе. Кроме того, Иран – мощный фактор стабильности на Ближнем Востоке, где Россия стремится восстановить позиции». Россия помогает Ирану в освоении мирного атома. Запад настаивает на свертывании этой программы, поскольку видит в ней угрозу: в частности угрозу того, что ядерное оружие попадет в руки террористов, и тогда уже сама Россия может столкнуться с проблемой ядерного терроризма, например, у себя на Кавказе (лидеры чеченских боевиков уже грозили России будто бы имеющейся у них бомбой, но шантаж тогда не удался). Руководители Ирана постоянно заявляли о том, что их страна не намерена создавать ядерное оружие. Более того, аятолла Али Хаменеи назвал ядерное оружие «антиисламским». Тем не менее Запад продолжает настаивать на существующей ядерной угрозе со стороны Тегерана и не намерен отказываться от введенных санкций. Бывший посол Ирана в РФ Мехди Сафари еще в 2000 г. заявлял, что «после победы исламской революции политика нашего государства отличается постоянством и не подвержена конъюнктурным соображениям. Мы стремимся к укреплению мира и стабильности в регионе на основе взаимного уважения интересов входящих в него стран, обеспечения их территориальной целостности... Иран также всегда выступал за невмешательство в дела других стран, уважение принципа их территориальной целостности».

Глава МАГАТЭ Мохаммед аль-Барадей чаще всего занимал по этому вопросу нейтральную позицию, устраивающую как «наших», так и «ваших». Однако МАГАТЭ к явному недовольству США заявляло, что «международные эксперты не располагают информацией о ранее не заявленной ядерной деятельности Ирана, т.е. нет доказательств существования иранской военной программы по обогащению урана». Если Вашингтон, Париж и Лондон всегда критиковали Иран за его излишнюю к ним враждебность, то Пекин и Москва пытались наладить с Тегераном конструктивный диалог и экономическое сотрудничество. Россия предлагала создать на своей территории международный консорциум по обогащению урана, который поставлял бы топливо на иранские ядерные объекты, но без передачи соответствующих технологий. Тогда Тегеран отказался от предложенных услуг, что значительно усилило подозрения в создании им собственного ядерного оружия. Эксперты отмечают, что у Ирана нет достаточных запасов урановой ру-

ды. По подсчетам специалистов, всего имеющегося в стране урана хватит на 5–7 лет работы АЭС в Бушере. В ноябре 2009 г. Иран обнародовал план сооружения еще десяти заводов по обогащению ядерного топлива. Однако эксперты признали, что технически осуществить данный проект в настоящее время Иран самостоятельно не может.

В конце 2009 г. резко обострилась обстановка вокруг ядерной программы Ирана, который отверг предложение мирового сообщества перенести обогащение урана в Россию и Францию. У МАГАТЭ была уверенность, что Иран блефует, потому что его собственные возможности не позволяют самостоятельно осуществлять этот процесс (даже один завод по обогащению урана в Натанзе обходится весьма дорого иранской казне). Президент М. Ахмадинежад отличается воинственной риторикой и уже снискал себе славу непримиримого борца с «западными крестоносцами». Именно при нем Иран бросил самый дерзкий вызов «израильским сионистам» и «большому сатане» из Вашингтона. В плане резкости политической риторики он составил конкуренцию венесуэльскому президенту Уго Чавесу, союзнические отношения с которым сложились в первый срок его президентства. В 2009 г. прессу просочилась информация о том, что Вашингтон проводит тайную операцию с целью саботировать ядерную программу Ирана – пытается вывести из строя центрифуги, использующиеся для обогащения урана, электрические и компьютерные системы Исламской Республики. Специалисты считали, что именно эта секретная программа администрации Буша позволила отсрочить израильскую военную операцию против иранских ядерных объектов.

Еще в 2008 г. Израиль настойчиво запрашивал у Вашингтона мощные бомбы нового поколения, способные проникать в подземные бункеры, а также технику для дозаправки самолетов и разрешение на пролет через воздушное пространство Ирака, контролируемое США. Доводы Тель-Авива, озвученные премьером Израиля Эхудом Ольмертом, сводились к тому, что авиаудары по иранским ядерным объектам, и прежде всего по заводу в Натанзе, позволили бы отбросить иранскую ядерную программу на два–три года назад. Но Вашингтон усомнился в эффективности данного мероприятия и принял в расчет, что такие действия приведут к гораздо более серьезным последствиям (риск дестабилизации ситуации и высылки экспертов МАГАТЭ из Ирана, предупреждения американских военных о потенциальной неэффективности удара

по Ирану, разрастание конфликта в регионе, в который будут вовлечены американские военные).

Еще одним поводом для ужесточения позиции Запада стало испытание баллистической ракеты большой дальности «Саджил-2». Британский премьер Г. Браун отметил, что это «причина для серьезного беспокойства со стороны международного сообщества, дающая повод для дальнейшего продвижения по пути санкций». В ответ на это президент Ирана обвинил США и Англию в том, что их политический курс в отношении его страны направлен лишь на усложнение ситуации вокруг иранской ядерной программы, а не на ее разрешение. Запад активно настаивает на существовании сговора стран «оси зла», и в частности на военных контактах Ирана и Северной Кореи. Военно-научные разработки этих стран вселяют опасность, что в случае успеха их результаты могут оказаться в руках международных террористических организаций, враждебно настроенных в первую очередь к США. При этом Запад отвергает все объяснения этих «стран-изгоев» об их озабоченности соблюдением своей национальной безопасности, как будто национальная безопасность существует только у одних Соединенных Штатов. «Ядерное досье» Тегерана остается в центре внимания западных стран, точно так же, как в начале 2000-х годов в центре их внимания было сфабрикованное Вашингтоном и Лондоном «иракское досье» о наличии у Саддама Хусейна оружия массового поражения (о его фальсификации тогдашний премьер Великобритании Т. Блэр заявил лишь в 2009 г.). В октябре 2009 г. в Вене МАГАТЭ при участии России, Франции и США согласовало новые предложения Тегерану, по которым Иран должен был переправить в Россию до 80% своего низкообогащенного урана (на российских предприятиях его должны были обогатить почти до 20%, а затем переправить во Францию, где предполагалось изготавливать урановые стержни для исследовательского реактора в Тегеране). Такой сценарий, по мнению переговорщиков, гарантировал бы мирный характер иранской ядерной программы и снял все озабоченности. Однако через месяц, в ноябре 2009 г., Тегеран окончательно отверг предложение по обогащению урана за рубежом. Властями Ирана было объявлено о создании на курортном острове Киш в Персидском заливе хранилища ядерного топлива. План МАГАТЭ по ядерной программе Ирана провалился, поскольку Тегеран отказался отдавать уран за границу для дальнейшего обогащения.

Вместе с тем во второй половине 2009 г. несколько осложнились отношения Ирана с Россией. Несмотря на то что Д.А. Медведев одним из первых мировых лидеров поздравил М. Ахмадинежада с победой на президентских выборах (в то время как Запад, ссылаясь на протесты иранской оппозиции, тогда отказывался это делать), Тегеран выразил свое недовольство позицией Москвы по вопросам своей ядерной программы и отказом от поставки в Иран комплексов ПВО С-300 (контракт на поставку пяти дивизионов С-300ПМУ-1 стоимостью 1 млрд. долл. был заключен еще в 2007 г.). Россия приостановила сделку «до прояснения политической ситуации», что связано с сильным противодействием со стороны Израиля и США. Глава парламентского комитета по национальной безопасности и внешней политике Ирана Алаэддин Буруджерди заявил, что если Россия не исполнит свои обязательства по договору, то это будет иметь негативные последствия для отношений двух стран. Наличие такого оружия у Ирана делает абсолютно бесперспективными планы Израиля по нанесению ракетно-бомбовых ударов по ядерным объектам Исламской Республики. Поэтому иранская сторона склонна расценивать решение Москвы как явно недружественный политический акт, продиктованный под явным нажимом Вашингтона и Тель-Авива. В Тегеране прошли антироссийские митинги, на которых Россия впервые за многие годы была названа врагом иранского народа. На сегодняшний момент Иран не успел поссориться только с Китаем. Пекин неизменно поддерживает Тегеран, поскольку серьезно зависит от него в плане поставки энергоносителей (14% потребляемой Китаем нефти идет из Ирана). Срыв этих поставок нанес бы серьезный удар по китайской экономике. «Так что у Пекина есть все основания воспользоваться правом вето при обсуждении санкций ООН против Тегерана». Именно этим и воспользовался официальный Тегеран, выстраивая в будущем свою геополитическую позицию.

* * *

Подводя предварительные итоги, следует сказать, что существующая в настоящее время в Иране политическая система сдержек и противовесов показывает свою эффективность в деле разрешения время от времени возникающих политических конфликтов. В целом ее можно признать относительно демократической, поскольку в ней отсутствуют четкое единоначалие и концентрация власти в каком-либо одном месте. Однако реальной политической

элитой является не формально избранная светская власть страны, олицетворяющая собой государство, а сообщество религиозных лидеров, в непосредственном одобрении которого непосредственно находится официальная политическая элита страны. Многие эксперты склоняются к тому, что набранные в ходе состоявшихся президентских выборов 2009 г. кандидатами проценты – 62,6 (Ахмадинежад) и 33,75 (Мусави) – в целом отражают расстановку сил в иранском обществе, а следовательно, их можно считать вполне демократическими, а волеизъявление народа – свободным. «Политическое расслоение» иранского общества пошло по пути «самоопределения» его социальной стратификации. Так, если официальный лидер оппозиции Мусави выражал взгляды протестного электората, к числу которого относится категория наиболее образованных жителей страны, выступающих за различного рода послабления в общественной жизни, то, напротив, сельские районы и «рабочий класс» поддержали Ахмадинежада – выходца из простой семьи, который за время своего правления сумел провести ряд значимых социальных реформ. Президентские выборы в Иране спровоцировали сведение счетов среди высших чиновников. Последователи покойного лидера исламской революции аятоллы Хомейни, которые управляют многими из фондов, опасаются силовых действий со стороны сторонников нынешнего духовного лидера Ирана Али Хаменеи. Поэтому летом 2009 г. активизировался вывод из Ирана денежных средств (примерно 10 млн. долл.), принадлежащих различным фондам: Фонду Мучеников, Фонду Имама Хомейни и т.п. Деньги поступали в финансовые институты исламских государств Азии и Персидского залива.

Аналитики отмечают, что в международных отношениях «Иран почему-то все время тянет время. При этом никто не знает истинных причин подобной дипломатии. Есть только предположение о том, что ядерная проблематика используется в качестве мощного средства во внутривнутриполитической борьбе в самом Иране... В Иране под предлогом “внешней угрозы” ускорился процесс радикализации режима..., [ибо] все влиятельнее становятся силы, которые выступают за полномасштабную конфронтацию с Западом». Ситуация вокруг президентских выборов в Иране вызвала неоднозначную реакцию в мире. Если российский МИД считал данный вопрос внутренним делом Тегерана и заявлял, что Москва в целом «приветствует сам факт состоявшихся выборов» (Сергей Рябков), то руководство Франции наиболее жестко высказалось по поводу действий иранских властей. Президент Франции Николя

Саркози выразил уверенность в том, что «масштабы фальсификаций» на состоявшихся выборах пропорциональны «насилию в реакции» правительства на мирные акции протеста. И добавил, что «иранский народ не заслуживает такого отношения». При отсутствии точных доказательств фальсификации выборов (а таковых данных так и не появилось в свободной прессе) подобные заявления французского лидера выглядят как неудачное упражнение в политической риторике. Но в самом сложном положении оказался президент США Барак Обама. Глава Белого дома, отстаивая демократические ценности во всем мире, должен был выразить поддержку протестующим и в то же время избежать очередной ссоры с исламским миром, на улучшение отношений с которым он так тогда надеялся. В итоге заявление Обамы получило достаточно обтекаемую формулировку: он не знал, насколько достоверны результаты прошедших выборов, но подчеркнул необходимость уважать выбор избирателей. Тем самым США дали понять иранской оппозиции, что она может не рассчитывать на широкую и активную информационную поддержку Запада – Запад ей не поможет, ибо у Запада на тот момент из-за финансово-экономического кризиса и двух региональных войн (Ирак и Афганистан) были весьма ограниченные средства. Аналитики признают, что действительно набор средств давления на Иран на самом деле весьма ограничен. «Шансов на принятие санкций мало, поскольку их, очевидно, поддерживает Россия, но не Китай. Будучи приняты, санкции могут нарушаться компаниями, заинтересованными в иранском рынке. Если они будут выполняться, их легко обойти при помощи контрабанды. И уж совсем не грозит Ирану судьба Ирака и Афганистана, где завязли воинские контингенты, выделенные НАТО и США для ведения в регионе боевых действий».

Геополитические обстоятельства складываются таким образом, что в ближайшем будущем США так и не смогут добиться ввода жестких санкций в отношении Тегерана, поскольку Россия и Китай в ответ на американское давление активизируют свое сотрудничество с Исламской Республикой за спиной Вашингтона. Но отношения у США обостряются не только с Москвой и Пекином. Главной задачей Вашингтона будет удержать Израиль от проведения самостоятельных рискованных военных операций. Тель-Авив давно старается заручиться поддержкой других участников ближневосточных геополитических отношений, чтобы «ударить» Тегеран в мягкое подбрюшье – его нефтегазовый сектор. Израиль не уверен в том, что Америка сможет помешать иранцам обрести

ядерное оружие, и будет искать понимание у Саудовской Аравии, Кувейта, Омана, ОАЭ – стран, опасющихся роста мощи шиитского Ирана, пожалуй, не меньше, чем израильтяне. Западу следует всерьез задуматься над словами М. Ахмадинежада о том, что «Иран теперь велик и непобедим, и одновременно налицо все признаки того, что все его враги находятся на грани коллапса». Хотя вряд ли эти раздумья смогут привести к пересмотру общей позиции Запада в отношении иранской демократии вообще и ядерного досье в частности.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2009 г., № 4, с. 60–68.*

Дмитрий Тренин,

директор Московского центра Карнеги,

Алексей Малашенко,

доктор исторических наук

СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ И ПАКИСТАНЕ

Администрация Обамы несколько изменила задачи коалиции в Афганистане. Теперь вместо искоренения «Аль-Каиды», разгрома талибов и помощи афганцам в построении современного демократического государства, дружественного Западу, акцент делается на изоляции и ликвидации наиболее радикальных элементов движения «Талибан» при параллельном налаживании диалога с его умеренными представителями и стабилизации обстановки в Афганистане до такого уровня, когда он перестанет быть источником опасности для Запада и движущей силой нестабильности в собственном регионе.

Этот подход, несомненно, более реалистичен. Однако нынешняя стратегия Соединенных Штатов, очевидно ставшая результатом компромисса между различными кругами в правительстве и структурах, обеспечивающих национальную безопасность, остается противоречивой. «Аль-Каида», борьба с которой стала главной причиной военной интервенции США в Афганистане, в основном покинула страну. Считается, что руководство организации находится в Пакистане, а свои операции она проводит с территории других стран, например, Йемена. Хотя «Талибан» по-прежнему поддерживает контакты с «Аль-Каидой», он все же представляет собой афганское, а не транснациональное движение. Коалиционные силы во главе с США, чья первоначальная цель

заклучалась в уничтожении организаторов терактов 11 сентября и тех, кто предоставил им убежище, теперь по сути участвуют в гражданской войне в этой мусульманской стране.

Результатом усилий Запада в сфере государственного строительства в Афганистане стало принятие конституции и создание механизма регулярных выборов. Однако президентские выборы 2009 г. не принесли стабильности. Легитимность власти Хамида Карзая вряд ли укрепилась из-за многочисленных подтасовок в ходе голосования. Парламентские выборы, первоначально запланированные на весну 2010 г., отложены – и для этого есть веские причины. Устойчивой и сильной центральной власти в Афганистане как не было, так и нет. Но такая ли уж это проблема? Децентрализация политического процесса соответствует традициям этой страны, а любая попытка усилить центральную власть немедленно порождает недовольство. Более того, основная проблема в Афганистане связана не с конфликтом между Кабулом и провинциями, а с этническим балансом внутри правительства. И здесь самый интригующий вопрос касается связи между пуштунами, составляющими значительную часть (но не большинство) населения страны, и движением «Талибан».

Положение и перспективы самих талибов остаются неясными. Уже очевидно, что это движение – не аномалия, каковой его считали в середине и конце 1990-х, но способно ли оно стать легитимной политической силой? Превращаются ли талибы в организацию пуштунских националистов, или остаются непримиримыми революционерами-исламистами, или внутри движения существуют обе эти тенденции? Насколько монолитен афганский «Талибан»? Проявят ли талибы сговорчивость в ответ на предпринимаемые теперь Западом попытки завоевать их поддержку или хотя бы согласятся прекратить противодействие? С учетом того, что пуштунские племена живут по обе стороны афгано-пакистанской границы и по сути не признают «линию Дюранда!», проходящую через их территорию, насколько прочны связи между афганскими и пакистанскими талибами? Серьезная разработка любой политической или военной стратегии в Афганистане должна предполагать ответы на эти вопросы.

Помимо проблемы противостояния талибов и Кабула есть еще и противостояние пуштунов с Кабулом, хотя сам президент Карзай – тоже пуштун. От того, будет ли решен этот вопрос, и если да, то каким образом, зависит будущее Афганистана. Это, однако, могут сделать только сами афганцы. Поддержка, которую ока-

зывают и оказывают другим афганским этническим группам (например, таджикам и узбекам) внешние силы – в том числе СССР в прошлом и коалиция во главе с США в настоящем, – лишь вызывает возмущение против иностранцев и тех, кого считают их агентами, в том числе Хамида Карзая. В целом иностранное военное присутствие в стране способствует поддержке афганцами джихада. Необходимо понимать, что в отличие от Ирака, где американские и союзные войска по сути оказались между двух огней в гражданской войне суннитов с шиитами, в Афганистане западные державы стали прямыми участниками внутреннего конфликта, как это было и с СССР в 1980-х годах, и повстанцы воюют против них под знаменем ислама.

Сохраняющаяся неясность относительно политических целей и задач усугубляется недостатком знаний о стране. В результате, как в свое время с Москвой, сегодня афганцы ведут эффективную лоббистскую деятельность в отношении Вашингтона, и американцы рискуют оказаться в положении, когда их местные союзники, подобно пресловутому Ахмеду Чалаби в Ираке, будут манипулировать ими в собственных целях. Что же касается обратного процесса, то США способны манипулировать афганцами в куда меньшей степени.

В военном аспекте талибы контролируют до 50% территории страны. Оценки их военного потенциала сильно варьируются, но «Талибан», несомненно, имеет современное оружие, умеет вести боевые действия небольшими группами и координировать свои операции, выбирая для ударов важные объекты. Тактика талибов отличается большим разнообразием, чем у моджахедов в 1980-х годах, и включает использование террористов-смертников. Как и в прошлом, одним из преимуществ формирований, сражающихся против иностранных войск, является поддержка населения. Борьба за умы и сердца афганцев представляет собой самую трудную задачу коалиционных сил, если учесть культурную пропасть, разделяющую в основном западный контингент и простых афганских крестьян.

Один из главных приоритетов нынешней американской стратегии – укрепление афганской национальной армии. Увеличение ее численности и повышение качества боевой подготовки крайне важно, но еще большее значение имеет этнический состав правительственных войск. Например, наличие слишком большого количества таджиков на командных должностях не завоеует армии симпатий пуштунов. Впрочем, военная победа в Афганистане не-

возможна в любом случае. Талибов можно заставить отступить, но полностью избавиться от них нельзя, как и контролировать это движение извне. Идея «приручения» радикальных исламистов глубоко ошибочна. Их нельзя купить. Они нарушат любые соглашения, если сочтут, что затрагиваются их интересы. Манипулировать ими можно, но лишь недолго. В конечном счете они никогда не оправдают надежд «кукловодов». Впрочем, возможно, существуют способы направить их энергию на иные, менее опасные и более конструктивные цели.

До военного переворота левых, который в конце концов привел к советскому вторжению, Афганистан был слабо централизованным «сонным царством» – нейтральным буфером между Российской/ советской империей и ее соперниками – сначала Великобританией, а затем США. Питательной средой радикализма в Афганистане стала иностранная оккупация. Конечно, войн, не прекращающихся более 30 лет, нельзя сбрасывать со счетов, и «сонным царством» Афганистан не будет уже никогда, но окончание конфликта может привести к тому, что афганцы (включая талибов) сосредоточат усилия на восстановлении страны. Кроме того, национал-исламисты, возможно, будут готовы и к международному диалогу. В качестве посредников могли бы выступить Китай и мусульманские страны – например, Малайзия или соседняя Туркмения. А подходящим форумом для такого диалога представляется Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Впрочем, какую бы форму ни приняло мирное урегулирование в Афганистане, оно не должно обуславливаться решением пакистанской проблемы.

В последнее время проблемы, с которыми сталкивается коалиция во главе с США, принято подытоживать аббревиатурой «АфПак». Естественно, общая граница означает и взаимосвязь. Целей в Афганистане невозможно достичь без учета ситуации в Пакистане и соответствующих действий в отношении этой страны. Однако объединять афганскую и пакистанскую проблемы бессмысленно. В Пакистане живет более 140 млн. человек, по численности населения он сравним с Россией. Он обладает ядерным оружием. Главное направление его политики – индийское: эти две страны несколько раз воевали друг с другом, начиная с раздела Кашмира (конфликт из-за этой территории продолжается по сей день), именно они являются участниками ядерного противостояния на субконтиненте. Пакистан – ценный союзник и для США, и для Китая, тесная дружба связывает его с Саудовской Аравией, финансировавшей ядерную программу Исламабада.

Пакистанское общество носит куда более сложный характер, чем афганское. С момента обретения независимости 60 с лишним лет назад ситуация в стране постоянно меняется. Энергичный и все более многочисленный городской средний класс Пакистана выступает за модернизацию и демократический строй, а религиозные экстремисты превратили тысячи медресе в «фабрики по производству джихадистов». Вооруженные силы, обладающие большим влиянием, взяли на себя роль гаранта порядка. Именно в руках военных находится пакистанский ядерный арсенал, именно они участвовали в создании «Талибана» и готовят радикалов-боевиков, которые во имя борьбы за Кашмир нередко совершают нападения на объекты в глубине индийской территории. Добавим сюда Абдула Кадир Хана, ведущего пакистанского ученого-атомщика, признавшегося, что он в одиночку организовал международный «ядерный базар», и картина становится более или менее репрезентативной, пусть и неполной. Будущее Пакистана – чрезвычайно важная проблема, причем не только для региона, но и для всего мира. Привязка к Афганистану – лишь один из многих аспектов этого вопроса.

«Афганистан. Взгляд с Севера», М., 2010 г., с. 9–12.

Е. Иноземцева,
атташе посольства РФ в Иране
ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ИСЛАМЕ

Ислам и мусульманское право оказали глубокое влияние на историю развития государства и права целого ряда стран, в особенности в области прав и свобод человека, статуса женщины в обществе. По данным отдела ООН по народонаселению, 49,7% мирового населения – женщины. Одним из важных вопросов, обсуждавшихся в течение последних десятилетий в юридических, социальных и политических кругах, является защита прав женщин. Равноправие является важнейшей основой любого демократического общества, которое стремится к социальной справедливости и уважению прав человека. Тем не менее приходится констатировать, что практически повсеместно женщины в той или иной степени подвергаются дискриминации в семье, в обществе и на рабочем месте. Хотя причины и последствия этого могут быть различными в разных странах, неравноправие женщин является широко распространенным явлением. Сохранению этого явления

способствует наличие устоявшихся стереотипов, а также традиционных культурных и религиозных обычаев и представлений, понижающих роль женщин.

Однако не всегда легко понять истинные нравы и обычаи, прочувствовать, как живет народ в той или иной стране. Более того, еще сложнее представить точную картину положения женщин в разных странах – там, где образ жизни женщины не так заметен, где женщина не участвует в экономической и политической жизни страны, где, как правило, ей отведена лишь роль жены, матери, хозяйки очага. Но иногда те женщины, относительно которых у нас прочно сложились определенные стереотипы, вовсе не живут так, как представляем себе мы, имеют определенные права и положение в обществе.

В конце XIX – начале XX вв. в ряде стран мусульманского мира разворачивался процесс реформирования традиционной исламской жизни. Влияние Запада, экономическая отсталость восточных стран, рост общественно-политических движений породили изменения в самых консервативных и теологических кругах традиционного исламского общества. «Женский» вопрос стал одним из центральных для исламского политического движения. Мусульманки все больше вовлекаются в общественно-политическую жизнь, что требует определенного оформления. Родился даже термин «исламский феминизм», который во многих случаях выражает требования соблюдения и обеспечения прав женщин в соответствии с нормами ислама, что дает женщинам возможность защищать и расширять свои права в патриархальном обществе, противопоставляя шариат и этнические обычаи, зачастую уходящие корнями в пережитки доисламского периода. Поэтому не случайно, что за последнее время появилась масса фетв, не говоря уже о текстах мыслителей, расширяющих прежнее представление о правах женщины с точки зрения ислама.

Сегодня женщины, являющиеся одним из самых угнетенных слоев населения в нынешнем мусульманском мире, наиболее широко представлены именно в исламских движениях. Женщины, выступающие под знаменами ислама против глобализма, давно ни для кого не редкость. В то же время влияние деятелей, руководствующихся в отношении роли женщин скорее архаично-патриархальными, чем чисто кораническими принципами, все еще достаточно сильно. Роль женщины в исламе велика. Женщина – это и мать, и сестра, и дочь, и жена. Отношение ко всем этим группам женщин со стороны мужчин контролируется канониче-

скими законами. Притеснение и ущемление прав кого-либо из них является строго наказуемым. От женщин во многом зависит то, какими будут религиозность и воспитанность следующих поколений. На них возложена великая функция сохранения спокойствия, умиротворенности, религиозности домашнего очага, воспитанность и богобоязненность подрастающего поколения. Однако не следует делать выводы, что роль женщины ограничивается ее домом, семьей и домашним хозяйством, хотя женщины в семье обладают особыми правами и пользуются особым почетом. Поэтому они могут требовать со своих мужей плату за работу, совершаемую в доме. Это естественная стихия приложения ее врожденных способностей и проявления женской натуры. Женщины играют важную роль в исламском обществе. Ислам возвышает женщину до такой степени, чтобы она смогла найти свое достойное место в обществе и на нее перестали смотреть, как на вещь. В таком случае женщина может взять на себя определенного рода обязанности в различных социальных сферах, поскольку ислам обуславливает здоровье общества выполнением обязанностей мужчиной и женщиной и призывает их к борьбе с пороками и несовершенствами.

Сегодня мусульманка общественно активна: женщины в исламском мире осваивают новые компьютерные технологии, занимаются политической, преподавательской, журналистской, врачебной деятельностью и т.д. Без дальнейшего перечисления ясно, что учеба и работа, вопреки бытующему мнению, для мусульманок доступны и разрешены. Действительное соблюдение мусульманских законов гарантирует женщине защищенность (социальную, материальную, физическую и даже психологическую). Обязательным условием является предоставление возможности образования как в духовной, так и в материальной сфере. Ислам и мусульманское право оказали глубокое влияние на историю развития государства и права целого ряда стран, в особенности на положение прав и свобод человека, на статус женщины в обществе. Сфера их действия в наше время также остается весьма широкой, что во многом определяется тесной связью ислама и права как религиозной системы, которая до сих пор имеет едва ли не определяющее значение для мировоззрения самых широких слоев населения в мусульманских странах. С самого начала своего появления ислам инициировал серьезные изменения в основанном на патриархальных нормах арабийском обществе. В период, когда никакая иная система не предоставляла женщине прав в социальной и правовой сфере в таком объеме, в обществе, где рождение девочки

расценивалось как проклятие, где сама женщина считалась движимым имуществом, ислам стал рассматривать женщину как личность. В исламской общине женщине стали предоставляться права, которые в других сообществах уступали неохотно и только под давлением.

Известно, что Коран делает серьезный акцент на человеческое достоинство, права и свободы, выступает против любой формы дискриминации на основе расового, национального происхождения или рода. В исламе женщинам гарантируются четыре фундаментальных права: право в области норм, связанных с отправлением требований религии; право на приобретение; право на недвижимость и право на гарантию личного достоинства. Коран подчеркивает фундаментальное равенство мужчин и женщин в таких жизненно важных для мусульман вопросах, как образование и религиозные обязанности. Вместе с тем проблематика равенства по признаку пола находится на ином уровне и в иной сфере гарантий прав и обязанностей. Здесь существует совершенно иная философия, иное разграничение прав и обязанностей между ними, которое вместе с тем не дает права говорить об их фактическом неравенстве. В различных главах Корана подтверждаются и раскрываются женские права, имеющие отношение к браку, разводу, собственности, наследованию, воспитанию детей, свидетельствованию. В историческом контексте коранические нормы имели и имеют положительное воздействие на права женщины.

Исламская религия рассматривает женщину как полноценное существо и представляет ее элементом человеческого общества, придавая ей ценность и значимость, которые человек в принципе может получить в обществе. Поэтому лидер исламской революции Ирана аятолла Хомейни подчеркивал, что в вопросе женщин мир является должником ислама. В исламском учении женщина, подобно мужчине, получает долю из богатства и имущества, оставленных в наследство ее отцом, матерью, братом, сестрой и мужем. Женщина обладает правом на определенную часть наследства своего мужа. Женщина может вести социальную и экономическую деятельность и накапливать доходы. Кроме того, она может задействовать унаследованный капитал в семейном финансовом цикле. Однако мужчина при этом должен обеспечивать ее средствами для жизни соразмерно ее потребностям в плане жилья, одежды, еды и прочих жизненных нужд.

Действия женщины в исламе обладают ценностью и общественным уважением. Женщина может потребовать выполнения

своих законных прав или же обратиться непосредственно в соответствующие компетентные инстанции. В случае нарушения прав женщины она может подавать иски в судебные инстанции или же давать показания в суде. Во всех перечисленных случаях мужчина не имеет права навязывать женщине свое мнение. Но все же и исламское общество имеет свои особенности в гендерной политике, и проблема кроется в шаткости позиций женщин во властных структурах, связанных с принятием решений. Ведь целью гендерного равенства является интеграция принципа равенства полов во все сферы политики, чтобы равенство продвигалось всеми слоями общества и не существовало никакой дискриминации.

«Власть», М., 2009 г., с. 96–98.

Алексей Малашенко,

доктор исторических наук

В ИСЛАМЕ НАДО РАЗБИРАТЬСЯ

С исламоведами, шире – пишущими об исламе, дело обстоит не просто. Для начала попробуем расставить их по местам. Во-первых, собственно исламоведы, т.е. люди, которые сделали изучение ислама своей профессией. Среди них два направления – «классики» и «современщики». Родовое гнездо классиков – Санкт-Петербург. Эту научную школу кто зовет «ленинградской», а кто по ново-старому – «санкт-петербургской». К ней принадлежат и ныне покойный Анас Бакиев, и Станислав Прозоров, и директор Эрмитажа Михаил Пиотровский, и разносторонний Ефим Резван, и отбывший в Штаты суфиевед Александр Кньш, и историк Олег Федорович Акимускин.

Оплотом «современщиков» была Москва. В советское время здесь позволялось писать о «зарубежном» и запрещалось писать о советском исламе. Книги о нем были исключениями из правил. Назову, на мой взгляд, самые интересные и неожиданные: Талеба Саидбаева «Ислам и общество», Гасыма Керимова «Ислам и его социальная сущность», Михаила Вагабова «Ислам и семья». Издания проходили строгую партийную цензуру, а Гасыма один из советских чиновников обвинил в пропаганде шариата.

Московские исламоведы, которые территориально располагались ближе к Кремлю, четко отработывали политический заказ. О «зарубежном исламе» надо было размышлять только в ключе официальной идеологии, а также с учетом отношений СССР с той

или иной мусульманской страной: про Египет, Ливию, Сирию писали хорошо; про Пакистан – плохо; про Саудовскую Аравию — сдержанно; про Афганистан – романтично, даже слишком.

В 1980-е годы на ислам (как и на многие другие непонятные темы) распространилась практика «закрытых публикаций». Такие работы отличались, по представлениям того времени, «свободо-мыслием», как минимум в силу того, что относительно «зарубежного ислама» однозначной официальной позиции не сложилось. Ибо, как было сказано в отчете XXVI съезда КПСС, «под лозунгами ислама могут разворачиваться прогрессивные движения...». Вот они потом и развернулись. Но даже в закрытых изданиях авторы не могли совсем уж откровенничать и прибегали к эзоповому языку. К подготовке одного такого сборника – «Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африке» – я имел непосредственное отношение. Он готовился в 1980 г. по материалам тоже «закрытого» координационного совещания по исламу, состоявшегося в том же году в Ташкенте. Книга и издавалась в Узбекистане в местной Академии наук. Вот и послал меня, младшего научного сотрудника, кандидата наук, директор Е.М. Примаков проверить, как идут дела. В Ташкенте быстро выяснилось, что дела никак не идут. Местные академики вообще забыли об этой книжке. Я метался по ленивым начальственным кабинетам, разговаривал с милыми редакторшами и по прошествии двух напрасных дней понял, что могу вернуться к своему начальству ни с чем. Это было горько и небезопасно.

Но велик Аллах, я добрался до директора издательства Аркадия Мильмана, который в два счета все поставил на свои места.

– Вы к кому ходили? – сурово спросил Мильман. Я перечислил имена.

– Вы зачем к ним ходили? – продолжил он свой допрос. Я пожал плечами.

– Идти надо было не к ним, а ко мне. Ко мне.

И Мильман оказался прав. Через два дня появилась верстка, еще два я со свойственной младшим научным сотрудникам бдительностью читал ее. Еще через день Мильман устроил на Черной речке (в ташкентском пригороде) небольшой прием (пьянку солидных размеров).

Не ведая тогда местных нравов, я притащил с собой две бутылки коньяка. В момент извлечения их из портфеля я поймал укоризненный взгляд Мильмана – дескать, кто ж плов коньяком запивает... Плов был великолепен: черную работу взяли на себя

кандидаты наук, творил чудо *per manus magistri* профессор, доктор юридических наук и чуть ли ни бывший министр (увы, имя повара из памяти выскочило). Кстати, именно в той «закрытой» книжке прозорливый (давайте же, наконец, говорить друг другу комплименты) Георгий Ильич Мирский чуть ли не первым предсказал, что Хомейни со всеми его «странностями» – всерьез и надолго. То, что тогда выглядело исключением, станет правилом.

«Пребывающая в хроническом теоретико-методологическом и организационном кризисе советская исламистика, сильно отставшая от мировых востоковедческих и исламоведческих дисциплин... не смогла обеспечить достаточно широкий спектр профессиональных исследований, затрагивающих роль ислама... Поэтому, в частности, не удалось предвидеть ряд драматических событий типа алма-атинских, ферганских, нагорно-карабахских», – писал в конце 1990-х годов переехавший в Германию философ Марк Батунский. Близкий к приговору диагноз советскому исламоведению все же несправедлив. Были интересные публикации, на которые по сию пору ссылаются зарубежные коллеги.

К тому же ни к Алма-Ате, ни к Фергане, ни к Нагорному Карабаху исламоведы не имели никакого отношения. Да и ислам там был ни при чем. А что касается предвидения, то и западная «исламистика» со всеми ее, по выражению Батунского, «мощными философскими и социологическими пластами и рафинированным понятийным аппаратом» не смогла предсказать и предупредить ни о исламской революции в Иране, ни о пробуждения фундаментализма, ни об 11 сентября, ни об удалом ХАМАСе.

В Институте востоковедения АН СССР был сектор проблем идеологии и религии, львиная доля сотрудников которого занималась исламом. В 1980 г. после революции в Иране в ИВАНе была создана «вертикальная рабочая группа «Ислам». И сектором, и группой правила профессор Полонская. Она рассказывала, что, создавая «вертикальную группу», пришла к Примакову, и Евгений Максимович, одобрив затею, сопроводил свою поддержку такими словами: «На наш век, Людмила Рафаиловна, ислама хватит». Прав оказался будущий министр иностранных дел и премьер будущей России – хватило, хватает и будет хватать.

Не единым сектором из ИВАНа жило и живет российское исламоведение. Об исламе писали и пишут в Институте философии, в Институте государства и права, в Академии государственной службы, в Институте этнологии и антропологии. Упомяну хотя бы Мариэтту Степанянц, Леонида Сюкияйнена, Гасыма

Керимова, Александра Игнатенко, Талиба Саидбаева, Абдуллу Нуруллаева. Каждому из вышеперечисленных ученых причитается своя порция комплиментов. Не выделяя никого, скажу два слова о Лёне Сюкияйнене (сыне сталинского переводчика с финского языка), который и по сей день числится лучшим знатоком мусульманского права в России. Да что Россия! Г-на Сюкияйнена приглашают почитать лекции по шариату даже в Саудовскую Аравию. Классические и современные направления исследования ислама пересекаются (что встречается не так часто) в работах философа Александра Игнатенко, у которого хватает сил и времени рассуждать и о метафорическом мышлении в «Зеркале ислама», и о проблемах исламского фундаментализма. Оно и понятно: кто разбирается в философии и культуре, понимает и то, что происходит сейчас.

В 1990-е годы Москва и Санкт-Петербург перестали быть монополистами в исламоведении. Появилась великолепная Казань, где работают Рафик Мухаметшин (заяввший в 2007 г. пост ректора Российского исламского университета), Роза Мусина, Ринат Набиев. Здесь же проклинаемый традиционалистами сражается за «неоджадидизм» и евроислам уже бывший политический советник президента Татарстана Рафаэль Хакимов. (Нехорошо льстить политикам, но все же не могу не отметить, что казанское исламоведение расцвело под сенью президента Татарстана Шаймиева, который, хоть и признался, что не считает себя ревностным мусульманином, но все же умеет «чувствовать» ислам.)

По соседству, хотя добраться, что на поезде, что на автобусе очень непросто, а самолетом – вообще только через Москву, в Уфе издает свои книги и учит аспирантов Айслу Юнусова. Признанным центром исламоведения стал Нижний Новгород, где работал ушедший из жизни в 2004 г. Сергей Сенюткин. Слава Богу, остались его ученики – Юлия Гусева, например. Из Нижнего перебрался в столицу набравший силу Дамир Хайретдинов. «Тесно» теперь и на Северном Кавказе, где почти в каждой республике выходят работы по местному (и не только) исламу. Почитайте хотя бы дагестанца Энвера Кисриева, Светлану Аккиеву из Нальчика, ногайца Ахмеда Ярлыкапова. Правда, Энвер и Ахмед осели в Москве в Институте этнологии и антропологии и часто работают в стиле «челноков». Звонишь, а они где-то по исторической родине шастают. В Грозном трудится Вахид Акаев, в Ростове – Игорь Добаев, в Астрахани – Виктор Викторин и Андрей Сызранов, в Оренбурге – Веналий Амелин. Не упомянутых прошу не обижаться. Лет десять

тому назад все хором заговорили о конце науки, особенно гуманитарной. Возможно, какая-то ее часть и в самом деле омертвела и отвалилась. Но в том, что касается исламоведения, наблюдается даже прогресс. Сомневающиеся могут перелистать труды упомянутых выше авторов (и не только их!).

Другую категорию пишущих об исламе составляют ученые, для которых собственно исламские штудии, так сказать, побочный продукт. В основном они занимаются чем-то иным – арабским миром, Ираном, национализмом. Их труды на ниве исламоведения посвящены региональной проблематике, связанной с их основными профессиональными интересами. Однако бывает и так, что ислам для них становится второй профессией. Р.Г. Ланда написал первую (!) книгу об истории ислама в России, ставшую своего рода бестселлером. Без З.И. Левина уже нельзя представить историю ислама в арабских странах, а без А.И. Ионовой – в Юго-Восточной Азии. И уж, конечно, не обойтись без «исламского фундаменталиста» Мирского. Особняком стоит Дмитрий Арапов, публикующий документы по истории ислама в Российской империи.

Но что обидно: несколько лет тому назад в Швейцарии вышла книга «Ислам – это что? 150 вопросов и ответов». Ничего особенного в ней нет. А вот у нас, в России, с ее без малого 20-миллионным мусульманством, рассказать накоротке о великой религии не сподобились. Правда, недавно нечто подобное появилось, но переводное. (Пока рукопись готовилась к изданию, такая книга все-таки вышла в свет.)

Есть и те, кому кажется, что они разберутся в исламе. Этикие «ragvenus», занимающиеся откровенной компиляцией. Ислам – в моде. Порывшись в уже изданном, каждый при минимуме усилий, особенно если заглянет в Интернет, и сам может сочинить, пользуясь чеховским выражением, собственный трактат «И мое мнение». Как это делают студенты, скачивающие оттуда курсовые и дипломы. Способных «исследований» много. Это напоминает конец 70-х годов прошлого века, когда после революции в Иране в исламе стали разбираться абсолютно все. В наши дни это изобилие можно объяснить неутомимой борьбой с «исламским терроризмом». Пишут с ошибками, путают даты, факты, ибо нередко перебирают их у других. Давным-давно, когда писал свою первую книжку об Алжире, часто цитировал тогдашнего исламского идеолога Ахмеда Аруа. Простудировал его труды я более чем тщательно. Так мне казалось. Но вот книжка вышла, и к своему ужасу я обнаружил, что две цитаты переведены мною неправильно. Я

тогда чуть в обморок не упал, хотелось бежать, скупить весь тираж и сжечь его, как Гоголь «Мертвые души». Но не побежал и не сжег. Прошли годы, мне попались статьи с цитатами моего любимого Аруа, причем со ссылками на его книги. Вот только его цитаты уважаемые авторы «перетащили» к себе из моей книжки вместе с моими же ошибками.

В другой раз подставился я сам. В 1996 г. готовили к изданию книгу «Мусульманский мир СНГ». Приносят верстку. Я перелистал – опечатки в каждой строке. Именно так, не на странице, а в строке. «Ладно, – вздохнул, – дней за пять управлюсь. – «Нет, – ответили мне вежливо, – вернуть надо через 45 минут». Я, молча, протянул обратно верстку. «Мусульманский мир...» вышел с несколькими тысячами опечаток. Оправдывает только то, что появились они не по моей вине, а при наборе. Обиднее всего было другое: я во всем издании неправильно написал имя крупнейшего в то время исламского политика Таджикистана Акбара Турадждонзоды. Именовал я его Туранджозода. Знал ведь, как правильно, а рука писала свое. Вдвойне грустно, что это была первая книжка о «постсоветском исламе». Ее прочли многие. Никто, правда, не сказал: «Что же ты, брат, халтуру гонишь». Но, наверняка, так подумали многие.

Не каждому удастся писать об исламе беспристрастно. Оно и понятно. Ислам, даже как объект академического исследования, не оставляет человека равнодушным. Особенно сейчас, когда он находится в центре глобальных противоречий, а активность мусульман принимает самые неожиданные, скажем, экзотические, формы. Честный аналитик стремится избежать эмоций, но полностью уйти от них непросто. Тем временем мусульмане, читая о себе и своей религии, порой реагируют даже не на содержание, а на форму подачи фактов. Существует две крайности: «апологеты» и «ненавистники». Первые высказываются прямо и без экивоков: ислам – религия мира, он несет добро, а все, что ему приписывают злого и радикального, – это вранье, провокации и вообще от лукавого. Понятно, такой подход бытует среди ученых – выходцев из мусульманской среды. Но панегирики никогда не звучат убедительно. Ислам, как культура, в том числе политическая, создается людьми, которые по-разному ее понимают и по-разному поступают. Это во-первых. А во-вторых, у нас, у бывших советских людей, стойкая идиосинкразия к трибунной патетике. Как только нас в чем-то слишком настойчиво пытаются убедить, например, как раньше в победе коммунизма, так со скоростью звука растет скепсис. И,

думается, мусульманским мозговым центрам предстоит много поработать над тем, как «подавать» ислам. Тем более что в них работают исследователи, способные соблюсти грань между объективностью и уважением к исламу.

Вторая крайность – «исламоненавистники». Этим жить труднее. Ведь в лоб не скажешь, что ислам агрессивен, а терроризм – присущ ему с самого детства. К тому же эта ниша уже занята некоторыми журналистами и литераторами, например, экстравагантным писателем Михаилом Веллером. Чтобы выразить подобные идеи, приходится идти в обход и, умерив свой пыл, осторожно подводить читателя к нужному выводу.

Большинство исследователей пытаются быть объективно-осторожными. В хорошем смысле слова. Не потому, что кого-то боятся обидеть, а просто материя (предмет исследования) слишком тонка. И правильно. Пытаясь «понять» ислам, нужно не стесняться и пользоваться оборотами «с одной стороны... а с другой», а также «да, но». Пишут об исламе и политике. Некоторые даже своей собственной рукой. Порой неплохо. Хотя бы Рамазан Абдулатипов, который, несмотря на всю свою общественно-политическую круговерть, ухитряется писать не только самостоятельно, но еще и интересно. Некоторым «помогают». В одном подобном фолианте угадывается рука блестящего дагестанского исследователя Загара Арухова. (Судьба забросила Загара на пост министра по национальной политике Республики Дагестан, а потом, в 2005 г., его, умницу и таланта, убили в собственном подъезде. «Загара-то за что?» – горько удивился по поводу его смерти один из моих дагестанских коллег.)

Профессионального исламоведа всегда подстерегает угроза «свалиться в политику», и тогда анализ и выводы поневоле утрачивают объективность, а работа принимает так называемый политтехнологический характер. Исследователь начинает обслуживать одну конкретную идеологию, шаг вправо, шаг влево – побег, и он перестает быть ученым. Конечно, его мнение может и искренне совпадать с той или иной политической позицией. В этом нет ничего предосудительного. Но главное – не стать сервильными, сохранить независимую позицию, а не поддакивать вождю (или его оппоненту из оппозиции). Иначе какой ты, к черту, аналитик!

О чем спорят ученые мужи? Прежде всего, конечно же, об исламизме (неоисламизме), фундаментализме (неофундаментализме), радикализме, интегризме, политическом исламе, ваххабизме (неоваххабизме), традиционализме (неотрадиционализме), на-

тивизме, джихадизме, ревайвализме (от revival – возрождение), салафизме, милитантизме и иже с ними. С начала 1990-х годов в оборот вошло словосочетание «исламский экстремизм» или, в сокращенном виде, «исламо-экстремизм». Если я сейчас начну все это досконально разбирать, то читатель сразу устанет от книжки, захлопнет ее и включит телевизор.

Как быть, если «легкости в мыслях необыкновенной» и юмора, чтобы разобраться в этом лабиринте, не хватит? Да и не стоит, походя, ухмыляться над радикальным исламом. Поэтому поступим так: долго распространяться не стану, а кто захочет во всем детально разобраться, пусть почитает перечисленных выше авторов. Единственно, кого процитирую, так это старейшего американского исламоведа, советника по исламским делам президента США Джорджа Буша (2000–008) Бернарда Льюса, который считает всплеск активности исламских радикалов их лебединой песнью. Приведу это соображение лишь затем, чтобы с ним не согласиться. Эту исламистскую музыку мы еще наслаждаемся вдоволь. Да и сами «лебеди» никуда не улетают. И не улетят. Никогда не улетали. Знаете, ведь мы все в душе радикалы. В человеке радикализм заложен изначально. Главный радикальный поступок – зачатие. Второй – рождение. Умеренному из утробы не выбраться. Представьте себе наш мир без радикалов. Скучно ведь. Вся горьковская «ЖЗЛ» состоит из одних радикалов. Среди них Христос, Наполеон, Рахманинов и бен Ладен. Да, да, бен Ладен, дерзко ворвавшийся в XXI столетие.

Исламоведение – дело темное. Формально «ведать» исламом могут только богословы. Каждая сура Корана, каждый хадис «ведается» по-разному. Нет только одного: конечной истины. И быть ее не может. Существует безбожное количество расхождений и взаимных обвинений. Как и в христианстве. Светский исламовед претендует на объективное знание Корана, Сунны, истории их создания. Но и он попадает под магию богословских интерпретаций и все чаще оказывается втянут в теологические дискуссии. Тем более что в исламе богословие неотделимо от фикха (правоведения). Поверьте на слово, большинство статей, которые пишутся об истории ислама, об исламской культуре, особенно в Центральной Азии, на Кавказе, в Казани, – это наполовину, если не целиком, богословские. Или «как бы» богословские. Даже если сами авторы этого не признают.

Да и кое-кто из московской, питерской, ростовской и прочей братии начинает «пахать» на богословском поле. Помню, как еще

в середине 1980-х годов Магомед-Нури Османов во время какого-то научного спора вдруг «отбрил» своего оппонента (тоже мусульманина) – «брось свои шафиитские штучки». Сразу стало понятно, что спорят не профессор с доцентом, а ханафит с шафиитом. Предмет исламоведения – ускользающий. Хотя отнюдь не исчезающий. Вот востоковедение (ориенталистика) затухает. Затухло. Нет такого предмета – ориенталистика. Существование целого Института востоковедения – дань уходящей традиции. Есть история Востока, но нет больше Востока, ибо Китай – не Йемен, Корея – не Шри-Ланка. Под крышкой ориенталистики вряд ли можно «сварить суп» из японского компьютера, суфизма, индо-пакистанского конфликта и Дэн Сяопина. С исламоведением дело обстоит иначе. Когда я говорю, что ислам – «ускользающий» объект исследования, то имею в виду не его исчезновение, а «выскальзывание» из рук исследователя. Хочешь писать об исламе, а пишешь фактически об исламской идеологии, о политике, о социальных проблемах. И превращаешься в политолога, социолога, короче, в мусульмановеда. Казалось бы, что в этом плохого? Происходит вынужденное, неизбежное смещение жанров. Современное исламоведение стало слишком комплексным, тяжеловесным.

Над отечественным исламоведением маячит скучное, но страшное слово – «методология». Далеко не все – и ветераны, и особенно молодые (да и не очень) – исследователи способны ориентироваться в море подходов. Отсюда эклектичность многих сочинений, включая толковые и интересные. Методология, увы, все еще хромает. И тем большее уважение вызывает «ИНО-центр (Информация. Наука. Образование)», который отважно проводит семинары именно по треклятой методологии. На них съезжаются ученые едва ли ни со всех исламских и исламоведческих «точек» России.

Еще одна уязвимая точка исламоведов – слабое знание иностранных языков, что для работы с исламом необходимо как солнце, воздух и вода вместе взятые. Идеальный вариант: три восточных – арабский, фарси, турецкий, и три западных – английский, французский, немецкий. Ну, покажите мне такого полиглота! До «второго минимума» – два восточных, два западных – дотягивают единицы. Тем, кто занимается постсоветским пространством, хорошо бы знать... узбекский или татарский (тем, кто родился татарин, можно только позавидовать).

Конечно, все переводится. Бен Ладен пишет свои тексты по-английски, радикальная «Хизб ут-Тахрир» даже по-русски, так что

жить можно. Но все-таки надежнее читать богословско-политические книги, программы и газеты на языке оригинала. Вот и вашему покорному слуге приходится, кряхтя, разбирать, что там пишут по-арабски исламские фундаменталисты. Десять лет назад, побродив по Главному ташкентскому базару и посмотрев пустыми глазами на разложенные на лотках «немые» книжки, в которых было понятно только слово «ислам», решил я учить узбекский. Обзавелся учебником, выучил счет, три глагола, но когда дошел до текста о «моем брате-трактористе» и колхозе, заскучал. Вот и сижу теперь со своим комплексом исламоведческой неполноценности. Некоторые не владеют толком даже английским. Старшее поколение с ним худо-бедно, но знакомо. А вот среднее и молодое... *Nomina sunt odiosa*, но сколько раз твердил некоторым коллегам: «Учите, друзья, английский». Обещают... Где взять социолога с глубоким знанием ислама и исламоведа, профессионально владеющего политологическим и социологическим инструментарием? Такие особи, конечно, попадаются, но очень редко. Занятно, они зачастую начинают с покаяния: простите, дескать, «мы не местные», на вашу исламоведческую тусовку попали чуть ли ни случайно, «от поезда отстали». Практика показывает, что чаще всего прощеньица просят как раз самые знающие и грамотные.

«Скромников» компенсирует другая когорта научных старателей, которые, выходя на трибуну, сразу берут быка за рога: «Я знаю ислам с молодых ногтей...». Замечено, что эта публика любит говорить именно с трибуны, пусть даже и с маленькой фанерной, с которой локти соскальзывают. Когда за круглым столом собираются только профессионалы, их голоса звучат застенчивее. Они предпочитают менее грамотные аудитории. Расцвет «знатоков» ислама «с молодых ногтей» пришелся на первую половину 1990-х. Впрочем, попадаются они и сейчас. Они средне начитаны (две книжки, три брошюрки, бесконечное количество газетных статей), самоуверенны, апеллируют к памяти об отрочестве и ссылаются на знакомство с одним иноземным шейхом, восхитившимся глубиной их знаний. Мне эти люди напоминают арабских солдат, полагававших, что хорошо разбирались в исламе только потому, что в родительском доме был Коран.

Однажды в Алжире я завел глупый спор об исламе с «военными стажерами», прибывшими, так сказать, на курсы повышения квалификации. Это были бойцы славного Фронта освобождения Западной Сахары (ПОЛИСАРИО), которых надлежало ознакомить с тем, как стрелять по марокканскому врагу из 100-миллимет-

рового зенитного орудия, которого у них не было и быть не могло, да и снаряды к нему достать они не могли. Шел 1976 г., и «полисарцы» сражались за независимость от Марокко. Повстанцы-сепаратисты об исламе имели смутное представление. Мне, как почти неофиту, действительно прочитавшему Коран, это было приятно – я ощутил над сахарцами превосходство. Молодость имеет право на самолюбование, и ей за это не стыдно. В общем, наставлял я западносахарских бойцов исламу и обнаглел до того, что стал учить их, как правильно молиться. За одним из ракатов меня застукал простой советский офицер, который шел читать лекцию по теории артиллерийской стрельбы. Лейтенант-комсомолец подполковник-коммунист не заложил. В КПСС было много порядочных людей. Так вот, даже те бедуины были уверены, что разбираются в исламе...

Антиподом «знатоков ислама с детства» является тип социолога-политолога, с порога роняющего, что он с исламом не знаком, да это и не нужно, поскольку ислам всего-навсего религия, причудливая форма (одна из оболочек) процессов, происходящих в мусульманском мире. Содержание же, сущность этих процессов к исламу не имеет никакого отношения. Вообще, ислам вторичен, а апелляция к нему есть своего рода извращение, свидетельствующее о дикости «туземцев». Вот поумнеют и забудут про свой шариат и прочую ерунду. Слово «ерунда», конечно, не произносится, оно заменяется на «традиционализм», «обрядность», привычки. Так думать проще: ведь если признать право ислама на политику, на его участие в модернизации общества, то переосмысливать придется слишком много.

В европейских языках не утвердилось слово «христиановед». Исламоведы и буддологи – пожалуйста. Религиовед – сколько угодно. Это звучит нейтрально. А вот с «христиановедением»... Хотя христианство анализировали жестко и нелюбезно многие – взять хотя бы Ницше или Фрейда. Не попадалось мне и «православиеведение». Само слово звучит по-русски как-то коряво и даже кощунственно. Что бы сказали наши митрополиты, если бы им предложили преподавать в школах такое взамен «основ православной культуры»? Улавливаете разницу? Есть среди «христиановедов» и мусульмане. Пишут они нелюбезно, даже грубо. Мне доводилось читать немало принадлежащих мусульманскому перу «христиановедческих» статей и книг, и, уверяю вас, поводов, чтобы «слегка» разнести посольства Саудовской Аравии, Пакистана и Ирана где-нибудь в Лондоне или Копенгагене, предоста-

точно. Вот, например, некто доктор Абдул-Хамид Кадри полагает, что «безнравственность, характерная для христианского владычества в течение веков, явно свидетельствует о том, что христианские учения, не являющиеся учением Иисуса (мир ему!), никоим образом не Божественны, а представляют собой лишь измышления человеческого ума. Они все время лишь тормозили развитие цивилизации, а не стимулировали его». Далее говорится, что «церковь находится в противоречии с рациональным разумом... Во введении же к цитируемому труду прямо сказано: «Христианство не составляет самостоятельной религии...».

Иранский режиссер Надер Талибзаде снял фильм с явно богословским замахом. В русском переводе кино называется «Иисус Спаситель (благая весть Спасителя)». О фильме пусть судят критики и историки – последним там есть над чем посмеяться. Самый пикантный теологический посыл в следующей фразе «иранского Христа»: «Я только предрекаю грядущий приход Пророка, чье учение завоюет весь мир!» Речь, конечно, идет о Мухаммаде. Говорят, что с фильма зрители уходили – скучно. Что касается Русской православной церкви, то она – ни гу-гу. Светские-то власти строят в Иране атомную станцию.

Как бы то ни было, но на мусульманские выпады против своей религии христиане – протестанты, католики, православные – не реагируют. Может, потому, что мы цивилизационно взрослеем, уходим от болезненной обиды за «свою» религию? А может наоборот – дряхлеем, утрачиваем драгоценное чувство идентичности и нам наплевать, что мы христиане?

В 2008 г. меня пригласили в Рим выступить с лекцией об исламе в мировой политике перед слушателями Высшего колледжа НАТО. Еще одним выступавшим была профессор из Голландии, вице-президент Европейской ассоциации религиоведов Джерри Тер Хаар. Осью ее доклада была мысль, что сегодня сталкиваются не цивилизации (бей Хантингтона!), а верующие и неверующие. Религиозностью отличаются мусульмане, христиане, прежде всего западные, – меньше. Аудитория, состоявшая из офицеров и генералов, голландской профессорше явно сочувствовала. Так мне, во всяком случае, показалось. Но во время перекуров (а натовская военщина продолжает дымить) ко мне подходили слушатели и «жаловались», что не знают, чего ждать от ислама, и, если совсем уж честно, межрелигиозное непонимание растет все быстрее. Между прочим, мнение о христианском «безбожии» не бесспорно. В 2008 г. по заказу Католической библейской федерации итальян-

ской социологической компанией GfK-Eurisko был проведен опрос: «Читали ли вы в течение последних двенадцати месяцев Библию?» Библию в руках держали 20% испанцев, 21% французов, 27% итальянцев, 28% немцев. И аж 75% «циничных и прагматичных» американцев. Интересно, как на такой же вопрос (естественно, не о Библии, а о Коране) ответили бы в Алжире, Индонезии, Татарстане или Казахстане?

И наконец, о журналистах. Их принято ругать. Пишут и говорят об исламе, что ни попадя. Попадаются экземпляры, которые изобрели «исламского бога любви», с помощью которого якобы по исламской традиции совершается дефлорация. Слыхивал я и об «исламских людоедах» (именно исламских и именно людоедах). С них начал однажды свое ток-шоу один очень известный телеведущий, рассказав, как в Индонезии мусульмане продавали на рынке «китайское мясо». Слава Богу, этот опус на голубой экран не вышел. Несколько газетных заголовков: «Исламские волки убивают русских солдат», «Воины Аллаха выбирают Кавказ», «Бей ислам – спасай планету!», «Мусульмане у Кремля», «Деньги для диктатуры шариата», «Зеленая чума» (это название попало дважды), «Хиджаб замедленного действия», «Главное, чтобы хиджабчик сидел», «Чеченские шлюхи взрывают Москву», «Меч исламской революции куется в Лондоне», «В Европе звучит призыв к джихаду», «Хаджи на час» (по аналогии с известной опереттой «Факир на час»), «Шахидкам с бомбами везде у нас дорога». Однажды «попался» и я. В 1994 г. опубликовал в «Независимой» статью под названием «Исламская пауза». Обиделись мусульмане. Не все, конечно. Да и за что, собственно говоря, обижаться? Почти в каждом «среднестатистическом» газетном материале почти обязательно окажется нечто, пробуждающее в читателе подспудное чувство настороженности к исламу. Хотя, с другой стороны, на слуху сегодня имя бен Ладена, в России – Шамиля Басаева (до недавнего времени), а не Ибн Сины. Но уровень писаний об исламе в уважающих себя изданиях вырос. Репортеры пытаются избежать ошибок, звонят, спрашивают. Тем не менее мусульмане и их духовные лидеры находят повод для обид. Тон оправданий – агрессивный и в то же время словно извиняющийся.

Исламу посвящается множество конференций, симпозиумов, семинаров и прочих научных сходов. Прямо ответить на детские вопросы: «Кому все это нужно?», «Что вы можете сделать?» – не просто. Я бы сказал, что большинство мусульман и тех, кто занимается проблемами ислама, стремятся понять: что происходит в

мусульманском мире, что от него ждать, как к нему относиться. Да, мы пытаемся разобраться, а вот слушают ли нас за пределами узкого круга профессионалов? Прислушиваются ли к нам политики? Как правило, им не до нас. Давным-давно, в начале 1990-х годов, взбрело мне в голову «послать наверх» аналитическую записку (четыре страницы сжатого бесплатного текста) о том, что творится в Таджикистане и есть ли возможность предотвратить надвигающуюся на него гражданскую войну. Прошло два года. Война уже вовсю бушевала, когда мне позвонили «сверху» и сообщили, что записку прочли, она актуальна и пригодилась в работе, за что и выражают мне свое «мерси». Порой случаются и отдельные удачи. В начале 2000-х годов у некоторых чесались руки законодательно запретить на федеральном уровне «ваххабизм». Не получилось, послушались советов специалистов, того же Сюкияйнена. А ведь хотели запретить целое направление мысли!

Ваххабиты на Северном Кавказе – отдельная история. Там по «ваххабитскому ведомству» чохом зачисляется всякий противник местной администрации – от республиканской до районной. Поэтому и пишут слово «ваххабиты» то в кавычках то без, ибо толком неизвестно, о ком речь. Одно время обвинение в ваххабизме было крайне популярным среди наших религиозных деятелей. «Ты ваххабит!» – говорил один. «Сам ты ваххабит», – отвечал ему оппонент. «Да все вы ваххабиты», – бурчали в спецслужбах. В общем, – куда ни плюнь – попадешь в ваххабита. В Дагестане ваххабизм все-таки запретили. Местное духовенство и власть можно было понять. По-иному справиться с ним они не могли...

Конференции бывают нескольких типов.

Первый – это собрание сугубых профессионалов, понимающих друг друга с полуслова, спорящих до хрипоты, но испытывающих взаимное уважение. Их не так много, конечно, им присущ дух соперничества, но есть и чувство корпоративности. В Карнеги-центре я стараюсь собирать «наших» на подобные «междусобойчики». В 1999–2000 гг. по программе «Межэтнические отношения и нациестроительство» мы провели серию семинаров с участием небольшой группы таких «зубробизонов». «Бои» проводились «по гамбургскому счету» – без регламента, с возможностью задавать любые вопросы, перебивать выступающего. Получалось очень интересно и, я бы сказал, дерзко. Были и взаимные обиды. Но игра стоила свеч.

Второй тип конференций – это когда встречаются неглупые люди, занимающиеся чаще иными вопросами: конфликтами, энер-

гетикой, внешней политикой, а разбираться во всем этом без «исламского фактора» невозможно, и обсуждают ислам, так сказать, постольку-поскольку. Это тоже интересно. Здесь об исламе говорится много банальностей, но проскальзывают и светлые мысли, так сказать, полезный взгляд со стороны.

Третий тип – сборище по принципу – всякой твари по паре. Участвуют все, кому не лень, включая политиков, журналистов, писателей, ну и тех же ученых. Последние выступают обычно ближе к концу, когда уже высказались все прочие. Это похоже на шоу, особенно когда речь держит какой-нибудь буйный депутат с неуправляемым потоком речи.

Четвертый тип – смешанные мероприятия с участием имамов и муфтиев или их представителей. Здесь о науке речь не идет. Главное – не обидеть, или, наоборот, – оскорбить священнослужителей, или побольней укусить их, упрекнув в фундаментализме.

Последний, пятый тип – конференции, проводимые самими мусульманами. Они больше напоминают отчетные партконференции былых времен, с той лишь разницей, что там речь шла о руководящей роли партии, а здесь – о том, что ислам является религией мира. На них приглашают сочувствующих мусульманам ученых, которые в своих выступлениях избегают проблемных тем. И правильно делают. Потому как на сцене сидит президиум в чалмах и портить ему настроение невежливо. На таких посиделках можно услышать и жалобы на власть, не дающую построить мечеть там, где хочется, на чрезмерную активность РПЦ. Правда, и то и другое с немалой оглядкой.

Одна исламская конференция мне особенно запомнилась. Дело было в 1986 г., еще при СССР. Пригласили меня консультантом на Всемирный конгресс «Мусульмане в борьбе за мир». Теперь такого рода мероприятиями никого не удивишь. А тот конгресс был первым, к нему тщательно готовились. Наши функции консультантов выглядели приблизительно. Одной из задач было участие в подготовке докладов советской стороны, иными словами, проведение ненавязчивой цензуры. Однако цензурировать было нечего: обкатанные советской властью священнослужители и думать не могли сказать что-либо, выходящее за рамки...

Делегации, прибывшие на этот конгресс со всех мусульманских концов Советского Союза, были многочисленны и говорливы. Вопросы прибытия, убытия, размещения, финансового вспомоществования не всегда были заранее проработаны. Возникали и трагические сцены. На второй день конгресса в холле гостиницы

«Азербайджан» толпа человек в 40 окружила заведующего Отделом ислама Совета по делам религии при Совете министров СССР Михаила Валяева. Кричали, вздымали к нему руки, некоторые чуть не плакали. Назревал конфликт, не уместный на столь почтенном мероприятии. Миша, выбрав ближайшего, более других бурлившего гостя, вдруг обратился к нему со словами: «Меня зовут Михал Михалыч, а Вас?» Гость оторопел. Толпа на миг замолкла. И начался нормальный разговор. Были решены все вопросы. Такие чиновники, как Миша, были и остаются на вес золота.

Вечером перед началом конгресса председатель Совета по делам религии Константин Михайлович Харчев (впоследствии отправленный послом в Гайану), собрав муфтиев и их замов (а заодно и нас, консультантов) на краткое установочное совещание, начал свою речь так: «Мы здесь все свои люди, коммунисты...» И не дрогнули лица уважаемых муфтиев и их замов, ибо сказанное было правдой.

В том, что мусульманское духовенство укомплектовано «нашими людьми», сомневаться не приходилось. На завтрак в гостинице «Азербайджан» некоторые муллы и имамы сначала являлись в синих спортивных костюмах и были неотличимы от простых командированных. По вечерам наиболее отчаянные мусульмане нарушали шариатские запреты, так что наше общение вполне могло считаться межконфессиональным диалогом. Непринужденность улегучилась сразу после приезда первой зарубежной делегации, кажется, из Кувейта. Советские имамы немедленно сбросили «штатскую одежду», переоделись в халаты, надели чалмы. Завтракали мы уже порознь.

В 1990-е годы в разных изданиях сообщалось, в каком воинском звании состоял тот или иной муфтий или имам. Это было своего рода компенсацией за информацию о погонах православных митрополитов. Кстати, патриарху «присвоили» подполковника – это когда он в Эстонии работал. Мое отношение к такого рода разоблачениям – двойственное. Конечно, было время – чесались руки провести люстрацию. Но, думаю, в России эффект от нее был бы негативным. Слишком много человек сидели на двух стульях. Многие из обладателей «тайных званий» были порядочными людьми и на своем боевом, в том числе религиозно-боевом, посту творили благие дела.

А после прихода к власти второго российского президента разговоры о том, кто и сколько имел звездочек, вообще обрели, так сказать, «обратный смысл». Ну, дослужился имам до капитана.

Обидно, что не до майора. Мусульманские мероприятия бывают очень полезны. Во-первых, можно встретиться сразу со многими друзьями, в кулуарах узнать новости из разных мест. И кроме того, почувствовать настроения российского мусульманского сообщества. Помнится, в конце 1990-х годов на одной из таких конференций в гостинице «Космос» выступал министр иностранных дел Игорь Иванов. Как раз в это время обострился кризис в бывшей Югославии, и министр говорил о «нашей поддержке сербов». И тогда кто-то из муфтиев вдруг обронил, что это вы поддерживаете сербов, а у российских мусульман на этот счет другая позиция. По поводу объявленной в 2008 г. независимости Косова у многих мусульман также свое особое мнение. Кое-кто дерзнул высказать его вслух, за что и поплатился.

Частенько поднимается на таких конференциях вопрос об отношениях мусульман с Русской православной церковью (за представителем РПЦ всегда зарезервировано место в президиуме), причем не всегда в благостном духе. Тем паче что подобные собрания проводятся под шапкой «диалога цивилизаций». Не счесть «диалогов», на которых мне посчастливилось или не посчастливилось присутствовать. Сами участники признают их бесплодность. После ритуального объяснения в любви начинаются монологи о своем. Они сопровождаются проклятиями по адресу экстремотеррористов, у которых-де нет ни рода, ни племени, ни, ясное дело, религии. На самом-то деле религия у них есть. Бен Ладен – мусульманин, так же как инквизиция была христианской, о чем мусульмане любят напоминать. Фанатичная вера открывает путь к преступлениям точно так же, как и беспощадная светская идеология.

Когда участники диалога в самом деле пытаются разобраться в сложных межрелигиозных отношениях, то часто дело оборачивается бесконечной и нелюбезной дискуссией, которая возникает, даже несмотря на искреннее желание прийти к согласию. В сентябре 2007 г. я оказался на подобной встрече в тихой и уютной Гааге. Стояла чудная голландская осень. В первый день нас собрали в огромном соборе, накрыли длинные столы, разрешили (вещь неслыханная) курить. На второй день заседали в замкоподобном доме, за окнами во всю стену колыхался могучий сад... Все присутствующие: министры, бывшие премьер-министры, философы, журналисты и просто те, кого можно назвать евроинтеллигенцией, были настроены куда как миролюбиво. Доброе выражение на умных мусульманских и христианских лицах позволяло наде-

яться, что именно здесь и сейчас прямо на наших глазах родится единственно правильное решение «исламского вопроса» в Европе. Но скоро стало ясно – чуда мы не дождемся. К финалу участники оказались от согласия даже дальше, чем были при его начале. Увы нам всем.

Так что же теперь, перестать диалогизировать? Нет, конечно. Встречаясь и разговаривая, мы привыкаем, приучаемся друг к другу. И это важно не только для Европы, для которой мусульмане все еще чужаки. Это важно и для России, в которой мы отвыкли, нас отучали, почти успели отучить от религии. И теперь нам приходится осмысливать свою и соседскую конфессиональную идентичность, учиться понимать и уважать ее.

Разговор о религиях мог бы состояться посредством телевидения. Но этого не получается. На экране чаще всего журчит все тот же заунывный монолог. Редко кому из православных пастырей удастся удержать внимание телезрителей. Не лучше обстоят дела и с мусульманскими священнослужителями. Не тот тон, не тот уровень артистизма. До американских, корейских «мастеров художественного слова» нашим далеко. В 1995 г. меня пригласили в Вашингтон на шоу преподобного Муна. Ругайте его, гоните, запрещайте, но на сцене вместе со своей «подтанцовкой» он работал лучше Максима Галкина и Евгения Петросяна вместе взятых. Возможно, наши «патеры» полагают, что им это не нужно. Им можно оставаться занудными, у них все равно имеется надежная «крыша» в лице государства. Наверное, и государству не нужны эффектные религиозные проповедники – кто их знает, что им взбредет в голову?!

Нет качественных религиозоведческих передач, способных дать обывателю разумное, спокойное представление о религии, научить его терпимости к иноверцу. Хотя попытки создать такие передачи были. В середине 1990-х годов Гейдару Джемалю на деньги внешних спонсоров удалось наладить две программы – «Ныне» и «Минарет», продержавшиеся в общей сложности около трех лет. Поучаствовать в «исламском телевидении» довелось и мне. В 1997 г. позвонил мне человек бурной биографии и неумной энергии (в свое время побывавший ответственным секретарем «Крокодила») Саша Ячменев и предложил делать программу (сериал) об исламе. Ко мне обращались и раньше, но всякий раз обещания уходили в песок. Кто же не знает, что из пяти проектов обычно проходит только один. Ячменев и оказался тем самым одним. Решено было, что передача будет адресована широким мас-

сам мусульман, а также всем тем, кто хотел бы побороть свое невежество. После долгих интриг Ячменев урвал на Российском канале пятнадцать утренних минут и кое-что из бюджета. Не прайм-тайм, конечно, но все-таки. К тому же от Урала и дальше на восток московские 9 часов превращались в 10, 11, 12, и программу могли видеть не только «жаворонки». Кстати, именно на Урале и в Сибири нас смотрели больше, чем везде. Саша придумал отличное название – «Тысяча и один день, или Энциклопедия ислама». Работа закипела. Мне доверили писать сценарии, а заодно и роль постоянного участника – нечто среднее между ведущим и толкователем. В передаче перебивали муфтии, имамы, политики, ученые. Какое-то время голос за кадром принадлежал великому «вахтанговцу» Юрию Яковлеву. Наш вождь и продюсер Ячменев все время пытался уйти от «говорящих голов», доставая изящный видеоряд. Рассказы об исламе шли на фоне изысканных пустынных, располагающих к философии пейзажей, памятников мусульманской архитектуры. Менялись места съемок – сад «Эрмитаж», Московский муфтият, мой дом, мечеть на Поклонной горе, Болотная площадь. Первые сценарии писались легко. «Мухаммад», «Коран», «Хиджра», «Шариат» были просты и конкретны. Куда сложнее оказалось научить меня правильно разговаривать и вести себя в кадре. Саша и наш оператор Николай постоянно давали полезные творческие советы, которые я добросовестно игнорировал. Снимали сразу несколько сюжетов: как правило, четыре, но однажды пошли на рекорд и сняли целых восемь. Переснимать и переговаривать приходилось порой по несколько раз. Мешали прохожие, осадки, машины...

Случались накладки – сейчас смешные, а тогда – не очень. Как-то раз снимали на набережной Москвы-реки в Парке культуры. Тема была серьезная: межрелигиозный диалог. В кадре за моей спиной маячил храм Христа Спасителя. Соответственным должен был быть и тон. Поведал я, как важно для мусульман и христиан понимать друг друга, упомянул величие нашего многоконфессионального государства. Уже собирался сказать, сколь опасны межрелигиозные конфликты, и осудить теорию столкновения цивилизаций, как выяснилось, что пропал звук, и причем давно.

– Бывает, – кисло кивнули друг другу члены съемочной группы. Накрапывал дождик, звук вернули, и я вновь заговорил торжественным голосом о межцивилизационном диалоге. Но тут Николай сказал: «Стоп!» – накрылась кассета. Говорят, что такое бывает раз в сто лет. Но случается. Заменяли кассету. Пафос мой

истощался, но, собрав волю в кулак, я еще раз воззвал народы к диалогу. В этот миг над камерой что-то затрепыхалось.

– Уточка летит, – сказал я и улыбнулся счастливой улыбкой, Улыбнулись и Ячменев с Николаем. Их улыбки я храню в памяти и по сей день.

Мусульмано-христианский диалог мы записали с четвертой попытки. Еще два раза переписывали конец. Может, поэтому он мне так дорог, этот диалог? «Тысяча и один день» продолжался больше года (а надо бы, чтоб «длился дольше века»), потом пропал, снова вернулся. Саша боролся за финансирование, как гладиатор. Программы делались в основном на энтузиазме, хотя видеокассеты с ними уже продавались в мечетях – кто-то успел на нас нажать. (Об авторских правах тогда и не заикались.) До сих пор мне непонятна тогдашняя жадность богатеньких мусульманских «буратинок» и равнодушие телечиновников. Наверно и те, и другие считали, что на исламе много не заработаешь. Передача скончалась, оставив по себе неплохую память. Ее смотрели, нас благодарили. Одно время мусульмане провинциальных городов даже узнавали меня на улице. По прошествии нескольких лет «Тысяча и один...» смотрится немного наивным. И все же время не было потрачено зря.

Сегодня есть другая исламская передача – пятничная десятиминутка. И тоже на второй кнопке. Выходит по утрам: 08:55–09:05. Называется «Мусульмане». «Пришли честолюбивые дублеры, дай Бог, вам лучше нашего сыграть». Увы, однажды на глаза попало мнение о передаче одной умной (к тому же молодой и красивой) «исламоведки»: «Передача “Мусульмане” вносит свой вклад, хотя и не намеренно, в маргинализацию образа российских мусульман. Иногда безвкусная, иногда лубочная, она загоняет мусульман в этнографическую нишу, какая, возможно, могла бы увлечь исследователей-эволюционистов XIX в. Созданный ею образ мусульманина в ватном халате с тюбетейкой... распевającego народные мелодии, по сути обратная сторона, другое зазеркалье образа бородатого мусульманина с зеленой повязкой на голове». Я бы так написать не рискнул, хотя и согласен с автором. Что-то напишет она про это мое произведение?! Так или иначе, что-то толковое, честное и объективное про ислам показывать нам по «ящику» необходимо.

Исламский ренессанс породил исламскую же прессу. Сначала ее просто-напросто не было в природе. Неоткуда было взяться. Да и вообще из всей религиозной печатной продукции советских

времен я помню только бабушкин «Православный календарь», который любил рассматривать, пытаясь вникнуть в непонятные названия церковных праздников. Об исламе я тогда слыхом не слыживал.

В 1990-е годы печатные исламские СМИ появлялись как грибы после демократического дождя: «Ислам и общество», «Рисалэт. Послание» – Уфа; «Мусульманская газета», «Ислам минбаре», «Все об исламе», «Знамя ислама», «Мысль», «Мусульманский курьер», «Азан» – Москва; «Исламские новости», «Знамя ислама» (еще одно), «Путь ислама», «Ас-Салам», «Нур-ул-Ислам» – Махачкала; «Свет» – Майкоп; «Великий джихад» – Грозный; «Иман», «Вера», «Алтын Урда», «Мир ислама» – Казань; «Мадина аль-ислам», «Минарет» (журнал) – Нижний Новгород; «Заря ислама» – Иркутск; «Солнце ислама» – Пенза; «Иман» – Вологда; «Байт Аллах» – Ульяновск; «Все об исламе» – Тюмень; «Аль-Баян» – Киев... И даже «Голос Ахмета» – первого неудачливого главы Союза мусульман России. На хранящемся у меня экземпляре этой газеты стоит автограф ее создателя, редактора и главного автора. Проще порыться в справочниках и перечислить все мусульманские издания в алфавитном порядке. Но, готовя эту рукопись, я честно проглядел только свои архивы, включая в перечень только то, что я лично перелистывал и, вопреки уставшей от исламоведения семьи, храню и буду хранить. Не все «мои» газеты и тем более журналы названы. Что-то исчезло на житейских перекрестках или было попросту растащено любопытными коллегами.

Некоторые газеты выходили в половину полосы и исчезали после 3–4 номеров. Другие выдержали только один выпуск. Иные существуют и поныне. Но, так или иначе, мусульманская пресса устоялась. Исламские издания лежат в мечетях, распространяются на конференциях. Кто-то даже на них подписывается. По ним можно судить о состоянии ислама в российских регионах. Практически в каждой газете есть три типа публикаций. Первый – рассказ о том, что происходит в местной мусульманской общине: открытие мечетей, события религиозно-культурной жизни и мусульманские сплетни, подающиеся самым неприятным образом, часто малопонятно. Но знающий человек многое может прочесть между строк.

Второй – исламское просветительство, я бы даже сказал, обучение исламу. В начале 1990-х годов мусульман учили, как надо молиться, простенько рассказывали о Коране, об исламской истории. Ныне темы усложнились, появляются материалы об ислам-

ской философии, рассказывается о различиях между суннитскими толками (мазхабами). Издаются мусульманские журналы, авторы которых пишут на весьма высоком профессиональном уровне.

Третий – внешняя политика. Здесь статьи напоминают реляции наших кремлевских политтехнологов. Причем, если эти прикидываются, то мусульманские аналитики абсолютно честны: они американофобы и антизападники. Логику публикаций пересказывать не буду, она очевидна. Конечно, здесь много примитивного, в худшем смысле популистского, крикливого. Но ведь все «мы вышли из гоголевской шинели» – Отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС.

Есть одна трогательная маленькая газетка, подшивку которой я храню, как старые большевики ленинскую «Искру» в 1930-е годы. Это «Мусульманский вестник» из Саратова. Газетка в четверть полосы начала выходить, кажется, с 1991 г. Она – долгожитель, переживший взлеты, падения. «Вестник» можно назвать летописью исламского возрождения не только в Саратовской области, но и во всей России, пусть фрагментарной, но все же. В 1991 г. в «Мусульманском вестнике» появилась заметка «Жемчужиной Саратова станет новая мечеть» и был помещен ее проект. Прочтя статью, я только хмыкнул, а спустя 13 лет побывал на ее открытии.

Набрал силу исламский Интернет. Он велик, шибко однообразен, но все же вызывает любопытство не только у мусульман, но также и у спецслужб. На мусульманских сайтах звучат менторские нотки, жажда показать исключительность мусульманской религии. Я никого не собираюсь обвинять, с православием дело обстоит не намного лучше. В практическом отношении исламские вебсайты приносят мусульманскому сообществу немалую пользу, предоставляя самую разнообразную и ценную информацию – от поиска невест и женихов, до заметок о халяльных магазинах и медицинских центрах, где делают обрезание. Исламский Интернет – почетное свидетельство единства в исламе религиозных и мирских проблем. Он – видимое, неоспоримое свидетельство организованности мусульманского сообщества, формирования общих интересов и менталитета. Интернетом пользуется в первую очередь молодое поколение – это показатель будущего повышения консолидации мусульманской общины.

Российские мусульмане продолжают неторопливо учиться, как рассуждать о самих себе, давать объективную оценку своим поступкам, отношениям с остальным миром. Это научение проис-

ходит противоречиво, болезненно, но оно – обязательная часть исламского возрождения. Мне представляется, что в чем-то наши мусульмане уже более состоятельны, чем их ближневосточные единоверцы с патетикой, достойной лучшего применения, хранящие и гордящиеся своим историческим предназначением. Книги, статьи, программы об исламе наполнены стереотипами, как сентябрьский лес опятами. Сама попытка избавиться от них уже есть стереотип. Наверное, это неизбежно. Только, как и в случае с опятами, важно отличать ложные стереотипы от «съедобных». А здесь царит большая неразбериха.

Существует стереотип, что «столкновение цивилизаций» – выдумка провокаторов. Это – видимый, публичный стереотип. Ему противостоит убеждение, что хотя такого столкновения нет, все равно «что-то там есть». Это – скрытый, стыдливый (но не беспочвенный) стереотип. Какой из них ближе к истине? Ислам – это религия, культура, политика, бытие. Ислам – это процесс, в котором мы живем, частью которого мы являемся (даже если речь идет о немусульманах). Конечно, так можно сказать о каждой религии, про все что угодно. Но все же ислам остается и останется одним из самых бурных процессов нашей эпохи. Пусть бурлит, а наше дело – попробовать в этом разобраться.

А.В. Малашенко, «Мой ислам», М., 2010 г., с. 178–203.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2010 – 11 (221)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение

№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 6/ХІ-2010 г. Формат 60х84/16

Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена

Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 11,2

Тираж 500 экз. Заказ № 186

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)

